

АБХАЗСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Н.А. ЛАКОБА

Климентий Джинджолия

ВОСПОМИНАНИЯ

Сухум, 2025

УДК 93/94
ББК 63.3(5Абх)6
Д 41

Редактор, автор предисловия и комментариев – С.З. Лакоба

Джинджолия, К.К.

Д 41 Воспоминания / К.К. Джинджолия. – Сухум, 2025. – 132 с.

Воспоминания Климентия Джинджолия (1952–2021) – абхазского государственного и общественного деятеля. Описываются события Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., а также предвоенные события.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Интервьюер Елена Заводская

Корректор В.И. Пейливанова

Дизайн и верстка Е.Г. Гегия

Обложка Г.Н. Рыженкова

Выражаем признательность Д.А. Барганджия за участие в издании

Г/р 978-5-166-92-08025

© Джинджолия К.К., 2025

Пассионарий

Климентий, или Клим, как его называли друзья, близкие был ярким пассионарием, взрывным человеком, справедливым, обладавшим личным магнетизмом. Он умел дружить, находил общий язык даже с самыми сложными по характеру людьми. Но сейчас речь о другом – он обладал уникальной памятью, запоминал все до мелочей, подробно рассказывая о том, что было, скажем, лет 30 назад. На меня это производило огромное впечатление – вот она живая «устная история», которую нужно лишь зафиксировать. Мы неоднократно говорили об этом и в конце концов при участии дочери Камы Джинджолия он согласился рассказать о многом под запись на диктофон. Первый опыт в этом смысле, да и вся задумка вспомнить о Ткварчели (Ткуарчал) и ткварчельцах в советское время, принадлежала ему, что нашло свое отражение в книге «Зерна мятежа»¹.

Данный жанр «устной истории» нашел свое продолжение и в предлагаемых уникальных «Воспоминаниях», записанных Климентом Джинджолия на диктофон в 2018 г., за три года до его безвременной кончины...

На вопросы известного журналиста Елены Заводской автор дает подробные, иногда лаконичные, а порой развернутые ответы. В основном Климентий рассказывает о тех событиях, в которых он принимал непосредственное личное участие, вспоминает людей, стоявших тогда рядом в сложное военное время 1992–1993 годов.

После начала войны с Грузией 14 августа 1992 г. (в этот день будучи депутатом Верховного Совета Абхазии он находился на сессии в Сухуме) автор впервые прилетел из Гудауты в блокированный Ткварчели в середине сентября. О том, что происходило до этого в шахтерском городе он лично не был свидетелем, и потому в «Воспоминаниях» отсутствует его рассказ о первом месяце войны (сер. августа – сер. сентября 1992 г.).

¹Жидков Спартак. Зерна мятежа. Очерки истории национально-освободительной борьбы в г. Ткварчели. (1977–1991 гг.). Сухум. 2010.

В предлагаемых записях читатель найдет немало интересного и неизвестного, особенно о наземной операции ведомства по чрезвычайным ситуациям России (позднее МЧС РФ) в Ткварчели – как она осуществлялась, какие наставления лично давал депутату Климентию Джинджолия Председатель Верховного Совета РА В.Г. Ардзинба, находившийся на постоянной связи с ответственными за это масштабное мероприятие по эвакуации и спасению мирных граждан многонационального города.

Нужно особо отметить следующее. Почти всю войну жена Климентия Джинджолия Алла Самсония и маленькие дети Кама и Аснат (Мася) находились в блокадном городе вместе с другими жителями. Несколько раз прилетая в Ткварчели, Климентий так и не смог увидеться со своей семьей, чтобы люди не сказали, что он, депутат, прилетел за своими детьми...

Клим был искренним, порядочным и очень способным от природы человеком, душевным парнем, у которого слова не расходились с делом. Он отличался своей неудобной для многих прямоотой, особенно это проявлялось в послевоенное время. В ряде фрагментов «Воспоминаний», которые не вошли в это издание, есть справедливые, но сугубо личностные оценки, и потому было решено их архивировать до поры до времени...

Станислав Лакоба,

депутат Верховного Совета – Парламента Республики Абхазия 1991–1996 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ

Самое главное событие 1989 г. в Абхазии – принятие известного Лыхненского обращения, произошло в селе Лыхны, на его площади, где собралось огромное количество людей из всех районов Абхазии.

В обращении открыто говорилось об ущемлении прав абхазского народа. В целом это было обращение от всей многонациональной Абхазской автономной республики о правовой незащищенности абхазов как титульной нации в автономии.

Если в советское время обращения обычно подписывались отдельными лицами, то в данном случае это происходило от имени всей республики, т. е. с подписями первого секретаря обкома партии, большинства партийных работников и работников силовых структур, за исключением нескольких личностей, среди которых были, к примеру, работники прокуратуры.

В обращении выражалась главная просьба – о выделении государственной комиссии для изучения состояния дел, таких как назначение кадров, обеспечение необходимым финансированием республики; это касалось образования, медицины, дорог, условий жизни, особенно в сельской местности, работы телевидения и многого еще. Также было высказано основное требование – чтобы из центральных органов Москвы приехала компетентная комиссия и изучила ситуацию на месте.

После этого взаимоотношения между Грузией и Абхазией начали ухудшаться. В ответ грузинские власти стали обострять ситуацию. Первым их шагом явилось открытие филиала Тбилисского государственного университета (ТГУ) на базе Абхазского государственного университета. Но это стало и последней каплей терпения абхазского народа. Начались митинги, которые собирали огромное количество людей. Аналогичные мероприятия проводились и у нас в городе – в Ткуарчале.

Где-то 4 августа (чуть позже расскажу об этом подробнее) в знак протеста шахтеры предприняли «сидячую» забастовку

в двух шахтах – шахте им. Ленина и шахте им. Лакоба. В районе правого и левого крыльев где-то по пятнадцать человек сидели под землей, без еды, на одной воде. Большое количество журналистов приезжало сюда, чтобы взять интервью. К сожалению, тогда не было возможности осветить эти события лучше... Тем не менее здесь побывало немало людей, ставших свидетелями этого уникального события. В бывшем Советском Союзе аналогов не было.

Какие требования предъявляли шахтеры? Что касается национального состава, среди протестующих были только абхазы? Или это была смешанная группа?

Шахтеры требовали незамедлительно закрыть филиал ТГУ, требовали не вносить раздор в республику. Что касается национального состава, то там были не только абхазы, но и грузины, русские, то есть требования являлись многонациональными. Вообще шахта не терпит деления по национальному составу, потому что люди спускаются в шахту, идя практически на смерть, там без помощи друг друга невозможно. Коллективы многотысячные, требования консолидированы. И основное требование – не вмешиваться в наши дела. У нас был Абхазский государственный университет, и открытие ТГУ создавало искусственное противоречие.

Где вы работали на тот момент?

Я возглавлял профсоюзные организации шахтоуправления. В 1985 г. меня избрали председателем объединенного профсоюзного комитета. Это четырнадцать трудовых коллективов, свыше пятнадцати тысяч человек. Шахтоуправление полностью подчинялось Кутаиси. Объединение располагалось там, и, соответственно, мое вышестоящее управление находилось в Кутаиси. По партийной иерархии секретарь партийного комитета вроде подчинялся местным органам, горкому партии и через него обкому, но это была чисто формальная сторона. Самое главное то, что административное руководство шахтоуправления находилось в Кутаиси. Директором шахтоуправления

правления был грузин – Кизирия Кито Ноевич, очень образованный человек, который трудился много лет в этой отрасли здесь и долго работал в России. Тем не менее он являлся ставленником Кутаиси. Среди них в раннем возрасте, в 33–34 года, я стал председателем объединенного профсоюзного комитета. Фактически у нас отсутствовали права вообще, решение любых вопросов внутри города необходимо было согласовывать с Кутаиси. Это касалось назначения людей не только в руководящий состав производственных структур, но и в шахты, центральную обогатительную фабрику, центральные механические мастерские, даже на должности руководителей клуба, Дворца культуры, пионерлагеря, школы, санчасти, больницы. Все это подчинялось Кутаиси. А формально требовалось, чтобы бумаги заверял я и ставил свою подпись.

Фактически с конца 1986 г. у нас пошли огромные противоречия, и шахтеры в открытую на собраниях трудовых коллективов стали добиваться, чтобы мы отстаивали их интересы. Помимо всего этого стояли вопросы о выделении жилья, легковых автомашин, мебели, путевок. В советское время работала распределительная система, но все решалось в Кутаиси. И эти наши противоречия, которые возникли с 1986 г., длились до 1991 г. (об этом подробнее расскажу позже). Обобщив все требования и решения, мы провели общую городскую конференцию, собрали все представительство от имени шахтоуправления и с письмом обратились не только к руководству в Кутаиси, но и в Москву, в Министерство угольной промышленности СССР, в ЦК профсоюза угольщиков.

Что было в этом письме?

Во-первых, в этом письме мы ставили вопрос о том, чтобы нам дали больше самостоятельности для решения необходимых производственных и бытовых вопросов. Во-вторых, то, что было необходимо для функционирования шахты: лес, металл и все остальное, – провозили по железной дороге, минуя Очамчыру, вглубь Грузии – в Кутаиси или в Ткибули. А возвращать нам оттуда и завозить в наш город обходилось в три раза

дороже. Было видно, что все это делалось для того, чтобы привязать нас и еще держать на привязи, то есть в зависимости от них. В наших требованиях отсутствовала политика изначально, они носили чисто экономический характер, и в этом мы были едины. Невозможно людей делить по национальному составу, мы все вместе ставили эти вопросы. Я стал часто ездить в Москву, где находилась абхазская делегация – народные депутаты от нашего шахтоуправления. Руслан Аршба был народным депутатом СССР, вместе с Владиславом Григорьевичем работал в Верховном Совете СССР. С тех пор у меня появилась возможность общаться с Владиславом Григорьевичем, более того, он иногда даже рассматривал мои обращения и письма, которые я приносил в Министерство угольной промышленности. Эта борьба о выходе продолжалась с 1986 по 1991 г.

Чем закончились голодовка и протестная акция шахтеров, связанные с созданием в Сухуме филиала ТГУ?

Они вынуждены были отменить решение об открытии филиала ТГУ, только после этого шахтеры вышли из забастовки. Тогда мы получили затишье до общего референдума о сохранении СССР от 17 марта 1991г. Однако этот референдум опять расколол наше общество. Грузия категорически поставила вопрос о том, чтобы не проводить референдум на территории Абхазии. Их требование не получило поддержки в Сухуме, и референдум прошел полноценно, как положено, и в Гудаутском районе, и в Ткуарчале. Мы провели этот референдум, за что нас и стали наказывать. Начались кровные противоречия со своим объединением.

Как вас наказывали?

У них были сильные рычаги воздействия. Экономически мы подчинялись им, финансирование шло оттуда, существовала одна банковская система. Один малейший сбой – и мы могли остаться без средств к существованию, а невыплата заработной платы шахтерам грозила забастовкой и непониманием.

Правильно я поняла, что в том референдуме, о котором мы говорим, по сохранению СССР, Абхазия высказалась за его сохранение? И правильно ли я поняла, что этот референдум проходил не во всей Абхазии, а только в Гудаутском и Ткуарчалском районах?

На референдуме Абхазия высказалась за сохранение СССР, но не вся Абхазия, он прошел полностью в Гудаутском районе и в Ткуарчалском, частично в Очамчырском районе и в Сухуме. 17 марта 1991 г. после проведения референдума ночью к одиннадцати часам в Ткуарчал заехали на нескольких служебных автомобилях руководитель МВД Абхазии Гиви Ломинадзе, его заместитель Ломинашвили, председатель Службы государственной безопасности Автандил Иоселиани и представитель Центральной избирательной комиссии из Тбилиси. Собрали руководство города: первого секретаря горкома партии Пилия Давида Григорьевича, начальника милиции, прокурора города, руководителя Службы государственной безопасности, председателя горисполкома, его заместителя Джумбера Ткебучава, весь актив. У них было желание забрать материалы референдума под прикрытием того, что якобы их нужно вывезти в Сухум с дальнейшей отправкой в Тбилиси, будто им необходимо что-то пересмотреть. Мы прекрасно понимали, что тем самым они собирались аннулировать или спрятать, уничтожить документы. Секретарем горисполкома тогда работала Дорохина Елена. Она, кстати, еще жива, живет в Ткуарчале, преподает в школе. Дорохина моментально сообщила об этом через каких-то людей, и информация дошла до меня. Я был членом комиссии. А без согласования с членами комиссии, согласно инструкции, она не имела права, как простой чиновник, секретарь горисполкома, открыть сейф, вытащить бюллетени и отдать им в руки. Она это прекрасно понимала. Когда же начали требовать назидательно, тем более требовал министр МВД, она предложила собрать членов исполкома, людей, которые занимались выборами, и сумела сообщить мне. Пришлось мне одному сопротивляться всей этой команде. К великому сожалению, даже руководители города не встали на

мою сторону, и первый секретарь, и весь силовой блок. Далее стали разговаривать со мной на громких тонах, дело дошло и до угроз. Я сорвал погоны с заместителя начальника горотдела Шенгелия Джимшера, грузина по национальности. Он начал очень усердно наезжать на меня, защищая своего милицейского чиновника. В итоге они поняли, что информация может просочиться на улицу и в небольшом городе быстро дойти до актива, до шахтеров, и поэтому им пришлось оставить нас в покое и уйти. Хотя это была маленькая победа, мы, тем не менее, этот референдум от 17 марта 1991 года отстояли.

Уточните, пожалуйста, что за события произошли 15-16 июля 1989 года.

События июля 1989 года были продолжением несогласия с открытием филиала ТГУ в Сухуме. На площади в Сухуме намечался большой сход жителей Абхазии, преимущественно абхазской национальности. Естественно, его проведению начали мешать. Вообще инициатором проведения митинга выступила «Аидгылара». Нас поставили в известность, что 15 числа в Сухуме состоится митинг и мы должны приехать туда со своим активом. Противодействие нам началось с транспорта. Была остановлена работа пассажирского транспорта, автопредприятия под разными предлогами, будто у них там субботник и еще что-то. Создавались всяческие препятствия, чтобы мы не выехали. Все это еще больше разозлило наших людей. В тот день жителей Ткуарчала оказалось огромное количество, практически весь актив, порядка трех-пяти тысяч человек собралось на площади. Небольшая группа пришла туда не с пустыми руками, а с самодельной взрывчаткой, что, кстати, спасло тогда ситуацию, когда сваны спустились с улицы Чанба и была попытка силой выдавить митингующих с площади. Несколько взрывов произошло в тот момент, когда они начали подходить со стороны горотдела, где сейчас пересечение улиц Аидгылара и Гулиа. В этом месте совершился первый взрыв. Там стоял огромный самосвал, набитый людьми с голыми торсами, и, насколько я помню, вооруженных. Это были сваны, специаль-

но подготовленные, которых спустили с Верхней Сванетии, с Мачары. Они находились здесь и в нужное время по команде появились на площади. Как раз напротив них группа из Ткуарчала в составе 12-ти человек применила самодельные взрывчатые вещества. Естественно, ребята из шахтерского города знали, как применять взрывчатку и аммонал. Это успокоило горячие головы, и они вынуждены были драпать отсюда. Тогда силовые структуры Грузии, которых существовало немало, поняли, что дальше управлять ситуацией не смогут. Они надеялись, что на площади будут люди мирные, безоружные и с пустыми руками, надеялись их выдавить оттуда, рассчитывая, что те просто разбегутся. Ближе к вечеру 15 июля к нам с Давидом Чичовичом Пилия (их было двое, чтобы не путали) поступила информация, что идет огромное число людей со стороны Грузии, а в районе Гала, за рекой Ингур, сосредоточилось большое количество гражданского населения и все движутся в сторону Сухума. Пошла информация, что наших убивают, начались взрывы. Этот слух был запущен специально, чтобы мобилизовать людей. У нас возникло желание оставить площадь и поехать туда, чтобы закрыть доступ к городу, защитить его. Однако выехать тоже было не так легко. Тут оказался Бондо Ачба на легковой машине. Мы садимся в его машину, начинаем выезжать, дорога перекрыта, огромное количество милиции, силовые структуры. Сваны ушли с площади и переместились в сторону президентского дворца (раньше называли это здание обкомом партии). Мы решили поехать туда и понять ситуацию, тем более первый секретарь горкома партии Давид Григорьевич Пилия сообщил, что дорога перекрыта, уже идут столкновения на Красном мосту. В районе Синопа, на Мачарке уже перевернули несколько машин, есть жертвы. Двух братьев Ласуриа вытащили из машины, убили на Красном мосту, и это являлось делом рук сванов. Но мы уже приняли решение ехать, другого выхода у нас не было. Проскочили Красный мост, минув все драки, доехали до Мачарского поста, где нам удалось применить хитрость. Так совпало, что там стоял первый секретарь Гулрыпшского райкома партии Чарквиани, который

нас знал. Мы вышли из машины, подошли к нему, начали разговаривать. Он не мог нас сдать прямо, в открытую. Нашу машину пропустили, мы сели и выехали, вдогонку по нам открыли огонь. Но, тем не менее, нам удалось выскочить из этой ситуации. Приехали в Очамчыру. Первый секретарь райкома партии Багапш рассказал, что на мосту ситуация тяжелая, пока сдерживаем, однако большое количество людей все больше и больше подпирает с другой стороны. Мы приняли решение во что бы то ни стало ехать в Ткуарчал, вытащить из шахты взрывчатку и заминировать Очамчырский мост через Галидзгу. Другого выхода у нас не существовало, так как сдержать многотысячную вооруженную толпу, которая напирает с другой стороны, мы бы не смогли, людских ресурсов у них было больше. Тем более и ткуарчалские ребята, и весь Очамчырский район находились на площади в Сухуме. Мы понимали, что, если они прорвутся, будет страшная бойня.

В течение нескольких часов мы втроем сумели организовать и собрать группу, заехали в город, создали общественную комиссию типа штаба, пригласили туда пожилых людей. Писаниной занялся Черкезия Леонид Несторович, бывший редактор газеты «Ткварчельский горняк». Иван Чичович², бывший начальник милиции, уже на пенсии, тоже вошел в комиссию. Вот таких людей собрали. От имени этого штаба было принято решение мобилизовать силы, вытащить из складских помещений взрывчатку, найти минеров, транспорт и выслать группу для минирования моста. Мы не имели таких полномочий без согласия Кутаиси и директора шахтоуправления.

Вы успели это сделать?

Да, мы смогли это сделать, более того, несколько грузовых машин, КАМАЗы, МАЗы, которые находились в городе, загрузили камнем, щебнем, аммонитом, всем, что попало под руку, для того чтобы преградить дорогу транспорту. В Очамчыре в условиях города найти такой транспорт и технику возможности не было. Однако до нас дошли слухи, что они могут зайти в город

²Пилия.

с тыла, со стороны Бедии. На подъеме в Ацхыду в сторону Бедии находился небольшой мост, который мы вынуждены были взорвать, чтобы тем самым обезопасить себя.

Появилась возможность все свои силы и возможности переместить в сторону Очамчыры и там держать оборону до высадки внутренних войск под командованием генерала Шаталина³, что и произошло буквально 17-го числа.

К этому времени в Сухуме было принято решение эвакуировать людей. Тут не думали, что мы сумеем удержать ситуацию. Людей, которые находились на площади, эвакуировали в сторону Гудауты, все население практически переместилось туда.

Видели ли вы идущую толпу? Действительно она была такой большой, с техникой, с оружием? Что происходило на мосту? Что вы там сделали? Сколько человек там было? Дошло ли там до столкновения?

На этом мосту до столкновения дело не дошло, и слава Богу, потому что мост фактически стал разделяющей зоной. На той стороне мы их очень близко видеть не могли, так как сам рельеф этого не позволял: если ехать со стороны Илора, начинался резкий поворот. Со слов жителей, на той стороне сосредоточилось до 10 тысяч человек, и это была даже заниженная цифра. По рассказам других людей, почти такое же количество находилось в пути, на своем собственном транспорте. Не нужно скрывать, что, когда столько народу ринулось в нашу сторону, силы правопорядка стали препятствовать им, испугавшись, что не смогут справиться с ситуацией и навести порядок. Тем самым они сами могли парализовать дорогу, которая вела не только в Тбилиси, но и являлась трассой всего Закавказья. Она считалась центральной, всесоюзной. Поэтому народа было очень много.

³Шаталин Юрий Васильевич – советский военачальник, генерал-полковник. В 1989 г. командующий Внутренними войсками МВД СССР.

Что предпринимали правоохранительные органы?

Правоохранительные органы начали мешать, говоря им, что там все обошлось, что никого уже нет. Слух запустили они же. Вначале сказали, что людей наших убивают, а далее – что это неверная информация. Стали мешать друг другу, трасса была закрыта, но это нас не спасло. Огромные груженые КА-МАЗы, МАЗы из шахтоуправления заезжали на мост, водители глушили машину там и убегали, чтобы не попасть под обстрел. В это время снизу находились минеры, которые заминировали мост на нашей стороне, на тот случай, если они начнут двигаться и невозможно будет их остановить. Там уже работали очамчырские ребята, захватившие на то время оружейник, за что Гурджуа Валерий Тебович потом оказался в тюрьме. Но это особая тема, о ней нужно говорить отдельно.

За что он оказался в тюрьме?

Он оказался в тюрьме потому, что как ответственное лицо, как прокурор района, по требованию населения дал разрешение на то, чтобы открыли магазин с охотничьими ружьями. Там был всего десяток стволов, по-моему, тем не менее кампанию раздули большую. Он, может, и не очень хотел этого делать. Но с помощью этих ружей и того, что у них еще было, смогли удержать ситуацию. На второй-третий день высадился десант Шаталина. Десантники встали на мосту, ситуация разрядилась.

Но в Ткуарчале возникла другая проблема. 350 детей шахтеров отдыхали в Кындыгском пионерлагере. В Очамчырском районе находилась база шахтоуправления, и я как председатель объединенного профсоюзного комитета раздавал путевки. Мне нужно было, во что бы то ни стало, забрать оттуда детей. И опять мы собрались в путь. Со мной направились туда Бондо Ачба, Валерий Джинджолия, Лаврик Голава. Подъехали мы к Очамчырскому райкому партии...

Расскажите, пожалуйста, о том, как сюда приехал Шаталин. Что это были за войска? Как они вошли? Сколько понадобилось людей, чтобы разделить стороны?

Огромную роль в этом сыграл Владислав Григорьевич Ардзинба, который являлся народным депутатом СССР. Со всех сторон посыпались звонки, и из обкома партии, и от местного руководства. Все в этом были едины. Владислав здорово тогда поработал, используя силу Верховного Совета. Он сумел на второй день выступить. Кстати, было его обращение к руководству СССР. Решение приняли очень оперативно. Высадился десант – внутренние войска ВДВ – в Сухумском аэропорту. Техники было достаточно, сколько единиц именно – не могу сказать. Это были БРДМы – машины, которые быстро передвигаются, не портя асфальт. То есть это не танки, а техника на колесах, они небольшие, перемещаются очень быстро, двигаются по трассе со скоростью 60-70 км/ч. И личный состав – накачанные, здоровые ребята, экипированные, с автоматами, все как положено, был немаленький, потому что они заняли трассу от Галидзги до Сухума. Тем более в Кочарском поселении находились грузины, которые держали трассу в руках. Цагера отдельно бастовала, в Кындыг невозможно было заехать – там мингрельское поселение. Абхазская сторона – это деревни с правой стороны. Кутол и Тамыш оказались оторванными. Фактически там могла бы произойти страшная бойня, начаться гражданская война. Со стороны гор спустились бы абхазы, а вдоль берега от Очамчыры до Кындыг, даже до Сухума, проживало мингрельское население. Они группировались во всех деревнях, стояли на трассе, перекрестки были перекрыты. Я это видел своими глазами, так как внутренние войска нас сопровождали от Очамчыры до Кындыг. А так без сопровождения невозможно было ехать. Нас просто расстреляли бы. С нами должны были ехать несколько автобусов для эвакуации детей. Стояла задача – во что бы то ни стало прорваться к Шаталину, который находился в кабинете первого секретаря райкома партии Багапша. Там сосредоточился штаб. Приехал генерал со своей охраной. Очамчырский райком был окружен, и мне с

трудом удалось прорваться туда. Когда я зашел в кабинет, Багапш, инструкторы райкома партии, работники администрации сказали, что я лично должен зайти туда и сказать, иначе не поверят, что там находятся дети и ситуация опасная для них. Ведь эту информацию скрывали, говоря, что все нормально, дети в безопасности и пусть там остаются. Но вы представляете состояние родителей трехсот пятидесяти детей, не знавших, что там происходит с их детьми!

Лагерь находился в селе Кындыг между Очамчырой и Сухумом, где на сегодняшний день находится база Лакута Зарандия. Дети были в основном из ткуарчалского пионерлагеря. Сергей Багапш сказал мне, что не сможет убедить их. К этому времени, оказывается, приехал уже первый секретарь ЦК компартии Грузии Гумбаридзе, и он находился внутри. Гумбаридзе и Шаталин обговорили между собой сложившуюся ситуацию. Охрана Гумбаридзе ни в коем случае не хотела, чтобы я озвучил информацию о том, что нашим детям угрожает опасность, в присутствии генерала Шаталина. Багапш сказал, что мне нужно, идя туда, держаться за ним, ведь там присутствовала огромная охрана Шаталина и Гумбаридзе. И через них я проскочил, зашел, представился и начал докладывать, что возглавляю профсоюзную организацию шахтоуправления, что дети шахтеров находятся в лагере и они практически в заложниках. Гумбаридзе стал кричать на меня, говоря, что я специально подосланный провокатор и детям ничего не угрожает. Шаталин позвал какого-то офицера, при мне же распорядился отправить несколько боевых машин впереди колонны, спросил, какое количество автобусов у нас есть. Этого количества «Икарусов» и ЛАЗов, где-то пять-шесть единиц, было недостаточно для эвакуации 350 детей, с ними еще пионервожатые, руководители пионерлагеря, обслуживающий персонал. Эвакуировать столько людей сразу – целое дело. Он распорядился в очамчырском автотранспортном предприятии найти дополнительный транспорт. Впереди колонны за машиной поставили меня со своим активом, и мы двинулись в сторону Кындыг. По дороге началась перестрелка. Пошла информация

о движении колонны для эвакуации детей. Когда мы приехали на место, жители собрали искусственный митинг вокруг пионерлагеря. Стали выступать женщины, провокационно заявляя, что они никого не трогали, дети живы и здоровы. Только офицеры открыли ворота пионерлагеря, как дети с плачем, криком побежали в нашу сторону. Все сразу поняли, что там происходит. Ну а потом довольно спокойно удалось вернуться в город, правда, это заняло время, но вывезли и вернули всех. На второй день аналогичный маршрут нам пришлось пройти для возвращения в Ткуарчал эвакуированных в Гудауту. Вернулись они на катерах по морю и были высажены в Очамчирском порту недалеко от райкома партии. Мы туда подъехали по такому же маршруту на своих машинах и встречали их. Так и разрядилась эта обстановка.

Кто организовывал возвращение жителей Ткуарчала, которые были эвакуированы с площади в Гудауту?

Организовали военные под руководством самого Шаталина. Этих людей, конечно, было гораздо меньше, чем на площади, потому что многие остались в Сухуме, разошлись кто по родственникам, кто еще куда-то. Тем не менее население нужно было вернуть. Если бы они начали на второй и третий день возвращаться по трассе своим ходом, так как общественный транспорт не работал, никто не смог бы обеспечить их безопасность. Во-вторых, представьте, какой ажиотаж в городе, когда люди не знают, что с их мужьями, братьями, сестрами, племянниками. Туда поехала не только мужская часть населения. Нужно было оперативно вернуть всех. Военные сработали четко. Выделили для этого военные морские катера, погрузили людей в Гудауте, высадили аккуратно в Очамчире. Мы подъехали туда на автобусах, коридор нам обеспечили, и вернули население в город. Их уже было не пять тысяч, а гораздо меньше. Кто-то имел возможность остаться в Сухуме, кто-то пытался прорваться своим ходом, тем же маршрутом, как мы вернулись в ночь митинга. Но мы возвращались в разгар, а на следующий день сделать это было проще. На митинг приехало

очень много людей на собственном транспорте, и мы не могли такое количество привезти на автобусах. Тот энтузиазм и ту активность, которые были тогда, описать и преподнести нынешнему поколению очень трудно. Люди абсолютно безвозмездно сами решали, на чем ехать, как добираться. Достаточно было сказать, что будет митинг и там необходимо проявить активность, нужно прийти и защитить свои права, свое будущее, – и люди шли на это.

1989 год закалил ткуарчалцев, и не только их, но я буду говорить именно от имени жителей этого города. Мы почувствовали, что может еще раз произойти что-то аналогичное, а мы фактически беззащитны. Забегая вперед, скажу, что после развала Советского Союза в августе 1991 г. у людей был большой энтузиазм собрать Верховный Совет, собрать легитимный орган, так как не стало коммунистической партии, ОБКОМа, правительство в одночасье стало управляемым, некоторые из наших слушались грузин, которые управляли ими. Были и сомневающиеся, я попозже буду об этом говорить более подробно.

В 1991 году произошло еще одно событие после референдума и до формирования Верховного Совета, в апреле, буквально за пару месяцев до того, как не стало Советского Союза. Мы наконец из Москвы получили приглашение. Борьба, которую шахтеры вели с 1986 до 1991 г., за выход из состава Грузугля и подчинение Ростовуглю была почти доведена до логического конца. Она перешла из экономического русла в политическое. Мы решили уйти, как в свое время Крым проголосовал о вхождении в состав России, будто чувствовали, что можем оказаться у разбитого корыта. Наш город полностью подчинялся Кутаиси, а отношения становились все хуже и хуже. И мы начали ставить конкретно вопросы, говорить, что не можем больше находиться в составе Грузугля и должны выйти из него. После событий 1989 года мы объявили бойкот и перестали ездить в Кутаиси на совещания. В апреле в Москве увидели, что ситуация у нас тяжелая. Это же угольная промышленность, без управления она не может существовать.

Мы получаем приглашение на коллегию Министерства угольной промышленности. Едем туда в таком составе: я, директор шахтоуправления Циба Анатолий Астамурович и начальник отдела экономики и всего блока шахтоуправления Исаков Николай Павлович. Мы также включили народного депутата от имени шахтеров – Аршба Руслана Ардевановича. Нам начали ставить разные условия, говоря, что сроки наши истекли. Пришлось оттуда вернуться назад, еще раз созвать актив во Дворце культуры. Город очень активно нам помогал, работал весь актив. Собрали людей, освежили наши решения, подключили юристов, которые приехали с готовым материалом. Тогда Министерство угольной промышленности поставило условие от имени исполнительной власти – на слушании должен присутствовать представитель правительства Абхазии. Все заместители членов правительства отказались ехать, а их у нас было пять человек. К каждому мы послали делегацию, но никто не согласился представлять интересы шахтоуправления. Я могу их даже перечислить по фамильно: Капба Энвер Эрастович, Лабахуа Зураб Акакиевич, Миканба Владимир Тачевич, Шакая Шота Мамиевич. Владислав Григорьевич по нашей просьбе из Москвы звонил им, каждого спрашивал, осмелится ли хоть один приехать и выступить на коллегии Министерства угольной промышленности, когда решается судьба коллектива, но они напрочь отказались. Время было такое, непонятно, кто на чьей стороне.

Чего они боялись?

Они не представляли, что без подчинения Грузии, без Тбилиси смогут жить самостоятельно. Тогда без звонка туда, без согласования они ничего не решали. Вертикаль власти была так выстроена, а мы являлись бунтарями, либо сумасшедшими, либо людьми, которые не понимали, что происходит. Шакая Шота Мамиевич несколько раз приезжал в Ткуарчал, будучи заместителем предсовмина. Каждый раз, в течение пяти лет, слыша, какие вопросы нами ставились, он говорил, что мы сумасшедшие и не представляем, что будет с уголь-

ной промышленностью без подчинения Кутаиси. Мы приняли решение от имени исполнительной власти включить в состав Пилия Давида Чичовича. Это тоже была исполнительная власть для города. К нашему счастью, на данный факт не обратили внимания, посчитав, что это вполне достойно. Коллегия шла в течение двух-трех часов, много спорили. Они слушали наши доводы, слушали другую сторону, а ее представляли генеральный директор Грузугля Саникидзе и его профсоюзное руководство – Гогилидзе Учо Герасимович – мой непосредственный начальник, который противостоял оттуда. На нашей стороне был Лунев Владимир Григорьевич – председатель ЦК профсоюза угольщиков СССР. У меня сложились очень теплые отношения с ним, я много раз ездил туда, мы вели переписку. Все эти люди понимали создавшуюся ситуацию, но главным для нас являлось то, что министром угольной промышленности был человек с огромным опытом – Щадов Михаил Иванович – Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, который и вел коллегию. Они понимали наше стремление, что для нас спасение в этой ситуации в большинстве голосов. Где-то в соотношении 17–13 мы выиграли схватку. Это было невероятно, в произошедшее не верил никто. Можете себе представить, промышленный город Ткуарчал вышел из подчинения Грузии и его подчинили Ростовуглю. В постановлении было написано: создать государственную комиссию, разделить баланс, разделить имущество, подчинить Ткуарчал Ростову, т.е. до начала войны мы фактически вывели город из подчинения Грузии в целом. Они не могли в это поверить. Пошли угрозы, грузинская делегация бросила все. Мы серьезно им уступали материально и экономически. Были без машин, тем более служебных, в Москве ездили на метро и жили в гостинице, а они с огромными связями и возможностями. Половина Министерства угольной промышленности говорила на грузинском языке. Куда ни зайдешь, везде их чиновники, но тем не менее выиграли эту схватку мы.

Щадов Михаил Иванович в Москве бумагу подписывал мне в лифте. Заседание коллегии угольной промышленности

завершилось очень поздно, все были очень уставшими, переругались между собой. Мы вышли, стояли в коридоре, нервничали, переживали. Нам сотрудники аппарата сказали: «На сегодня хватит, идите, завтра с утра придете». Ночью мы получили информацию, что Щадов утром уезжает с двухдневной или трехдневной командировкой в какие-то африканские государства на подписание какого-то проекта. Если утром он не подпишет решение коллегии, то мы постановление не получим еще целый месяц, а нам хотелось вернуться с ним, чтобы эту радость донести до города. Всей делегацией встали рано утром, подошли к зданию. Нам ничего не оставалось, как, увидев машину министра, выскочить, подойти, упасть на колени и просить подписать. Другого выхода не было. Пришли очень рано, но, к сожалению, его служебная машина заехала с заднего заезда. Мы так и не смогли его увидеть, стояли, ждали. В итоге Руслан показал свой значок народного депутата СССР. Нам открыли дверь, пропустили только Руслана и меня. Всех нельзя было туда пускать. Мы тихо поднялись в приемную министра, а там огромное количество его подчиненных. Все стоят с бумагами, заходят и выходят, помощники готовят документы. И в эту ситуацию мы вклинились, стали у двери. Она была немного приоткрыта, Щадов нас не видел, но мы видели все. Я Руслана немного выдвинул вперед, чтобы министр заметил его. Руслан был с черными усами, со значком, его часто по телевизору показывали. Щадов увидел его и говорит: «А депутат почему тут стоит до сих пор, впустите его скорее!» Депутат заходит, я за ним. Меня толкают назад охранники. Но и я зашел туда. Он спрашивает: «Что вы хотите?» Стали объяснять, что просим подписать постановление, что другого выхода у нас нет. Оказалось, что документ еще не готов. Тогда мы буквально побежали за ним. Начальником юридического отдела был Айденварг. Он начал подготавливать документ. Видим, что не очень они все этого хотят. Забрали, наконец, проект, положили в папку, подходим. Щадов в это время выходит из кабинета и садится в правительственный лифт. Тут представился единственный подходящий момент. Я выхватил папку, бросил и

Руслана, и начальника юридического отдела, и в ту же секунду оказался с министром в лифте один на один. Щадов был очень большим и здоровым мужчиной. Он говорит: «Ну что вы за люди!» Я сказал: «Этот документ ждет такое количество шахтеров!» Начал просить его. Он нашел какую-то ручку и прямо в лифте подписал эту бумагу.

Вернувшись в гостиницу, мы увидели, как сильно радовался этому Владислав Григорьевич. Он жил в этой гостинице. Владислав Григорьевич называл нас героями, не понимал, как вообще у нас все так получилось. Мы сообщили по ведомственной связи, что выиграли, город ликовал. К сожалению, не суждено было этому проекту претвориться в жизнь, потому что через несколько месяцев произошел путч в Москве с последующим развалом Советского Союза.

Все эти события настолько закалили наш народ, что следующим серьезным шагом стало формирование Верховного Совета. После этого Гамсахурдия очень резко развернулся в нашу сторону. У него пошли противоречия с Китовани и Иоселиани, и он пошел на шаг, на который никто и не рассчитывал. Приехал его заместитель Асатиани. Он и Зураб Ачба вдвоем разрабатывали систему создания Верховного Совета по квотам. И приняли решение по количественному составу квот: 28 депутатов абхазской национальности, 26 грузинской и 11 русскоговорящих депутатов, итого 65 человек. Весь народ принимал участие в выборе депутатов. От нашего города, а в нем было 8 округов, 8 человек избиралось в Верховный Совет: три человека, которые постоянно жили и работали там, это я, Давид Пилия и Сократ Джинджолия; первый секретарь горкома партии Давид Григорьевич Пилия, он жил в Сухуме; далее Гурджуа Валерий Тебович, Капба Энвер, Дамения Олег, Кварчия Валерий. Это депутаты, избранные от ткуарчалских округов. Выборы проходили осенью 1991 года. Они носили формальный характер, так как решение о том, кто именно будет избран в том или ином округе, было принято заранее. Сессия Верховного Совета начиналась в 11 часов. Утром, когда мы выезжали из города, на верхней площадке, недалеко от шахтоуправления, соби-

рался актив, они провожали нас. Ночью мы заезжали в город где-то в 9-10 часов вечера и до 1-2-х часов отчитывались. И это проходило в состоянии особой эйфории.

01.10.2018г.

Это продолжение 1989 года. Внутренние войска, которые были размещены в Абхазии, на долгое время решили главную проблему. Они принесли спокойствие в первую очередь, и численного превосходства грузинского населения не стало, потому что теперь не было у них возможности устраивать побоища, драки. Ведь грузинское и мингрельское население в основном проживало вдоль трассы от Ингура до Псоу, имея в этом преимущество. Размещение внутренних войск в Абхазии стало спасением, своего рода передышкой. Но возникла другая проблема. Когда грузинские власти увидели, что спецназ не дает им развернуться, перебросили огромное количество работников прокуратуры из Грузии для расследования событий по итогам 15-16 июля и того, что предшествовало этим событиям. Фактически местная прокуратура была отсечена от этих событий, а все бразды правления взяла в свои руки тбилисская прокуратура.

Что это значит? Сюда были командированы люди? Известно ли вам, сколько приехало сюда людей? Кто приехал из следователей? Как это выглядело?

В Ткуарчал приехало порядка тридцати человек. Такое же количество появилось в городе Очамчыра. В центральном аппарате в Сухуме их, наверно, было еще больше. Они находились в Гагре и в Гудауте. Те тридцать человек, которые приехали к нам в город, не помещались в здании городской прокуратуры. Они заняли здания прокуратуры, милиции, службы государственной безопасности, а также половину здания горисполкома. Допрашивали буквально всех, кто хоть какое-то отношение имел к этому, тех, кто выезжал на митинг 15-16 числа. Интересовались, на каком транспорте поехали, кто их повез, кто мобилизовал, кто агитировал, с какой взрывчаткой туда поехали, и кто доставал ее, с каких складов, кто куда звонил. В об-

щем начали шерстить Ткуарчал и практически вывернули все наизнанку. К великому сожалению, у нас в городе, особенно в службах, также административные работники, как это бывает, пользовались такой ситуацией, если кто-то на кого-то, даже на бытовом уровне, зуб точил и хотел свести личные счеты. Но все это не смогло повлиять на итог расследования. Большинство жителей Ткуарчала не стали выдавать друг друга. Тем, кто принимал активное участие, устраивали очную ставку, допрашивали в отсутствии друг друга, иногда под большим напором пытались получить необходимую информацию. Произошел еще такой случай. Водитель Беслан Берзения на своей машине, государственном транспортном средстве, в основном были большегрузные ЗИЛы, вывозил взрывчатку с аммонитного склада. Были известны и номер машины, и его данные. Они уже подготовили весь материал, еще немного – и могли его закрыть, но за Беслана заступился директор грузового автотранспортного предприятия Кишмария Сергей Капитонович. Привели и его на допрос. Он сумел задним числом, примерно за неделю до этих событий, эту машину списать, будто она в обрыв куда-то упала. Был составлен акт, он привел свидетелей, но доказал, что этой машины на тот момент не существовало.

Кишмария – грузин или абхаз?

Кишмария Сергей Капитонович – абхаз, из села Река Очамчирского района, жил всю жизнь в Ткуарчале, очень уважаемый и хороший пожилой человек. Это был достойный поступок человека, который поставил свою судьбу на чашу весов. Никто его не обязывал пойти на такой шаг, он просто понимал, что его подчиненного закроют. Произошел еще другой случай, с моим однофамильцем Джинджолия Хиударом. Он был намного старше нас, лет на 20, может, даже больше, взрывник-шахтер, всю жизнь на шахте проработал. Ночью 25-го числа я пришел к нему домой, фактически вытащил из постели и послал в Очамчыру заминировать мост на реке Галидзга. Жена его была русская, но поняла, о чем идет речь, и подняла шум, куда и зачем пожилого человека отправляете. Даже соседи на это обратили вни-

мание. Кто-то, наверно, передал эту информацию, и его начали допрашивать очень жестко, как одного из ведущих минеров. А минеры пользовались повышенным вниманием, их знали лично. Было несколько человек, способных подложить взрывчатку под мост, заминировать его. Просто рядовой человек не способен это сделать. Его прижали к стенке страшно и спрашивали, наверно, кто послал, кто обязал, буквально вытягивая из него всю эту информацию. Но они так и не добились от него ничего, и он вышел. Хотел со мной связаться, рассказать все, но у нас тогда другая связь была, не то что сейчас, современный человек этого не поймет. Он мог только с городского телефона позвонить. Еще ведомственная связь была, Кутаисская, но телефон прослушивался. Более или менее функционировала городская связь. Ночью он мне звонит, ругает, говорит, что мы с ним не родственники, что он меня не знает. Я вначале не понял, о чем разговор, потом догадался. Буквально через несколько дней, допрашивая меня, они как бы невзначай начали говорить о нем: «Твой односельчанин бывший, вы родились в одной деревне, твой однофамилец, ты к нему приходил или нет? Где он был 15-го числа?» Одним словом, присутствовали такие моменты, когда мы помогали друг другу и это спасало.

В этих допросах прокуратуры как себя вела грузинская часть населения Ткуарчала?

К великому счастью, они не заняли антиабхазскую позицию, так как понимали, что дальше нам нужно жить вместе, в одном городе. Однако со стороны прокуратуры попытки привлечь к себе внимание были. Их начинали допрашивать, но местные жители говорили, что мы все вместе защищали город, по национальному признаку не делились. И это являлось нашим спасением. Дальше пошло сильное давление на горожан, но, тем не менее, хочу назвать фамилии жителей Ткуарчала, которые были арестованы под разными предлогами, из тех, кто принимал участие в митинге на площади. Их арестовали, когда они возвращались оттуда, в городе. Эти люди попали под сроки и их не смогли отбить. Это Владимир Сердар-оглы – работал водителем, Славик

Сангулия – тоже водитель, погиб во время войны, Даур Гварамия, Валерий Хинтуба, Даур Аршба – сегодня работает в правительстве, и Нодар Аршба. Это были рядовые люди, которые получили разные сроки. А по городу Очамчыра срок получили Валерий Гурджуа – прокурор района, и Даур Шларба – один из сотрудников милиции.

Какие сроки они получили?

Точно не могу сказать, но они получили разные сроки. За них писали много писем, кого-то освобождали чуть раньше, кого-то позже. Вокруг Гурджуа было много писем, много борьбы, он отсидел восемь месяцев в Москве, только потом его освободили.

Где они отбывали сроки? Как дальше сложилась судьба этих людей?

Ребята из Ткуарчала, за исключением Валерия Хинтуба, если я не ошибаюсь, находились в Сухуме, в СИЗО. Если я не ошибаюсь, одного содержали в Тбилиси, но точно не могу сказать. Шларба, очамчырский сотрудник милиции, тоже отбывал наказание здесь.

Против запущенной машины по всей Абхазии был развернут забастовочный комитет, который начал действовать в городе и в республике в целом 4 августа 1989 года. Требования были следующие: запретить открытие филиала ТГУ – самое главное требование, вокруг чего все крутилось; прекратить преследование участников событий 15-16 июля 1989 года; предъявить недоверие грузинской прокуратуре; прислать прокурорских работников из центрального аппарата – генеральной прокуратуры СССР. И дать политическую оценку всем обстоятельствам, что привели к этим событиям.

Первыми забастовку начали в Ткуарчале. После нас ее подхватил гудаутский актив, дальше она доросла до Гагры. В Сухуме бастовало огромное количество предприятий. В Очамчыре были созданы забастовочные комитеты. Так она охватила все население Абхазии. У нас в Ткуарчале объявили забастовку центральная обогатительная фабрика, ГРЭС, центральные электромеханические мастерские, все четыре шахты, жилищное управление, водоканал, школы, медицинские учреждения. Почти всё, кроме хлебозавода и автотранспорта, чтобы совсем не останавливать жизнь в горо-

де полностью. Люди не выходили на работу и выдвигали требования. Дальше стало понятно, что не можем достучаться, забастовка на окраине Абхазии. Современный человек не поймет, что такое невозможность передать информацию. Оперативно достучаться до Кремля тогда было архисложно, поэтому на второй и третьей шахтах у рядовых шахтеров возникла такая инициатива. Мегона Чкадуа – отец Ибрагима Чкадуа, стал инициатором «сидячей» забастовки. Его друзья – шахтеры Заур Инапшба, Антон Воуба, Леварса Ласурия, Валерий Хинтуба, Николай Зарандия, Валерий Квициния, Сергей Скверия. Чуть позже к ним присоединились шахтеры второго крыла. С шестой и восьмой шахт – Гиви Адлейба, Давид Сандзава, Амиран Черкезия, Олег Лазария, Антон Ханагуа, Гиви Ферзба, Мирон Качабава, Рафик Багателия, Резо Маргия, Даур Лацушба. В таком составе со списком и планом решения пришли ко мне Лаврик Голава, Мегона Чкадуа и Гиви Адлейба, изложили свой план о том, что собираются объявить «сидячую» забастовку. Это было ново не только для нас. В бывшем Советском Союзе аналогов не существовало. Требования оставались те же, только собирались ужесточить для себя условия, т.е. сесть под землей, чтобы обратили внимание. Иначе не получалось. Каждый день список задержанных людей увеличивался, допрашивали нас всех. Давида Пилия увезли в Очамчыру, стали там допрашивать. Мы понимали, что другого выхода у нас нет, кроме такой забастовки, но объявить ее – это одно, а обеспечить безопасность митингующих людей сложно. Требовалось поставить в известность шахтоуправление. Директора должны были знать, что шахты работать не могут, а люди будут сидеть внутри. Для этого важно, чтобы работала вентиляция, иначе без воздуха они просто не выживут, одеть их в теплую одежду, обеспечить медикаментами, водой каким-то питанием, давление должен кто-то измерять. Мы начали обговаривать организационные моменты, сидя в моем кабинете.

Почему они пришли к вам?

Я являлся председателем объединенного профсоюзного комитета. Естественно, весь актив крутился вокруг меня.

Буквально через день все вопросы решили, и они сели внутри шахт. Это произошло 6 августа 1989 года. 4 августа начались забастовки, а через два дня засели в шахтах. Сидели люди, которых я выше перечислил, всего 20 человек. Помимо этого был создан общегородской штаб, который находился во Дворце культуры. Во главе штаба стоял один из самых уважаемых людей города Владимир Бидович Миквабия – инженер центральной обогатительной фабрики, возглавлявший профсоюзный комитет. Эта фабрика была очень передовой организацией, местом, где обогащают уголь. Огромное количество иностранцев приезжало сюда, даже американцы перенимали наш опыт. Владимир Бидович, будучи немолодым человеком, не очень хотел возглавлять штаб, но мы его попросили. Это было довольно-таки хлопотное дело, приезжало огромное количество журналистов из Москвы, много людей из Сухума. Баграт Шинкуба приехал. Он даже хотел спуститься в шахту, но это было невозможно. Ребята вышли к нему, чтобы пообщаться. Баграт просил, чтобы они не сидели в шахте, не подрывали свое здоровье, понимая, что это опасно для них. Но, тем не менее, люди их поддерживали. Информация о том, что шахтеры сидят под землей, должна была пойти дальше.

Создали специальную комиссию, избрали нескольких молодых ребят, к ним присоединились из других районов и городов. Общая делегация выехала в Москву. Они с помощью Руслана Аршба и Владислава Григорьевича Ардзинба попали в Москву к первому заместителю председателя Верховного Совета СССР Лукьянову Анатолию Ивановичу. В составе делегации от Ткуарчала были Гварамия Вианор – учитель пятой средней школы, Гамисония Илья – инженер завода «Заря». Остальные – из Гагры, Очамчыры, Сухума. Сам Руслан Аршба, народный депутат СССР, был горнорабочим шахты №2, как раз в его родной шахте люди сидели под землей, с ними фактически он работал. От их имени он выступил на съезде народных депутатов и передал обращение о сложившейся в Абхазии ситуации. После этого приехала большая группа сотрудников прокуратуры из Москвы, и ситуация немного разрядилась. Появилось спо-

койствие, однако с ребятами, которых осудили, все решилось не сразу. События 15-16 июля 1989 г. вместе со всем происходящим вокруг них привели нас к глубокому пониманию того, что город фактически беззащитным больше оставлять нельзя. Мы осознавали, что в следующий раз спецназ может не появиться так оперативно, как тогда, поэтому есть необходимость создания групп самообороны. Почти весь город был един в том, что мы должны суметь себя защитить. По географическому положению между нами и Ингуром была буквально пара километров, и мы оставались незащищенными, экономически сильно зависимыми от Грузии, подчинялись Кутаиси, так как объединение располагалось там. Формально мы находились на территории АССР, но вопросы согласовывались не в Сухуме, приходилось обращаться в Кутаиси. Это усугубляло ситуацию, потому что наши силовые структуры – милиция, служба государственной безопасности, прокуратура формально подчинялись республиканским структурам, а в основном они зависели от Грузии. В плане материального благосостояния, транспорта, бензина и всего остального мы оставались уязвимыми, население не было защищено, и, невзирая ни на что, пришлось самим создавать группы самообороны.

Кто этим занимался? Как вы это делали?

После создания Народного форума летом 1988 г. Пилия Давид, Голава Лаврентий, Джинджолия Валерий и я стали делегатами учредительного съезда от нашего города. Буквально через несколько дней мы создали отделение Народного форума в Ткуарчале и на одном из заседаний этого форума приняли решение о начале создания групп самообороны, во главе которых были Лаврентий Голава – председатель профсоюзного комитета шахты №2; Джинджолия Валерий – председатель профсоюзного комитета шахты №6, Адлейба Гиви – рядовой рабочий шахты №8. Это люди, которые с 1989 года и во время войны находились в первых шеренгах и на все выходы со стороны Грузии, такие как перемещение армии вплоть до границы Гагры, провокационные передвижения и многое другое,

реагировали активно. Город разбили на сектора и утвердили руководителей боевых групп. В случае мобилизации, какой-то военной тревоги каждый из них знал, куда бежать в случае необходимости и чем он должен заниматься. Костяк составляла та же команда людей, которая на площади 15-16 июля спасла ситуацию. Дальше хочу назвать тех, кто оборонял Очамчырский мост через Галидзгу. Считаю необходимым перечислить фамилии, их немало, и они заслуживают этого. 14 августа 1992 года эти люди первыми приняли удар на Беслахубском перекрестке: Славик Гварамия – рабочий в доломитовом управлении; Динвар Асландзия – работал в школе, будущий полковник Министерства обороны, погиб при освобождении Кодорского ущелья; Юрий Кварчия – работал в школе; Анатолий Воуба – работал на шахте; Мурман Цахнакия – работал на хлебозаводе, отец нынешнего министра здравоохранения; Амиран Ахсалба – работал на шахте №3; Нури Зарандия – шахтер; Арсений Инапшба – шахта №3; Беслан Квициния – инженер в жилищном управлении; Гурам Какоба – водитель автотранспортного предприятия; Вианор Гварамия – работал в школе учителем; Зураб Ачба – связист; Вахтанг Цецхладзе – шахта №3, героически погиб при попытке взятия Очамчыры, был ранен и подорвал себя, чтобы не оказаться в руках противника; Евгений Иванов – связист; Леонид Аргун – работал в ЦОФе; Руслан Бигвава, Анатолий Аршба, Геннадий Гогоуа, Вячеслав Лазария – работали на шахте; Фридон Аршба; Амиран Джопуа – сотрудник тепловодоканала, погиб при попытке освобождения Очамчыры; Ардеван Самсония; Валерий Булия – работал на шахте №8; Датио Кварчия; Жорж Хашба; Заур Ашхаруа; Валерий Квициния – на шахте №3 работал; Валерий Нарсия. Валерий Квициния и Валерий Нарсия погибли в первые часы на перекрестке Баслаху 14 августа, первыми приняли удар.

Сколько грузин жило в городе Ткуарчал на тот момент?

По численному составу на первом месте были абхазы, на втором русские, на третьем грузины. Перед началом войны население Ткуарчала составляло 22 тыс. человек, в 60-е годы –

до 30 тыс. человек, а потом оно уменьшилось. Из 22 тыс. было где-то 9 тыс. абхазов, 7 тыс. – русского населения и 4–5 тыс. грузинского населения.

Как себя вели ткуарчалские грузины в такой ситуации?

До начала и во время войны обошлось без инцидентов, кстати, честь им и хвала. Когда началась война и город, тыл были закрыты, люди относились друг к другу очень терпимо. Дали возможность уехать из города. Выехало много грузин, причем уезжало не только грузинское население, но и русское. Кстати, и грузины выезжали в сторону России, покидали город и пожилые абхазы. В нашем интернациональном городе люди не делили себя по национальному признаку. Это был уникальный, настоящий коммунистический город. Он олицетворял мечту коммунистов построить чистый, хороший город. Там никогда не было случаев, чтобы сотрудники медицины, образования, транспорта, милиции требовали с людей деньги. Обеспечивался он очень хорошо, условия жизни были великолепные: круглые сутки горячая вода, общая котельная, хорошо асфальтированные дороги, общественный транспорт работал круглосуточно. Поселки, такие как Поляна Джантуха, Акармара, обеспечивались лучше, чем многие города.

Шахты работали в три смены. Шахтеров нужно было спустить, оттуда забрать. Работали клубы. В Акармаре, в городе были дворцы культуры, библиотеки, музыкальные школы, магазины, там жизнь кипела. Ткуарчал был хорошим промышленным городом. Естественно, люди зарабатывали очень хорошо. Помимо шахтеров вся остальная структура была привязана к работе шахт: и ГРЭС, и ЦОФ, и ЦММ. Центральные механические мастерские изготавливали необходимое оборудование для добычи угля, обогатительная фабрика, ЦОФ, являлась вообще уникальным предприятием, где обогащался уголь, который добывали на шахте. Он делился на несколько фракций. Самое лучшее, первая фракция – коксующийся уголь, уходило на выплавку стали, а выплавленная сталь хорошего качества шла на оборонную промышленность. Ткуарчалская угольная про-

мышленность не была такой уж мощной, но наш уголь перемешивали с углем в других угольных месторождениях, таких как Карагандинское. В городе работало много людей из Донбасса. Шахтеры, которые имели там большой опыт, приезжали сюда, чтобы обучить свои кадры. Помимо них работали учителя из Донбасса, медицинский персонал. Кроме городской больницы еще была медико-санитарная часть – наверху, где шахты, в которой шахтеры учились. Геологоразведочная организация прокладывала путь к месторасположению угля. Этот интернациональный город строил почти весь Советский Союз. Поэтому он был очень спаянным, без всяких раздоров.

В чем заключалась уникальность этого обогатительного комбината?

Особенность этого обогатительного комбината заключалась в том, что он из угля делал несколько фракций, т.е. там применялись передовые технологии. Даже американцы приезжали, чтобы перенять их и посмотреть, как это работает. Директором фабрики был Ефремов, крупный специалист. Работали профессионалы, которые имели большой опыт. Уникальность этой фабрики состояла в получении максимально чистой фракции. Когда уголь добывают из недр, там присутствует много ненужных примесей, таких как известь, земля, соль. То есть с помощью фракционных работ из добытого материала делали чистейший уголь. Он просто блестит, как золото, когда очищен от всего. Просто лелеяли его, чтобы лишний грамм нигде не выпал. Грузили и вывозили. Вторая фракция шла в сторону Грузии и по бывшему Советскому Союзу, третья уходила на растопку котельных, и население его покупало.

Я помню, что в Сухуме начали делиться все организации на грузинскую и абхазскую части после событий 1989 года. В Ткуарчале такое было?

В нашем городе такое даже представить было невозможно, чтобы разделить организации по национальному составу. Уже шла война в 1992 году, гуманитарные организации оказыва-

ли помощь, что-то удавалось собрать по крупицам из Гудауты, что-то присылали, всех людей кормили, что грузин, что русских, что абхазов. Вы можете себе представить, никто никого не трогал в городе, не ущемляли никого ничем, не грабили, не было никаких жалоб. Много раз я сопровождал грузинскую делегацию, которая находилась в Сухуме перед большой операцией (об этом буду говорить позже). Они спрашивали у грузин, притесняют ли их здесь, может, им нужна помощь, но многие отказывались, они никуда не уходили, оставались там. Когда же иссякли возможности города, еды уже не осталось, люди вынуждены были покидать город. Моя семья, мои дети находились там. Все в городе помогали друг другу как могли, насколько это было возможно. Рядом с моей семьей жили грузины, и супруга носила им еду. Помогали друг другу, в этом и состояла уникальность нашего города. Когда возможности не стало и не могли помогать друг другу, многие абхазы были вынуждены уйти в деревню, чтобы там спастись. В этом плане самыми уязвимыми оказались лица неабхазской национальности – русские и грузины, у которых в деревнях родственников не было. Для них открыли коридор через деревню Бедиа, дальше Окум, Чхортол, чтобы они могли уехать в сторону Гала.

В городе стали создавать подпольные мастерские, где изготавливали легкие автоматы типа УЗИ. В основном оборонялись с помощью этих самодельных автоматов. Они появились и в Эшере в первые дни войны. Готовили самодельные переносные установки для запуска НУРСов типа воздух-земля. Во время войны все это пригодилось. Кстати, для их изготовления использовали всякие выхлопные трубы из глушителей автобусов. Нужно отметить умельцев, которые все это делали. Славик Гварамия (во время войны мы его перебросили в Гудауту по просьбе Министерства обороны, и он открыл там аналогичный цех, запустил все, что у него в Ткуарчале было наработано), Тимур Гургулия, Чичико Миная, Юрий Кварчия, Анатолий Какулия, Валерий Адлейба. Благодаря тому, что было у них наработано, в первые дни войны они выжили.

К концу 1991 года в Ткуарчале были сформированы две

полноценные роты Национальной гвардии (так начали их именовать), во главе которых стояли Лаврентий Голава и Гиви Адлейба. К сожалению, их обоих нет в живых. Гиви Адлейба умер недавно, Лаврентий тоже не так давно. Войну они прошли. Каждая группа насчитывала до ста человек. Руководящий состав подразделений: Валерий Джинджолия, Амиран Кварчия, Лаврентий Миквабия (знаменитый Лаврик), Амиран Ахсалба, Динвар Асландзия, Александр Ивченко, Евгений Иванов, Вианор Гварамия, Руслан Джинджолия, Владимир Кабаев, Валерий Хинтуба, Николай Басенцян, Павел Гамгия.

С начала 1991 года много было провокаций со стороны Грузии. Самая большая провокация заключалась в том, что якобы их железнодорожные составы грабят и они приехали для охраны железнодорожных путей. Эта идея сильно муссировалась ими в 1992 году. В 1991 году огромные силы были переброшены сюда, в район села Река Очамчырского района. Ткуарчалские группы, о которых я говорил, спустились и дали им отпор, лишив возможности двигаться в сторону Сухума.

Они не называли себя грузинской армией, не говорили, под чьим руководством действуют. Это были разные группировки, но, тем не менее, финансируемые государственными структурами, экипированные люди, со своей техникой, со всем необходимым. Они регулярно пытались прорваться, и им противостояли ребята, которые до обеда занимались своими бытовыми делами, а после обеда по тревоге поднимались и шли на трассу для оказания помощи. Там были и очамчырские группы. Приходилось иногда и помощь из Сухума звать. В основном оборону держали эти ребята. При этом город продолжал трудиться. Работали шахты. Кстати, немного позднее формирования, о которых я тут говорил, по решению Верховного Совета стали подразделением полка внутренних войск. Фактически это был костяк абхазской армии. Они первыми приняли удар на Красном мосту. К сожалению, двое погибли в первые же часы войны 14 августа. Это Нарсия Валерий и Квициния Валерий. В тот же день мой однофамилец Джинджолия Валерий чудом вышел из боя, получив серьезную контузию,

и дальше до конца войны командовал Ткуарчалским полком, руководил военной комендатурой. К сожалению, он трагически погиб после окончания войны.

В 1990 году в Советском Союзе появилась вторая по счету партия после коммунистической. Это ЛДПР. Ее лидер – Жириновский Владимир Вольфович. Я должен о нем немного рассказать. Его приезд в Ткуарчал стал особым событием для нас. Как только появилась эта партия, лично у него очень жесткая критика пошла в адрес грузинских патриотов, против Гамсахурдия, Костава и всей этой команды. И они к нему относились ужасно. Фактически Народный форум Абхазии установил контакт с этой партией и с ним конкретно. Жириновский поддерживал абхазскую сторону на всех уровнях и в Москве в своих выступлениях часто говорил об этом. Когда он приезжал в Ткуарчал в 1990 году, его сопровождали Станислав Лакоба – известный историк, и Зураб Ачба – юрист, член Народного форума. Они от имени «Аидгылара» сопровождали его. Тогда я и познакомился со Станиславом Лакоба и с Зурабом Ачба. По воле судьбы я оказался в Верховном Совете и в парламенте с ними. Наша дружба началась в 1990 году. Приезд Жириновского с огромной критикой восприняла грузинская власть, вплоть до того, чтобы вообще не допустить этого. Из всех структур начали звонить первым секретарям, чтобы не принимали участие во встрече. Служба государственной безопасности была предупреждена, как и милиция, прокуратура. Когда они заехали к нам, первого секретаря Пилия Давида Григорьевича не оказалось в городе. Видимо, он заранее знал обо всем и уехал. Оставался второй секретарь Гергедава Реваз. Вторым секретарем назначался обязательно грузин. Вопрос об использовании какого-либо помещения, лекционного зала необходимо было согласовывать только с ним. После обеда собрать большое количество людей во Дворце культуры было невозможно. Мы сначала послали актив с делегацией по шахтам, чтобы показать коллектив, чтобы шахтеры встретились с ними перед спуском в шахту и они пообщались. Перед возвращением делегации мы начали собирать людей. Второй секретарь наотрез

отказался открыть зал, говоря, что не имеет права и что ему звонили из Тбилиси. Пришлось немного на него надавить, и в конце концов мы взяли ключ, открыли зал. Жириновский как всегда выступал очень долго, говорил о внутренней политике, о внешней, ругал силы, которые хотят развалить Советский Союз. До развала было еще далеко, но тревожная обстановка уже чувствовалась. В авангарде всего этого, конечно, стояли и грузинские демократы, так они тогда себя называли, во главе с Гамсахурдия. Грузия оказалась первой из советских республик, где подняли знамя со словами «Кремль – это империя, это зло, мы должны уйти». Естественно, наши и их планы никак не совпадали, поэтому мы хорошо понимали друг друга. Жириновский на этой волне выступал очень долго, отвечал на вопросы. Люди спрашивали, как нам создать организацию в городе. Он призывал стать членами его партии, обещал всех принять, выступал очень зажигательно. А вечером возникли проблемы. Мы хотели их угостить, общепитом занимался Маргошия, грузин, но он куда-то исчез, заведение закрыл. Все рестораны были закрыты, поэтому пришлось кое-кого наказать, кое-кого заставить, тем не менее, мы встретили их достойно. Жириновский покинул город в хорошем настроении. Для нас это был своего рода необходимый контакт. В лице ЛДПР и ее руководителя мы имели какой-то выход, какую-то поддержку, и нас знали где-то там, за пределами Абхазии.

Жириновский потом поехал в Сухум?

Да, после нас он выступал в Сухуме, в Гудауте. Это был его единственный приезд к нам, больше в Ткуарчале он не бывал.

В 1990 году Звиад Гамсахурдия фактически выиграл выборы в Грузии и тем самым уничтожил господство коммунистической партии. Тогда и в Грузии, и в Абхазии власть перешла в Верховный Совет. У них вновь избранный Верховный Совет, а у нас старый Верховный Совет АССР, который возглавлял тогда Кобахия Валериан Османович. Теперь нужно было аккуратно, через Народный форум передать бразды правления в руки Владислава Григорьевича Ардзинба. В Сухуме состоялся

актив заседания Народного форума. Созвали активы из всех городов и районов. На этом заседании были я, Давид Пилия, Лаврентий Голава. Заседание проходило на площади Ленина, и правительство там находилось, и Верховный Совет. Людей присутствовало порядка ста человек, по три, по пять человек из каждого района. Кобахия Валериан Османович сложил свои полномочия, и Владислав Григорьевич приступил к выполнению обязанностей председателя президиума Верховного Совета. А дальше нужно было проводить сессию.

Как было принято такое решение? Чем не устраивал Кобахия Валериан? Почему решили заменить Владиславом Григорьевичем? Как это все происходило?

Валериан Османович – это бывшее коммунистическое правление. Появление Гамсахурдия в Грузии, а также появление здесь не обремененного коммунистическими догмами и идеями человека – Владислава Григорьевича Ардзинба, стало тем маленьким мостиком, который помог бы найти общий язык и продлить мирное сосуществование с Грузией. Кобахия Валериан был человеком в возрасте, бывший партийный работник. Фактически это решение приняли по велению времени. Идея выбора Владислава принадлежала активу Народного форума «Аидгылара», естественно, с участием интеллигенции. Я тоже там присутствовал.

В день заседания актива у нас появилась информация, что произойдет передача. Происходила она не безболезненно. Мы это ожидали. Писать заявление об уходе с должности не совсем приятно человеку. Были какие-то упреки вроде «как это дальше будет? кто будет вместо меня?», но Владислав Григорьевич проявил себя очень смело и активно, сказав, что это его кандидатуру предлагают.

Владислав Григорьевич был на этом заседании? В первый раз приезжал в качестве кандидата?

Он присутствовал на заседании актива, приезжал не впервые. Был известен как депутат Народного собрания СССР, зна-

ли его выступления, об участии в событиях 1989 года. Руслан Аршба подготовил его к тому, чтобы он выступил о проблемах города, о приезде Шаталина и спецназа. Все это крутилось уже вокруг Владислава Григорьевича, поэтому актив его хорошо знал, особенно ткуарчалцы. Я об этом говорил раньше. Когда мы ставили вопрос о выходе из «Грузугля», в каждый наш приезд он уделял нам большое внимание. Смотрел, с чем мы приходим, как составлены наши документы, какие у нас требования, что мы собираемся делать дальше, вплоть до наших боевых групп, понимая, что мы сами себя защищаем. Ткуарчалский актив, параллельно со всеми районами, – все это знали, и у нас не было другого мнения. Весь актив настаивал на том, что Валериан Османович должен уйти. Он сам знал об этом. Актив заявил: «Вы уходите, на ваше место есть человек». Он спросил: «Кто этот человек?» Владислав Григорьевич ответил: «Это я». Все прошло довольно спокойно. С этого момента Владислав Григорьевич стал исполняющим обязанности председателя. Дальше необходимо было созвать сессию АССР, чтобы его избрать. Должен был приехать представитель Гамсахурдия, его первый заместитель Акакий Асатиани, на сессию. Это согласовали с ними на уровне «Аидгылара», так как коммунистической партии уже не было, обкома не стало, новый Верховный Совет еще не появился. Договаривались на уровне общественных организаций, чтобы провести эту сессию⁴. Хотя договоренность шла сверху, чтобы все проголосовали «за», т.е. старым составом, избранным еще в коммунистическое время, нужно было избрать председателем Верховного Совета Владислава Григорьевича Ардзинба.

Кто являлся председателем форума? Кто был в том активе, который всем этим реально занимался?

Здесь во главе Народного форума был Гогуа Алексей Ночевич. Ну и тот же состав актива: Зураб Ачба – член актива, занимался составлением всех юридических документов; Валерий Кварчия, Гена Аламиа, Сергей Шамба был уже в активе. Мо-

⁴Далее неразборчиво.

жет быть, кого-то пропустил, но, пожалуй, все. И, естественно, в районах и городах имелись свои активы. Мы, ткуарчалцы, привели своих людей, кроме одного депутата русской национальности – Пасечника. Он и Кварчия работали на шахте. Остальные восемь человек – депутаты из нашего города, были грузины. Из восьми человек пятеро не жители города, а люди, которые приехали на какой-то срок. Одна работала на швейной фабрике, другая медсестрой в больнице, третья еще в какой-то организации, т.е. они являлись жителями разных районов Абхазии. Нужно было всех этих людей найти. Мы ездили специально, чтобы они на сессию не опоздали, не подвели. Каждый актив района и города сидел со своими депутатами. Почти единогласно избрали Владислава Григорьевича. Гамсахурдия считал, что не будет разговаривать ни с одним лидером коммунистической партии, ни с Адлейба, ни с Кобахия. Все, что связано с коммунистической партией, ему было чуждо. Владислав Григорьевич являлся человеком науки, и, видимо, Гамсахурдия думал, что будет легче найти с ним общий язык, создать единое государство и жить в дружбе с Абхазией. Только так можно объяснить, что его заместитель Асатиани, который присутствовал на этой сессии, хлопал, поздравил Владислава Григорьевича. Практически в одночасье власть сосредоточилась в руках Верховного Совета, и Владислав Григорьевич стал его председателем. До новых выборов, когда нас всех избрали в Верховный Совет, оставалось чуть меньше года.

Асатиани был первым заместителем председателя Верховного Совета Грузии. Он приехал в Сухум для того, чтобы присутствовать на сессии. То есть Гамсахурдия дал добро на то, чтобы Владислав стал председателем Верховного Совета Абхазии. Грузинские депутаты, голосовавшие за Владислава, признавали власть Гамсахурдия и получили от него указание проголосовать. В Грузии победил Гамсахурдия. До него руководила коммунистическая партия. Первым секретарем ЦК компартии был Гумбаридзе, который приезжал в Очамчыру в 1989 г. Жители грузинской национальности, жившие на территории Абхазии, конечно, подчинялись ему. Раньше были Гру-

зинская ССР и Абхазская АССР. Там коммунистическая партия во главе с первым секретарем, здесь обком, который подчинялся ЦК. То же самое произошло здесь. Верховный Совет там, Верховный Совет здесь – именно так мы представляли себе дальнейшую совместную жизнь.

В сентябре 1991 года прошли выборы нового созыва, были составлены квоты при согласии Верховного Совета Грузии. Идея квотирования принадлежала форуму, разрабатывал ее Зураб Ачба. Создали комиссию, спорили много и по телевидению показывали. Кто-то был «за», кто-то «против», но для нас это являлось, можно сказать, единственным выходом, спасением. В противном случае мы не смогли бы иметь такое количество депутатов абхазской национальности. Квоты делились следующим образом: абхазов – 28, грузин – 26 и русскоязычных – 11, итого 65 депутатов. Без этих квот мы в Ткуарчале получили бы максимум три места, в Гудауте пару человек и в Сухуме столько же человек, но не 28 точно. Мы в городе избрали восемь человек от имени Народного форума: Энвера Капба (он был из Гагры, но там тяжело было бы его избрать), Олега Дамения, Валерия Кварчия (он родился в Ткуарчале), Давида Григорьевича Пилия, дальше Сократа Джинджолия, Гурджуа Валерия Тебовича (он работал в прокуратуре, потом по событиям 1989 года буквально полгода оставалось до выборов, когда выдвинули его кандидатуру), меня, Давида Чичовича Пилия, итого восемь человек. Выборы состоялись в сентябре 1991 года.

В сентябре Владислав Григорьевич в очередной раз получил депутатский мандат. Восемь месяцев он уже был председателем Верховного Совета. Во второй раз на нашей сессии он стал председателем Верховного Совета Абхазии. В процессе его избрания проблем не возникло, потому что при принятии правил квотирования фактически был сигнал о том, что В. Ардзинба должен стать председателем Верховного Совета. Первым заместителем избрали Тамаза Надарейшвили. Он был из Гагры, бывший комсомольский работник. Третьим, представляющим армянскую часть населения, стал Тополян

Альберт. Именно с этого момента лидерство в национальной борьбе от Народного форума перешло в Верховный Совет к абхазской фракции. Большинство людей, которые имели отношение к «Аидгылара», оказалось в Верховном Совете, и уже большой необходимости в Народном форуме не было. Он, конечно, оставался, работал, но весь актив и вся борьба переместились в Верховный Совет.

Помню, что в городе проходили митинги с лозунгом «Звиади!». Что это было? Как это проходило в Ткуарчале?

В Ткуарчале это проходить никак не могло. Это был период с 1989 по 1990 г. Все прекратилось после того, как Гамсахурдия стал председателем Верховного Совета. У него пошли трения со своими же единомышленниками. С Костава, с Мхедриони он переругался. Как только Владислав Григорьевич был избран председателем Верховного Совета, пошли какие-то контакты. Асатиани сюда приехал, начали формирование квот. Тогда все митинги прекратились. Разгар митингов был с 1989 года до выборов в Верховный Совет 1990 года. 14 ноября избрали Гамсахурдия председателем Верховного Совета Грузии, а в декабре Ардзинба председателем Верховного Совета Абхазии. Внутренняя предвыборная борьба в Грузии выплескивалась за пределы Тбилиси. Там набирали очки, подавляя сепаратистов в Южной Осетии, в Аджарии и в Абхазии. В Ткуарчале местное население их не поддерживало, поэтому прийти туда, создать ячейки у них не было возможности. В основном они громко кричали в Сухуме, в Гулрыпшском районе и в Гагре. В Гагре не так сильно, а гудаутцев чуть-чуть побаивались. Гудаутский Народный форум со своим активом гасил их там. Сухум был в этом плане самым незащищенным. Гулрыпш находился в их руках – там вообще не было представителей абхазской национальности. В Гале они делали что хотели. Очамчыра очень страдала, потому что абхазы жили в селах, а город находился в руках мингрельского населения. Мы, ткуарчалцы, были как скорая помощь. Я помню, когда по национальному признаку Язычба Руслана выгнали с работы. Он работал заместителем

председателя городского совета Гагры. Ночью об этом нам сообщили. Мы на автобусе поехали всем активом, а это порядка 100 человек. Там произошла драка в районе стадиона, с трудом нас разборонили. В результате Язычба вернулся. Мы его посадили на прежнее место. Аналогичная ситуация возникла в Сухуме. Наш актив приезжал каждый вечер. Собирались на площади Конституции. Была попытка ворваться в редакцию, где выходила «Аидгылара». Два года, за редким исключением, шла наша борьба. Вдоль трассы в Кочарах они вывешивали кизилевый флаг, а мы приезжали и с помощью пожарных лестниц снимали.

В Ткуарчал и в Гудауту зайти они не могли. Твердили, что это их земля и что они здесь хозяева. В основном так вели себя женщины и пожилые люди, что выглядело очень противно и примитивно. Они назывались звиадистами. При этом сами себе создавали проблемы. Чем больше они здесь кричали, тем больше лиц другой национальности, армян, русских, шло в Народный форум. Приходили в актив, записывались, просили избавить их от этих сумасшедших людей. Особенно невыносимо было на улице Чанба. Сваны спускались с Мачары. Это горожанам создавало неудобства. Транспорт останавливался. Летом выкидывали фокусы, что мешало отдыхающим, портило лицо столицы. Они тем самым плохо делали себе.

Мне кажется, они сыграли огромную роль для того, чтобы разогреть этот градус взаимной неприязни.

Да, я бы сказал, что это было как разогрев. Они раскачивали ситуацию, создавая предлог для введения войск. Ждали провокацию, что кто-то кого-то убьет. Все их выходки были направлены на то, чтобы подставить население, расколоть общество между людьми. Мы же являлись соседями здесь, но все это шло из Тбилиси и создавалось преднамеренно, финансировалось. Их кормили. Они садились там, где сейчас русский театр, стелили одеяла. Это у них называлось голодовкой. Все выглядело так, будто их здесь режут, убивают. Наши люди их не трогали, лишь объясняли, что своим поведением они пока-

зывают свое лицо. Все это им надоедало, они уходили, потом их опять заводили, находя очередной повод, будто им что-то там запрещают. Это длилось два года, и мы потихоньку в городе начали готовиться. Тогда была великолепная сухумская футбольная команда «Динамо». Дело дошло до того, что ее поделили. Сухумское «Динамо» подпитывало тбилисское «Динамо». Огромное количество воспитанников абхазской школы футбола – очень талантливые люди, такие как Виталий Дараселия, Ахра Цвейба, Никита Симонян. Сейчас всех не вспомнишь. Это были выходцы из Абхазии. Никто не мог даже подумать, что сумеют расколоть команду, создав параллельно вторую. Теперь та «Динамо», которая оставалась здесь, играла во второй российской лиге. А созданная ими выезжала в Грузию играть в футбол с грузинскими командами. Наша команда осталась без тренера. Прислали из России тренера Долматова. Наша «Динамо» объединила всю Абхазию. На игру, проходившую на республиканском стадионе, приезжали люди, которые никакого отношения к футболу не имели, назло, чтобы собрать больше людей. Но в тот день, когда шла игра с каким-нибудь российским футбольным клубом, начинались митинги в городе. Перекрывали дороги, выдвигали лозунги, требования, начинали свистеть вокруг стадиона. Они в городах поделили все, что можно было, по национальному признаку, за исключением Ткуарчала и Гудауты. Футбольную команду, организации, стоматологию. Абхазов не стали пускать туда, где их было меньшинство. Республиканскую больницу разделили. Заместителя главного врача Пилия не пускали на работу. Во второй больнице также возникли подобные проблемы. Были они в пекарне и в других местах. Для реализации этих мероприятий официально велась работа, все финансировалось. Власть же будто отношения к происходящему не имела, объявляя это делом неформалов типа Гамсахурдия, Костава и Нотадзе (он возглавлял Народный фронт). Само понятие «неформалы» первыми применили прибалтийские республики в Советском Союзе, после этого оно появилось в Грузии. Им нужно было раскачать ситуацию внутри, видимо, для того чтобы подчинить себе Абхазию полностью, оторвать от России и править здесь.

Дайте эмоциональную оценку той атмосфере, которая была в Абхазии накануне войны.

Можно сказать, что только сумасшедший или больной мог не видеть, что мы идем к войне. В Москве Щадов, министр угольной промышленности, подписывая постановление о выходе из «Грузугля», сказал мне: «Сынок, у вас война начнется, вы идете к окончательному расколу». Мы и без них видели, что так долго продолжаться не может. Они целенаправленно шли к этой провокации. Но просчитались. Советского Союза уже не было. В 1992 г. по Ташкентскому соглашению ими было получено огромное количество техники и оружия. Шеварднадзе официально заявил, что они сильны как никогда. У них была уверенность, что сумеют оккупировать Абхазию очень быстро и выставить технику вдоль железной дороги. Наутро планировали все заблокировать. Должны были председателя Верховного Совета Владислава Григорьевича закрыть и еще некоторых членов актива Народного форума, предполагая, что Советского Союза нет, спецназа не будет, не будет того генерала Шаталина, который пришел и разрядил обстановку между нами. На это и был расчет. Однако поведение России нарушило их планы. Ельцин, Козырев дали им отмашку. Но об этом буду говорить позже.

06.10.2018г.

Хочу рассказать еще один эпизод, который произошел у нас в городе в конце 1988 г. Горбачевская перестройка дала некоторое преимущество в том, что согласно принятым постановлениям на уровне ЦК и правительства трудовые коллективы получили возможность избирать своих руководителей на общих собраниях. Это было новое веяние в связи с перестройкой. Существовал кадровый диктат, который осуществлялся сверху, особенно из Тбилиси. Людей присылали в город огромное количество, нарушая кадровый баланс. Руководителями всех промышленных организаций были грузины. Молодой парень заканчивает университет, горный или инженерный, в Грузии, приезжает в Ткуарчал и становится сначала мастером

какого-то цеха, потом производства, дальше руководителем. Его принимают в партию, создают идеальные условия в нашем городе. Более того, это являлось для него трамплином для того, чтобы дальше пойти в сторону Гудауты, Гагры, Пицунды. В партии он состоит, в Ткуарчале прошел школу хорошую, а кадры из Ткуарчала ценились. Единственная проблема у них была с русским языком, но и это они поправляли, так как город был русскоязычным. С жильем они располагали возможностью делать эффективные обмены, ткуарчалское жилье обменивая на Гагру или на Сухум. В Ткуарчале находилось огромное количество брошенного жилья, например, в районе Акармары. Это был совершенно неравноценный обмен, который являлся фиктивным. А при обмене этот человек автоматически получал и прописку. Обменивая свое жилье, допустим, в поселке Джантуха или Акармара на двухкомнатную квартиру в Гагре, он фактически покупал квартиру и с помощью этого обмена переселялся дальше. Есть жилье, потом вступление в партию, дальше рост идет великолепно. А в городе в результате этого нарушался баланс. Появилось большое количество руководителей, и здорово поменялся состав трудовых коллективов. В результате возникла ситуация, когда секретарем парткома огромной партийной организации шахтоуправления был избран коммунистами Акубардия Гигла. Это явилось небольшим звоночком, которому особого внимания тогда не придали. А 1988 год был годом конференций, т.е. партийные организации отчитывались, в два года один раз проводили отчетно-выборные собрания, собрания трудовых коллективов, конференции в городе, выбирали руководящий состав города, секретарей, членов бюро. На конец ноября была назначена общепартийная городская конференция, которая проходила во Дворце культуры с приглашением больших партийных чиновников из обкома, из Тбилиси, из ЦК. На ней прокатали второго секретаря горкома партии Дундуа Реваза. Это было связано с движением неформалов Костава, Гамсахурдия и остальных, когда они начали ездить по Абхазии и поднимать шум. Попытались и в Ткуарчале проникнуть через какие-то структуры. В городе в

грузинской школе № 3 директором была Рамишвили Нанули. Ее муж Леквейшвили Тимур приехал из Тбилиси, закончив горный институт, работал на шахте, потом стал общественным работником, много работал в комсомоле и возглавил отделение госбезопасности в Ткуарчале. Первым звонком в школе стало то, что дети перестали носить пионерские галстуки. Это был серьезный вызов. Интернациональный город с огромными традициями – и вдруг маленькие дети отказываются завязывать галстуки. Поднялся шум, актив встал на ноги, пошли разборки. Второй секретарь горкома партии Дундуа поддержал эту ситуацию не совсем открыто, но косвенными путями. Наша группа Народного форума затаила обиду, злость на него, и поэтому не избрали второго секретаря горкома партии на этой конференции. В тех условиях это было чем-то невероятным. В 1988 году в промышленном городе Ткуарчале не избирают второго секретаря горкома партии. А у них тогда были такие квоты: первый секретарь горкома партии – абхаз; второй – грузин обязательно; а третий – русский. Второй секретарь подчинялся не только обкому, он имел прямой выход на ЦК из Тбилиси, получал оттуда какие-то свои указания. Он являлся своего рода надсмотрщиком. Его избрание было чем-то невероятным, такое не могло произойти в советское время в промышленном городе. Моментально пошли звонки. Из Сухума выехал Борис Викторович Адлейба⁵. Отложили пленум, а время было уже позднее. Такие конференции проводились во второй половине дня с учетом того, что они длились 2-4 часа. И вот такой казус возник к 8 часам. Пленум продолжаться не мог, так как не было избрано бюро. Объявили перерыв. Город маленький, собрались почти все. Сам факт не избрания грузина по национальности являлся резонансным. Пришли люди, которые не имели отношения к политике. Приехал Борис Викторович, попросил остаться только членов горкома. На конференции избирается огромное количество людей, около 200 человек из всех организаций, а из их числа выбирали членов горкома. Это 70-80 человек. Голосует только этот состав. Они

⁵1-й секретарь Абхазского обкома партии.

и избираются тайным голосованием руководящих секретарей. Борис Викторович задал вопрос, кто организатор этого бунта, или кто против Реваза Дундуа. Вопрос стоял ребром, выхода у нас не было. Нам нужно было привстать, иначе мы подвели бы всех. Организаторами являлись я, Давид Пилия, Нугзар Агрба. А Нугзар Агрба был тогда заведующим организационным отделом горкома партии. Давид Пилия – первым заместителем горисполкома, членом исполкома. Я – бывший секретарь горисполкома, но членом горисполкома продолжал оставаться, также председатель профсоюзного комитета шахтоуправления. Мы встали втроем. Сидели руководители предприятий, будущий первый секретарь, третий секретарь, весь актив города, силовые структуры. Он не стал дальше нагнетать обстановку и сказал, что нет смысла проводить выборы во второй раз, если не хотим его избирать. Попросил сказать, кого предлагаем. Мы посовещались между собой, будто не сговаривались, и ответили: «Так условия мы диктовать не можем. Хотим уважить обком партии. Вы первый секретарь партии, мы это понимаем, назовите другую кандидатуру, и мы проголосуем». Это был компромисс. Он подумал и говорит: «Я предложу Гергедава Реваза, он тоже работал когда-то в Ткуарчале, в горкоме комсомола, а живет в Сухуме». Мы дали слово, что поддержим кандидатуру, согласились избрать его. Вызвали его ночью из Сухума, послали служебную машину к половине двенадцатого ночи. Мы проголосовали за него. В итоге он стал вторым секретарем. Дундуа оказался за бортом, потом его перевели в Сухум в обком партии, назначали инструктором.

Кто был на тот момент первым секретарем ткуарчалского горкома партии?

Первым секретарем на тот момент был Пилия Давид Григорьевич.

В итоге им не удалось внести раздор в город, не проводились ни митинги, ни шествия, ничего такого. В город мы их не пустили. У них не было такой возможности.

Как так получилось, что дети отказались носить галстуки?

Это была запланированная акция. Дети не могли знать про идеологические разногласия. Все шло из Тбилиси. Примеров можно привести много. То, что было связано с советской символикой: галстуки, комсомольские значки, партийные билеты, – они не воспринимали. Жгли партийные билеты, выходили на улицы в Тбилиси. Потом это шло из Тбилиси в нашу сторону и уже имело место во многих школах Абхазии. Но мы не могли себе представить, что такое может произойти у нас. В грузинской школе грузинские педагоги с подачи Тбилиси определенным образом настроили детей. Директор этой школы Рамишвили родилась в Ткуарчале, по национальности грузинка, работала в горкоме партии, в школе, начинала с пионервожатой, сделала карьеру, выросла до директора школы. Ее муж возглавлял службу государственной безопасности. Казалось бы, такие люди не должны были нарушать спокойствие в городе. А город практически единогласно дал им отпор, но платились и Акубардия, и Дундуа. В Ткуарчале тоже было политически активное грузинское ядро. Его представляли люди более старшего возраста, которые когда-то работали там, но с возрастом стали жить за пределами города. Они иногда приезжали и пытались раскачать ситуацию здесь, но до появления актива, о котором я говорю. Это период с конца 70-х – начала 80-х, когда появились мы: Давид Пилия, я, остальные ребята. Поколение, которое было до нас, очень боязно относилось ко всему. Они помнили репрессии 30-х, закрытие абхазских школ, поэтому были очень пассивны. Когда мы стали сопротивляться, они не понимали наших действий, не представляли, что можно возразить в чем-то на любую команду из Тбилиси. Даже если она была в ущерб, они соглашались. Более того, кадровое назначение в силовые структуры, кроме начальника милиции: в прокуратуру, службу государственной безопасности, суд – все находилось в руках грузин, и это были люди не из Ткуарчала, а из других городов и районов Абхазии или из Тбилиси. Начальника милиции назначали из местных кадров. Был такой случай, когда даже на эту должность стали покушаться. Нам пришлось несколько раз ездить в обком, заходить к пер-

вому секретарю обкома партии, ставить вопрос о том, что мы не примем извне начальника милиции. Нашей кандидатурой был Лагвилава Валерий (после войны работал заместителем министра внутренних дел Абхазии, абхаз, местный человек). Его назначили. Конечно, у них в планах было прислать человека извне. Мы стали объяснять, что начальник милиции должен быть местным. Город маленький, преступность небольшая. Их устраивал бы начальник милиции более управляемый, податливый, их человек. Избрание Лагвилава явилось огромной победой. Председатель службы государственной безопасности, приехавший откуда-то из Грузии, в течение пяти лет работал на этой должности, в чужом городе, с трудом говорил на русском языке, не знал абхазского языка, не был готов к реальности города. Так проводили они кадровую политику.

14 августа 1992 года как всегда выехали из города на сессию. Она обычно назначалась на 10 или 11 часов. В этот день должна была начаться в 11. Поэтому депутаты Сократ Джинджолия, я и Давид Пилия выехали из Ткуарчала, часа за два, а остальные, рекомендованные извне, были из Сухума. Думать или мечтать о служебной машине тогда не приходилось. Мы добирались на личном транспорте. У меня тогда была машина «Жигули», как и у Давида Пилия. Мы менялись, возил то он, то я. Ездили два режиссера, которые работали на абхазском телевидении. Это Анатолий Шония и Амиран Гамгия, оба из Ткуарчала. У них не было жилья в Сухуме, и они тоже добирались оттуда ежедневно. Бывало, что могли где-то переночевать, но в основном появлялись каждый день. Когда проходила сессия, они, зная, что у нас есть транспорт, приезжали с нами. День сессии был особенным. Люди знали, что мы едем. Нас провожали, спрашивали, какие вопросы будут рассматриваться, давали напутствия. А вечером нас встречал весь город. Мы обязательно отчитывались. Это было особое время с полным единодушием, стремлением ко всему новому. Люди смотрели прямое включение сессии, будучи в курсе всего, что происходило в Верховном Совете. Хотя смотреть прямые эфиры тогда возможности было намного меньше, нежели сейчас, но люди

интересовались. После сессии, при хорошей погоде собирались у шахтоуправления (бывший Трест), там стояли лавочки. Если же погода не позволяла собраться на улице, мы это делали во Дворце культуры. Собиралось всегда разное количество: человек пятьдесят, бывало, и побольше. Их прежде всего интересовали отношения с Грузией.

Любые решения по изменению конституционных норм были очень болезненными. Грузины тут же выходили, получали инструктаж из Тбилиси, совещались долго. Нам приходилось ждать. Между ними начинались споры, и мы это слышали. Кто-то считал, что нужно продолжать работать, кто-то предлагал бойкотировать.

14 августа в 10.30 мы находились у здания Верховного Совета. Обычно в такое время многие уже стояли здесь и ждали депутатов из районов. Но в этот раз людей и машин было очень мало. Мы поставили машину, вышли. Охранники показали нам руками, чтобы мы быстро поднимались вверх. Зал был почти пустой, людей в нем очень мало, грузин нет совсем – ни депутатов, ни членов правительства. Помню, там находилась только Мэри Джангвеладзе, министр здравоохранения Абхазии. У нее муж был абхаз. Члены правительства обычно садились в углу сзади. Я краем глаза посмотрел туда и обратил внимание, что она там сидит одна. Присутствовали все депутаты абхазской национальности, кроме Гурджуа. Он оказался заблокированным в Ткуарчале. Утром, услышав о том, что по трассе движется техника, он для выяснения того, что там происходит на самом деле, проехал Баслахуский поворот и отправился в сторону Ткуарчала. Там и остался почти на месяц. Даур Барганджия был заблокирован в районе Синопа. Узнав, что танки движутся в сторону Красного моста, он и Надя Малеева, сотрудница Верховного Совета, выехали за детьми. Ее ребенок и племянники Даура находились в детском саду в Синопе. По дороге они увидели движущуюся технику, поэтому вынуждены были оставить машину и пойти пешком по левой стороне, вдоль Айтара до Синопа. Они добрались пешком, забрали детей, но вернуться назад Даур не смог. Он передал через знако-

мых, чтобы детей перевели, Надя сумела с ребенком добраться до города. Даур был вынужден скрыться. Спустя некоторое время по деревням он сумел вернуться. Через месяц я прилетел, забрал Даура Барганджия и на первом вертолете прибыл в Гудауту. Вот так два человека оказались заблокированными. Кроме них почти все депутаты были на месте. Из двадцати восьми депутатов приехали в итоге двадцать шесть.

Кабинет Владислава Григорьевича открыт. В приемную заходят люди, бесконечные звонки, шум. Приходит противоречивая информация. Связь была не такой, как сейчас. Чтобы дозвониться из здания Верховного Совета до Очамчыры, понадобилось бы, к примеру, не менее часа – и то, если ты попадешь, и телефонист соединит. И это не только в первый день. Мы, к сожалению, еще почти неделю не знали, что там происходит.

Дошла информация, что ткуарчалцы вышли на перекресток в Баслаху. Там произошла стычка, подбили первый танк и погибли буквально в первые часы два ткуарчалца – Нарсия Валерий и Квициния Валерий. Джинджолия Валерий получил контузию и вернулся в Ткуарчал. Первыми вышли на перекресток ткуарчалцы, услышав, что техника движется сюда, в сторону города. Они начали обстреливать танки автоматами и самодельными гранатами. Других средств остановить технику у нас не было. Граната, которую бросил Нугзар Агрба, попала в танк, и движение прекратилось на несколько часов.

Мы поднялись к Владиславу Григорьевичу. Поговорить с каждым отдельно у него возможности не было. Люди, которые находились там, объяснили, что в нашу сторону движется колонна с техникой, что по сути война объявлена и уже есть жертвы. Он пытался дозвониться до Шеварнадзе в Тбилиси, но все было заблокировано. Пытался и в сторону России сделать какие-то звонки, но тщетно. Параллельно давал распоряжения. О переговорах еще речи не было, но чувствовалось, что нужно собрать делегацию и отправить в Синоп, где находился их штаб. Мы догадывались, кто должен идти туда. Это Багапш, Анкваб, Лабахуа, Озган и Пилия Давид Григорьевич – люди, которые имели возможность говорить с ними.

Это произошло ближе к 12 часам. Из грузинского вертолета, облетевшего Верховный Совет, выстрелили по флагу, выпу-

стили пару снарядов. Попали или нет – не могу сказать. Они таким образом хотели выдворить депутатов Верховного Совета. Здание не пострадало, снаряды улетели в сторону моря, но это был пугающий маневр. Флаг, наверно, пострадал. Кто тогда обращал на это внимание! Информация о том, какое количество техники вошло, была разной. Только сейчас точно могу сказать, что техники попало около ста единиц. И это не только танки, но и самоходная техника, притом огромное количество для такой узкой трассы. Фактически они заблокировали все движение. Техника стояла от Кяласурского моста до поворота, где сейчас Министерство обороны, за 200-300 метров до эстакады. Причем техника стояла в два ряда. Помимо спецтехники там, наверно, были кухня, КАМАЗы. Все это шло из Грузии по трассе, через Ингур. Танк, который остановили на Баслахуском перекрестке, отодвинули и поехали дальше. Штаб у них располагался в гостинице Айтар, командование находилось на госдаче, чуть выше Айтара. Технику, которая не смогла разместиться вдоль дороги, выставили по ущелью. Фактически территория от Кяласура до эстакады была оккупирована.

Остро встал вопрос о том, что нужно покинуть здание, в первую очередь Владиславу Григорьевичу. Мы с Давидом Пилия спросили у него, можем ли выехать в Ткуарчал. В 1989 г., когда сложилась аналогичная ситуация, мы прорвались. Он, конечно, не стал отвечать нам. Это было бы наивностью и безумием с нашей стороны двигаться через всю эту технику.

Почему вы решили двигаться туда?

Потому что хотели оказать им сопротивление там, в привычном месте. Мы здесь оказались абсолютно безоружными. Потом у человека возникает желание защитить себя, свой город. Владислав ничего не ответил. Он все же обладал большей информацией. В Агудзере находился филиал полка под управлением Вовы Аршба (будущий министр обороны), у которого при получении информации не было возможности передать ее. И тогда приняли единогласное решение о том, что Владиславу Григорьевичу нужно покинуть здание Верховного Совета.

Он вышел под охраной примерно в полдень. Я четко помню, когда помощник Владислава Григорьевича Квициния Юрий Тариелович, работавший в Верховном Совете, вышел, сел в приемной, а женщин уже не было – они покинули здание, и говорит: «Если даже убьют меня, я никуда не уйду, приму последний бой». Это был пожилой человек, ну и мы вокруг него.

14 августа оставались в Верховном Совете ткуарчалские депутаты Сократ Джинджолия, Давид Пилия, я, Даур Тарба, Вова Зантария, Ренат Карчава и Барганджия Беслан. Помимо того Барганджия Беслан являлся помощником, работал в Верховном Совете, а Ренат Карчава на постоянной основе находился в Верховном Совете. Нами было принято решение по два человека ходить на Красный мост, получать информацию и, если получится, достать где-то оружие. А там уже появились ополченцы. Генерал Дбар со своей командой, группа внутреннего полка пытались держать оборону на Красном мосту. Часть нашей техники пошла в сторону эстакады и школы, о чем часто рассказывает Вахтанг Цугба, с группой внутреннего полка, первой принявшей удар на Красном мосту. Мы фактически находились между Красным мостом и Верховным Советом, то есть как бы охраняли Верховный Совет. Бросить его и уйти мы не могли.

Куда делись остальные депутаты и где был Владислав?

Где находился Владислав, мы не знаем. Он уехал где-то в полдень 14 августа. Его необходимо было вывести из здания Верховного Совета в сопровождении охраны. Мы приняли это совместное решение, так как оставаться в здании было небезопасно. Из остальных депутатов часть поехала спасать своих детей, часть – домой. Гудаутские и гагрские депутаты уехали домой. Ткуарчалские депутаты не покинули здание. Из очамчирских остался Даур Тарба. Ренат Карчава и Бесик Барганджия жили в районе Синопа и попасть домой не могли. Мы фактически оказались запертыми в здании.

Это была ужасная картина. Люди закрылись в домах. На улицах стало очень тихо. Народ стоял на Красном мосту. Там

находилось большое количество людей, в основном абхазской национальности, человек 500-600, может, даже больше.

Прочертите, пожалуйста, границу. Где были наши люди и где грузины?

Грузины были дальше эстакады. Наши находились на Красном мосту. Территория от Красного моста до эстакады стала мертвой зоной. Там в санатории еще находились отдыхающие, что тоже сдерживало их. Поэтому они не могли стрелять. Люди еще передвигались, кто-то заходил, выходил, кто-то не успел вернуться. Наши ополченцы в основном заняли позицию там, где был подземный переход перед кинотеатром «Апсны».

Утром нам стало понятно, что необходимо покинуть здание Верховного Совета. Мы получили информацию, что переговоры велись о том, чтобы техника не вошла в город, а наши покинули Красный мост и отошли в район Республиканской больницы, ближе к склону, где сейчас заправка «Роснефть». Видимо, договаривались о том, что ополченцы будут сидеть там, где внутренний полк, а грузины останутся в районе Синопа и сюда двигаться не будут, чтобы город не подвергать опасности. Представляете, какая могла возникнуть ситуация, если бы они вошли с техникой, а наши не сидели сложа руки. Переговоры шли всю ночь, с грузинской стороны все командование находилось там, и Иоселиани, и Китовани. Подробностей переговоров я не знаю. Об этом, наверно, будут говорить те, кто принимал в них участие.

К утру обстановка сложилась такая. Несмотря на то, что переговорный процесс сдерживал ситуацию и не было стрельбы и стычек, мы чувствовали, что они начинают просачиваться в город. По Батумской и Комсомольской улицам можно было спуститься на Чанба, а через Чанба пройти к вышке. Они могли войти в город небольшими группами. Провоцировать их нахождением в Верховном Совете депутатов было бы неразумно, а сопротивляться без оружия не получалось. Когда мы принимали решение покинуть здание, нам передали информацию Барганджия Беслан и Ренат Карчава, что необходимо к

обеду небольшими группами перебираться в сторону площади Ленина в здание Кабинета Министров – в правительственное здание. Мы переместились туда.

Тогда стали появляться какие-то сотрудники, расспрашивать. У нас тоже не было достаточно информации, но мы начали успокаивать их. Время прошло быстро. К 12 часам сказали, что нужно подняться на седьмой этаж. Там располагался комитет по приватизации, который возглавлял Беслан Кобахия. Комитет был вновь создан Верховным Советом, работали там молодые ребята. На этом этаже еще располагался комитет по экономическим связям, возглавляемый Геннадием Гагулия. Нам сказали, что сначала надо идти в кабинет к Кобахия, потом переместиться к Гагулия, а Владислав Григорьевич придет туда и переговорщики тоже будут. Оповестили друг друга как сумели о том, что проводим совещание. Оттуда сверху мы видели, как российские корабли подплыли к причалу и стали эвакуировать отдыхающих. Это для нас стало сигналом о том, что мы брошены на произвол судьбы. Очень печально и страшно чувствовать это. Ведь к войне мы не были готовы, не имели оружия, не понимали того, во что это выльется, ворвутся они в город или нет, как вести себя в этой ситуации. Самым страшным стало то, что вот так предательски нас бросают российские войска. Мы узнали чуть позже, что им даже стыдно было нам в глаза смотреть. Они очень ругали МИД, Министерство обороны. Шла эвакуация, и военные уходили из города со своей техникой. Им была дана команда оставить небольшой контингент для охраны некоторых объектов. Основная масса людей выезжали в сторону Гудауты к границе. Отдыхающих подвозили на автобусах, но в основном они шли пешком. А ведь у нас у всех, будто мы сговорились, было много обращений о вхождении в Россию, проходили митинги, сходы, референдум, который провели с таким трудом. Мы отстаивали свою позицию, когда грузинским парламентом была предпринята попытка не дать возможности нашим чиновникам баллотироваться. И после всего этого нас оставили.

Ближе к трем часам, может, чуть позже появился Владис-

лав Григорьевич. Охрана поднялась с заднего входа. Он разложил бумаги, посмотрел на нас, переключку делать времени не было. Сообщил, кто находится на переговорах, сказал, что переговоры продолжаются, по имеющейся информации, вроде есть какие-то результаты. Наша задача – увести ребят с Красного моста, сохранить жизни людей. Но до них это нужно еще донести. Технику, которая там находилась, подбили, ее нужно было брать на прицеп. Под эстакадой находились подбитые БРДМ и машина. Люди стояли и на Красном мосту, и под эстакадой. Уговаривать их должны были идти не переговорщики, а депутаты, потому что мог возникнуть какой-то упрек: «Вы договаривались, и вы нас сдали». Кстати, с таким пониманием они и отступали, будучи на взводе, считая, что отходить нельзя. Владислав Григорьевич сумел эту ситуацию донести, сказать, что сейчас не время искать виноватых. Люди все время требовали оружие, особенно 14 числа. Им говорили, что автоматов нет. Их на самом деле в начале войны не было, а из тех, кто стоял на мосту, они имелись только у внутреннего полка. Из остальных пришли кто с ружьем, кто с автоматом. Но это была самодеятельность. Мы не можем сказать, что открыли склады с оружием и отдали людям. Такого не было.

Когда люди узнали, что мы наверху совещаемся, начали собираться за информацией. Это стало еще одной головной болью: вдруг кто-то выстрелит, а окна у нас были открыты. Смотрим, снаряд НУРС залетает в соседний кабинет на седьмом этаже. Здание так тряхнуло, будто его снесли. Кто-то об этом недавно рассказывал, что они из санатория выстрелили, чтобы мы быстрее покинули правительственное здание. Видимо, у них была информация о том, что, возможно, есть сопротивление против отвода людей или Владислав Григорьевич не дает команды отхода. Представьте себе, какой раздался звук от этого взрыва! Решение уже приняли, депутаты должны были пойти на Красный мост.

Процесс отхода проходил очень болезненно и тяжело. Многие кричали, выражали недовольство. Мы сумели переломить ситуацию и начали двигаться. 15 августа где-то к часу ночи,

может, даже позже были на склоне у выезда из города. Наши расположились там. Большая часть людей стала покидать город утром 16 августа. О том, что 15 августа решили оставить мост и уйти, знали только люди, которые там находились. Основная масса этого не знала. Объявить об этом возможности не было, хотя, наверно, люди друг другу как-то передавали информацию.

Вова Зантария жил в квартире на Новом районе. Мы не ели, не спали два дня и решили пойти к нему, естественно, пешком. Зашли к Вове и только сели, как слышим звук большого количества грузинских самолетов над городом. Они начали бомбить склон, на котором расположились наши ополченцы. Там был ранен Вова Ачба. Он первым получил ранение. Еще несколько человек было ранено, кто-то даже погиб. По фамильно не помню. Мы выбежали на улицу и поняли, что происходит. Они сделали облет. Небо было открыто для них, никто не мешал, никакого сопротивления не оказывалось. Когда мы вернулись, уже приняли решение о том, что оставаться там, на открытом месте, и подставлять людей нельзя. Если бы они сделали второй заход, поубивали бы всех. Таким образом выдавливали нас из города. Поэтому решили перейти через мост, и к утру люди из города двинулись с вещами. Мы вместе с ними перешли Гумисту. Уже рассветало. Помню, как со стороны Нижней Эшеры какой-то армянин, погрузивший на трактор детей, больную женщину и вещи, узнав среди нас кого-то из депутатов, предложил сесть и подвез до поста ГАИ. Тяжело было видеть эту ужасную картину, напоминавшую великое переселение народов в далеком прошлом.

Подскажите, пожалуйста, куда отступили и где встали?

Перешли реку и встали сразу за Гумистинским мостом, несмотря на то, что там узкое место. Нужно было занять позицию, сосредоточить силы от моря до моста. Фактически 16 августа и обозначилась линия фронта. Она не сдвинулась за целый год. Сама ситуация подсказала место, иначе невозможно было обороняться.

Как проходила линия? Вы перешли мост, заняли позицию? Как вы вышли к реке и к нижнему Гумистинскому мосту?

Мы сосредоточились вдоль линии фронта. Они не могли прямо ринуться к мосту. Им нужно было захватить два моста. Они не одним разом это сделали – сперва один мост взяли, верхний, потом нижний, потом уязвимые места ближе к морю. И не сразу зашли с техникой в город. До 18 августа еще выполняли условия договора. Хотя после 15 числа город начали грабить. Танки стояли на въезде. Договоренности якобы выполнялись, но никто никого не останавливал. Они разъезжали на своем легковом транспорте. В городе сложилась невыносимая ситуация. Искали абхазов, искали актив. Вначале рядовых людей не трогали, поэтому общего ощущения, что грабят всех подряд, не было. Людям казалось, грабят не меня, а кого-то там. Это и сдерживало многих, пока ходили точечно, только по домам членов Народного форума, тех, кто служил в полку, по домам депутатов, их родственников. Видимо, у грузин были заранее заготовленные списки или им кто-то подсказывал. Может, соседи выдавали. Не так много абхазов жило в городе. Конечно, если бы не договоренности, было бы еще хуже.

Кто пошел на Красный мост уговаривать людей? И когда вы лично поняли, что это уже война?

Что это война, поняли 14 августа, когда подошли к мосту. Уже темнело, и стало понятно, что мы закрыты наглухо. Люди говорили нам, что все закрыто так, что и птица не пролетит, даже пешком пройти нельзя. Техника стояла плотно, тем более депутатам пройти возможности не было никакой. Мы поняли, что взаперти, что неизвестно, когда вернемся домой и увидим свои семьи. Человек в такой ситуации моментально начинает ощущать, что это тупик, из которого не можешь вырваться. Отходили назад тихо-тихо, осознавая, что по горам дороги нет, воздуха у нас тоже нет, по морю вернуться невозможно. 14 августа мне уже стало понятно, что это война. Вопрос был в том, на какое время. Более того, мы увидели, как российские военные начали уходить оттуда. Ни советского спецназа, ни

генерала Шаталина больше нет, никто нас спасти не будет. Мы это предвидели еще в 1989 году.

Уговаривать людей отойти назад пошли почти всем составом, за исключением тех, кто имел какое-то особое поручение. Это Сократ Джинджолия, Давид Пилия, Костя Озган во главе, Вова Зантария, Даур Тарба, я, Валерий Кварчия. Почти половина состава Верховного Совета. Каждый из нас пытался кому-то это объяснить. Мы отправились туда пешком, кто-то поехал на транспорте. Встретили плохо. Кто-то крыл матом, кто-то злился, но они тоже понимали, что стоять там против такой армады, когда между нами ни оврага, ни речки, только подземка, смысла не было. Все простреливалось. И зданий толком нет. Там, где сегодня Ерцаху, тогда стояла деревянная кафешка. Гостиниц не было. Только спортивный комплекс и кинотеатр, который находился далеко. Оставаться там было бесполезно.

16 августа к обеду мы оказались в Новом Афоне. Нас встретили ребята, накормили. Владислав Григорьевич должен был приехать. Вначале сказали собраться в районе администрации, потом у церкви, а к вечеру поступила команда двигаться в сторону Гудауты. Ночью 16 августа нас разместили в Гудауте. 17 августа с утра мы собрались у администрации. Давид Григорьевич Пилия был там, а потом неожиданно уехал. Потом мы его не видели. Оказывается, он приехал в Сухум, где и находился до конца войны. Было непонятно, почему те, кто об этом знал, тогда не говорили ничего. Мы интересовались, где он находится. Зачем? Может, поручение какое-то? Никто не говорил. Сегодня уже понятно, что Давид Григорьевич приехал домой и остался там. Тем, кто приходил к нему за помощью, он помогал по каким-то бытовым вопросам.

Что происходило с городом? Кто оповещал людей и как?

Народ официально от имени государственных структур никто не оповещал. Обращение на телевидении было только один раз – Владислава Григорьевича. В остальном всеми доступными методами, через родственников, близких, друзей, по телефону передавали, что нужно покинуть город. У людей

оставалась возможность при желании уехать, препятствий не было. Люди ходили через мост до 18 августа. А после 18, когда заехали танки, уже так перейти возможности не было.

21.10.2018

С утра 17 августа нас, депутатов, предупредили, чтобы не ходились недалеко от администрации города. Сказали, должен появиться Владислав Григорьевич, но до его появления мы провели собрание депутатов. Во-первых, чтобы проверить, сколько человек нас осталось. Обсуждали варианты сопротивления. Вопрос о том, сопротивляться или нет, не стоял. Решали, где должна проходить линия фронта. То, что по реке Гумиста, – было ясно. Думали, что делать с восточным направлением, хотя понятия «Восточный фронт» у нас еще не существовало. Мы понимали, что там люди остались не прикрытые, не защищенные никем. У нас было приблизительное представление о том, какое у них оружие, сколько его. С помощью этого оружия и имеющихся боеприпасов долго продержаться не смогли бы. Это все понимали. Что касается медикаментов и питания, хватило бы, но мы не могли заглядывать тогда далеко. Главной проблемой было то, чем защищаться людям. Ближе к полудню появился Владислав Григорьевич со своей охраной.

Кто из депутатов был?

Из двадцати восьми абхазских депутатов, армян и русских, были Тополян Альберт, Какуев Альфред, Воронов Юрий Николаевич, Логинов Виктор, Джинджолия Сократ, Дамения Олег, Лакоба Станислав, Акаба Нателла, Пилия Давид Чичович, Гварамия Алеко, Тарба Даур, Зантария Вова, Гурджуа Вова, Джинджолия Климентий, Бганба Валерий, Озган Константин, Лакоба Игорь, Авидзба Эмма, Ашхацава Владимир, Шамба Сергей, Геннадий Аламиа, Кварчия Валерий, Ачба Зураб.

Как я уже говорил выше, к полудню появился Владислав Григорьевич. Его охранники сообщили нам, что он пришел. Совещание проходило в здании администрации. Вход находился с задней стороны. У здания собралось много людей. Они были и внутри, и на площади, а мы собрались на втором этаже.

Вы в первый раз увидели Владислава Григорьевича после 14 августа?

Нет, мы в последний раз с ним встречались 15 августа в здании Совета Министров на площади Ленина.

Когда он зашел, поздоровался, очень внимательно стал всматриваться в лица тех, кто присутствовал. Тогда я не очень это понимал. Но спустя какое-то время стал понимать, насколько тогда важно было наше единство, в каком мы составе, будут или нет среди нас разброд и шатание, разногласия. Думаю, об этом тогда серьезно вопрос стоял, ведь кроме Верховного Совета ничего у нас не осталось – ни правительства, ни силовых структур. Они были многонациональными. Часть людей выехала, пытаюсь спасти свои семьи, часть осталась здесь. Сегодня, по истечении времени оглядываясь назад, вижу, что мы много чего забыли, растеряли почти все институты власти. 14 августа у нас не было прокуратуры, не было Верховного суда, правительства. Только на уровне Верховного Совета могли принимать решения и обращаться от его имени. Понимание этого пришло чуть позже. Забегая вперед, скажу, что после поездки в Москву 3 сентября и после освобождения Гагры у Владислава Григорьевича изменилось настроение. Мы собирались почти ежедневно вечером. Это не называлось сессией, как сегодня принято. Мы отчитывались, у каждого было свое задание, свой участок работы, делились всем, что произошло в течение дня. Он шутил говорил: «Нас уже больше стало, нас мало, мы становимся крепче».

В первый день у нас были потери депутатов. 14 августа Гурджуа выехал в сторону Очамчыры, чтобы узнать о происходящем, и по непредвиденным обстоятельствам оказался заблокированным. В сложную ситуацию попал и Даур Барганджия. 14 августа дошла информация о том, что танки подошли к нынешней гостинице «Айтар». Его племянники – дети младшего брата Бесика, работавшего помощником Владислава Григорьевича, оказались в садике в Синопе. Даур на машине выехал туда, но пришлось оставить ее и идти пешком. Забрал детей, а обратно дорогу уже полностью заблокировали. Будучи узнаваемым человеком, он был вынужден переправить детей

через знакомых женщин, а самому пришлось скрываться. Добирался очень долго через деревни в Очамчырском районе. В итоге в сентябре он появился в Ткуарчале. В середине сентября я полетел в Ткуарчал. Помимо выполнения различных поручений, мне необходимо было во что бы то ни стало доставить Даура. Он нужен был обязательно в Верховном Совете. Оказался заблокированным в городе Гагра и Капба Энвер Эрастович. Он 14 августа выехал в Гагру и остался там, пока Гагру не освободили. По непонятным причинам Пилия Давид Григорьевич появился в Гудауте 17 августа с утра, а на совещании его уже не было. Отсутствие этих людей моментально сказалось на общей атмосфере, но тем не менее Владислав Григорьевич зашел, перебросились парой слов. Однозначно вопрос стоял о том, что мы будем сопротивляться, защищать родину, другого выхода у нас не было. Не успели дойти до конкретики. Помню, он держал в руках очень много визиток и пытался дозвониться куда-то. Через какое-то время зашел охранник и позвал его к телефону. У них в машине ГАЗ-24 стояла рация. Он оставил нас и вышел. Через несколько минут забежали охранники и забрали то, что он оставил на столе, – папку, документы какие-то. Версий появилось много относительно того, кто звонил. Звонок имел очень важное, наверняка решающее значение. Это был какой-то переломный момент. Не могу сейчас назвать фамилию того, кто звонил. Хотя по истечении времени, когда мы, депутаты, собираемся вместе и обсуждаем, кто звонил тогда, все приходим к единому мнению.

Скажите как версию.

Как версию могу сказать. Мы считаем, что звонил Бурбулис Геннадий, госсекретарь России. Но в тот момент мы думали, что это или Скоков – секретарь Совета Безопасности РФ, или министр обороны Грачев. Версий было много.

О чем был разговор? Владислав Григорьевич не рассказывал?

Нет, он никогда про это не говорил. Хотя мы догадывались, что это был хороший звонок. Об этом он сказал вечером 18 ав-

густа. В тот вечер мы больше его не видели. На следующий день с утра была дана команда. Люди начали собираться. Сказали, что Владислав Григорьевич будет выступать перед народом. Там присутствовали не только жители Гудаутского района, но и жители Абжуйской части, других районов. Народу собралось очень много. Он вышел и выступил. О том, что началась война и мы должны идти, кто в состоянии, кто может. Это выступление явилось фактически призывом. После того исторического обращения по телевидению, о котором мы знаем, это было немаловажное выступление, в котором люди увидели его. Он призывал к сопротивлению.

Он просто призвал к сопротивлению или чем-то аргументировал?

Я помню его слова: «Мы не останемся одни, к нам придут на помощь». Думаю, звонок, о котором я рассказывал, давал ему основание так заявлять. Конкретнее невозможно было сказать, кто звонил. Но мы чувствовали, что это тот самый звонок. Все последующие дни мы фактически оказались изолированными от всего, в первую очередь от России. На первых порах они не хотели связываться, а у грузин был план быстро завершить операцию в течение выходных и в понедельник сообщить, что все в порядке, ничего не случилось, железная дорога работает, а сепаратистов, которые бегали с оружием, нет. Однако этого не случилось. Видимо, пришло понимание, что дальше обманывать общественность нельзя. К великому сожалению, у нас в то время не было больших возможностей в передаче информации. Тогда понадобилось три-четыре дня.

Тем не менее люди, особенно на Северном Кавказе, стали собираться. Уже пошли звонки, телеграммы. На Юге России начинали понимать ситуацию. Это давало нам дополнительные силы, надежду на то, что мы одни не останемся. Фактически Владислав Григорьевич смог сказать обо всем происходящем, передать эти настроения. Вечером мы, депутаты, собрались в совсем другом формате, в другом состоянии. Он уже начал раздавать поручения. Остро встал вопрос о том, что в городе

необходимо создать военную комендатуру. Это первая структура в условиях войны, но, тем не менее, нужно было ее создавать. Мы очень спорили о кандидатуре, но Владислав Григорьевич настаивал на назначении кого-либо из гудаутских, из нашего актива. Однако желающих было мало. Видимо, не совсем понимали, что там делать, чем комендатура должна заниматься. В итоге избрали Пилия Давида Чичовича. У нас были какие-то навыки еще с Ткуарчала. У него в Верховном Совете был имидж человека, способного обращаться с оружием. Он попросил, чтобы к нему в помощники командировали меня. Помню, в 11 часов ночи мы вышли из здания. Нас отпустили, но совещание продолжалось. Гудаута все же чужой город. Необходимо было найти помещение, собрать людей, составить список, выставить пост, достать печатную машинку. Особенно нуждались в стенографистках. Эти организационные вопросы удалось решить за ночь. К утру было все готово. Мы вышли оттуда и встретили Эрика Берзения. Он не депутат, родом из Ткуарчала, но жил в Сухуме, работал на мебельной фабрике бухгалтером. Я хочу особо подчеркнуть большой вклад этого человека в наше общее дело. Находясь там в течение года, мы посылали оружие, боеприпасы, медикаменты. Во всем этом огромная заслуга Эрика Берзения. У него была машина «Жигули», белая шестерка, которая являлась для нас и кабинетом, и штабом, и местом хранения автоматов. Документы наши лежали там. Мы жили в ней. Она была, можно сказать, нашей комендатурой. На ней мы объездили весь город. В результате нашли помещение в одной школе, если я не ошибаюсь, №4, где директором была Мэри Тхагушева. Мы зашли во двор. Нас встретил охранник. Попросили его вызвать директора. Она приехала, мы поговорили и решили расположиться на первом этаже, в холле. С Эриком на машине подъехали к администрации. Людей собралось очень много. Теперь нужно было найти женщину, которая умеет печатать. Я вышел, объявил об этом. Руку подняла и выбежала Эмма Шат-ипа. Я ее знал по Ткуарчалу. Она сейчас работает в Министерстве юстиции. Эмма Шат-ипа сказала, что с удовольствием будет работать. В тот же

вечер записалась и поехала с нами Шамба Манана, оперная певица. В школе не оказалось печатной машинки, но ее где-то нашли. К утру у нас была комендатура, мы имели списки людей. Пришло огромное количество ребят, которые работали в милиции. Это люди, которые имели какой-то опыт обращения с оружием. Нашли красные повязки, определили режим перемещения, где, что запрещено. Все необходимое собрали. Но это еще нужно было согласовать с Владиславом Григорьевичем. К обеду мы с Давидом пошли к нему на доклад, показали все. Он внес свои коррективы. С 19 августа в Гудауте заработала комендатура. Было много людей, которые ездили в машинах с оружием, создавая хаос. Мы показали, что, если есть оружие, готов воевать, приходишь в военную комендатуру, записываешься, а мы передаем эти списки дальше, командованию. Вот так начал появляться какой-то порядок.

Как вы информировали людей?

Это было сарафанное радио. По-другому информировать мы не могли, да и проблем с этим не возникало. Люди выражали готовность помогать, работать.

Военная комендатура за неделю приобрела форму структуры, у которой уже были успехи. Появились люди, которые немало понимали в этом деле. Но параллельно с этим передо мной и Давидом стояла серьезная проблема, как добраться до Ткуарчала, каким путем. Мы понимали, что передвигаться по горам, предпринимать какие-то попытки было нереально и безумно, хотя мы с заместителем главы администрации Гудаутского района Ардзинба Дмитрием, он сейчас депутат парламента⁶, обсуждали возможность добраться туда на лошадях. Потом, когда начали спрашивать у охотников, нам объяснили, что это невозможно. Через какое-то время пришло понимание, что нужно пробовать через российский полк, через вертолетчиков, и иного выхода нет, но для этого необходимо найти какой-то контакт, выйти на них. Меня в комендатуре немного разгрузили и отправили к Константину Константиновичу Оз-

⁶2018 г.

ган. Он долго проработал в Гудауте главой администрации, являлся депутатом Верховного Совета, был хорошо знаком с командованием части. Для начала решили поселить нас – Давида, меня и Эрика Берзения, к военнослужащим в их санаторий. На тот момент командующим являлся Сигуткин. У них каждые 40 дней менялся командующий состав, что не было связано с войной. Они работали в три смены – Сигуткин, Сорокин, Чиндаров. И данный состав поочередно жил в этом санатории. Будто по просьбе Верховного Совета нас – депутатов, не жителей Гудаутского района, поселили там, дали пропуска. Мы могли на машине туда заезжать. Первые контакты у нас пошли с людьми, среди которых был заместитель командира авиаотряда в звании старшего лейтенанта. Впоследствии он перешел в абхазскую армию, служил вертолетчиком. Мы с ним познакомились, стали расспрашивать, есть ли возможность переправиться в Ткуарчал. Он согласился помочь. Сказал, что если Владислав Григорьевич договорится с их генералом, то они могут полететь и постараются приземлиться. Мы объяснили, что там есть стадион на верхней и на нижней площадках, где даже большие самолеты садились. Но они никогда туда не летали и не имели представления о том, что там происходит. На тот момент делегация в составе Воронова⁷ и Владислава Григорьевича должна была ехать на переговоры в Москву. В такой ситуации говорить о переправе не было смысла. Но мы решили по возвращении Владислава Григорьевича обязательно рассказать ему о наших планах и попытаться переправиться. А до этого стали готовиться, чтобы не с пустыми руками туда полететь, а найти боеприпасы, автоматы, медикаменты. Работа в комендатуре давала нам возможность заниматься всеми этими вопросами. Был создан штаб, о котором сейчас многие говорят, приписывая себе разные заслуги. Говорят, что возглавляли штабы в разных городах. На самом деле никаких штабов не существовало. Это то, что люди домысливают, какая-то самодеятельность. Мы создали одну маленькую группу, и она превратилась в итоге в тот штаб, который фактически действовал до конца войны.

⁷Ю.Н.

Расскажите, пожалуйста, как готовилась поездка в Москву.

Собрались депутаты. До нас уже дошла информация о том, что поездка⁸ какая-то готовится, но мы не знали, в каком составе. Понимали, что обязательно должен поехать Владислав Григорьевич, но кто с ним поедет, сколько квот нам дадут, какому количеству людей разрешат ехать, было неясно. Там возникало очень много споров, так как по большому счету на этих переговорах помимо Ардзинба и Воронова еще присутствовали депутаты грузинской фракции, которых тоже называли абхазской делегацией. Их рассаживали так, что они находились недалеко от наших представителей. По правой стороне сидели заместитель Владислава Григорьевича, рядом руководитель грузинской фракции и гагрский депутат, то есть два человека от нас и два от грузинской стороны. Кандидатур грузинской фракции мы не называли. В Гудауте приняли решение о том, кто едет от нас, а их отправили по указанию из Тбилиси. Владислав Григорьевич объявил нам об этой схеме, о том, что там будут представители грузинской фракции и от нас два человека, он и Воронов. Мы проголосовали, согласились. Естественно, было много разговоров. Выступали депутаты, говорили, что дают возможность Владиславу Григорьевичу принимать решение по ситуации, не упираться, не настаивать на определенных условиях, чтобы пришли к какому-то компромиссу. Многое тогда мы не понимали: как будет стоять вопрос о выводе, отводе, также о вводе каких-то миротворцев, на каких условиях. В общем существовало много вопросов, предусмотреть все заранее не представлялось возможным, поэтому наставления были, но решения принимать предстояло там, на месте, не оглядываясь на нас, не думая, как это воспримут. Помню, что после этой встречи, когда уже было подписано соглашение, в Гудауте данный факт восприняли как поражение. Кому-то казалось, что в Москве все за нас и не примут во внимание грузинские условия, а все будет принято однозначно только на наших условиях. Надеялись, что нам освободят Сухум, дадут возможность зайти туда, выведут войска за пределы Ингура. Но это являлось чем-то

⁸Речь о Московской встрече 3 сентября 1992 г.

из области фантастики. Дальнейший ход событий показал, что свою территорию нужно освобождать самим, с оружием в руках, по-другому никто не преподнесет свободу и независимость. Тогда было другое время. Мы, воспитанные в советскую эпоху, по любому вопросу обращались в Кремль, писали генеральному секретарю, в генеральную прокуратуру. Оттуда приезжали, рассматривали вопросы, спецназ прилетал, нас разъединяли. Мы жили в большой стране, а сейчас остались между небом и землей, нет большой страны СССР. Россия уже самостоятельное государство, Грузия – самостоятельное государство, члены ООН, а куда мы входим или не входим? Ни туда и ни сюда. Сопровитвляемся, не имея ни оружия, ни боеприпасов. Поэтому, конечно, это была огромная победа. Кстати, Станислав Лакоба много пишет об этом, в частности, что Владислав Григорьевич сумел выжать все возможное из той ситуации. Мы это начали понимать сразу. После его возвращения настроение, конечно, стало совершенно иным. Мы по-другому себя почувствовали. Информация о том плане, который у нас зрел, о сообщении между Гудаутой и Абжуйской частью Абхазии, для людей, которые там находились, была бы как глоток воздуха. У них возникло много вопросов – о том, кто появился в Москве от имени Верховного Совета, что подписали, что происходило там. Люди слушали радио, кто-то что-то неправильно доносил, потом появилась рация. Мы себе взяли позывные. Мой позывной был «шахтер», так как я бывший председатель профсоюзного комитета. На связь выходили поздно ночью, когда, как мы думали, грузины не подслушивали, хотя наверняка они нас глушили и слушали. Я пытался отсюда передать информацию. Нас спрашивали, возможно ли чем-то им помочь. Сказать, что собираемся организовать перелет, было невозможно. После приезда Владислава Григорьевича мы с Давидом Пилия зашли к нему и впервые рассказали о том, что наработали, что есть договоренности с вертолетчиками и есть человек, который готов полететь. Они обычно летали по два человека на вертолете. Вначале, конечно, он к этому отнесся скептически. Как полетят? В каких условиях? Как перелетят

линию фронта? Лететь по морю или по горам? Потом сказал: «Подождите, я подумаю немного, посоветуюсь, созвонюсь с их руководством». Мы вышли в ожидании. Через несколько часов нам сообщили, что надо бежать к нему. Он сказал, что договорился, они дали согласие и есть возможность лететь. Спросил, с чем мы полетим. Мы были уже готовы. Кто-то нам подсказал, что нужно распороть мешок с мукой или с сахаром и два автомата положить вовнутрь, зашить аккуратно так, чтобы ничего не было видно. То же самое с патронами. Их нужно было вытащить из цинка и положить штучно. Мы уже собрали несколько десятков мешков муки и сахара, медикаменты, вещи первой необходимости. Набрали все необходимое в первый вертолет. Людей, конечно, не хотели тогда брать. Планировали полететь только вдвоем с Давидом, но Владислав Григорьевич категорически отказал: два депутата вместе, еще и вы там застрянете или что-то случится. Было принято решение, что полетит Давид. Все это происходило в десятых числах сентября. И вот вертолет полетел туда. Для нас это стало великим событием. Долетели удачно. Вертолет летел ночью над морем на низкой высоте, очень аккуратно. В хорошую погоду можно было лететь над морем, а в плохую над горами. Самое главное – нельзя ошибиться и линию фронта перелететь, оказавшись при этом в Грузии. Этот первый полет был очень удачным, и они вернулись назад в тот же день. Естественно, масса впечатлений. Давид много рассказывал об этом. Буквально через десять дней вторым рейсом полетел я, но у меня уже были совсем другие задачи. К первому сентября получили большое количество лимитов на учебу в России. Ардзинба настаивал на том, что мы обязаны отправить детей и это очень принципиально – доказать, что можем. Детей нужно было вывезти, доставить, не сорвав всей операции. Сколько получили лимитов, я не помню, но из Ткуарчала мы вывезли порядка 10-12 человек. Они были одеты в то, что у них имелось. Я остался там на одну неделю, улетев следующим вертолетом. Объехал почти все позиции, был в деревнях, в первую очередь посетил свою Бедию, потом Баслаху. Там люди интересовались, как Владислав Григорье-

вич, спрашивали, что делать без оружия. Сложилась тяжелейшая ситуация. Отсутствие информации вызывало много сплетен, слухов, проблем. Информации было мало, не то что сейчас.

Не было возможности набрать номер телефона и позвонить?

Да, позвонить возможности не было. По той, довоенной, связи, чтобы дозвониться, в ожидании пришлось бы сидеть полдня. Сначала получить талон, потом ждать, пока телефонистка соединит, а тут еще и война, когда все коммутаторы находятся в Тбилиси или в Сухуме. С Гудаутой связаться шансы отсутствовали, потом разговоры бы прослушивались, т.е. мы были уязвимы в этом плане. В городе не хватало оружия, боеприпасов, медикаментов, и информационный голод стоял. Да еще собрались люди из всех деревень Очамчырского района, за исключением тех, что находились выше. Деревенские жители, потерявшие жилье, от Кындыга до Пакуаша, собрались там. Всю трассу заняла грузинская армия, и поэтому люди были вынуждены перебраться в город. Вместе с беженцами там находилось порядка 40-50 тысяч человек. Собственное население Ткуарчала составляло 22 тысячи человек. Жилья хватало, свободных квартир было немало, потом понемногу грузинская часть населения стала уходить в сторону Грузии.

А как они уходили?

Для них был открыт коридор через Бедию. Никто никого к этому не принуждал. Информационный голод, о котором я говорю, очень ощущался. Пока я там неделю находился, меня даже сняли на местном телевидении. Зухбая Отар это сделал. Он пытался взбодрить людей. Я набрал детей 10-12 человек, мы их одели, обули в Гудауте и отправили дальше, учиться. Я помню, один парень был даже без обуви. У нас с ним совпал размер, и я снял свои туфли, отдал ему. Сам надел военные ботинки. Помню, тогда стала приходить гуманитарная помощь из Башкирии, Татарстана и других республик.

Немного расскажу о штабе. Он понемногу начал приобре-

тать более или менее какую-то форму. Никакого постановления Верховного Совета, которое бы нас обязывало к чему-либо, не было. Штаб возглавлял Давид Пилия. Пока он отсутствовал, я руководил этим штабом. Потом мы стали подбирать необходимых людей. Эрик Берзения был нужен как воздух. Он являлся связующим звеном в наше отсутствие, даже когда появились Бесик Кварчия и другие ребята. Мы поняли, что на одной легковой машине все возить стало невозможно, тем более что при получении приказа о готовности вертолета мы должны были иметь все необходимое в одной машине. Ткуарчалский парень Нодар Салакая нашел бортовую машину – старый ЗИЛ. Она всегда стояла готовая. Мы ее накрыли. Там оружие, медикаменты, еда и все необходимое, что оттуда запросят. Получив команду, сперва на легковой машине, мы с Эриком заезжали на аэродром, чтобы не попасть в чьи-либо руки. Журналисты приезжали иностранные, российские. Это как-никак военная база, и мы старались проворачивать все незаметно. Не должны были видеть, что у нас абхазские номера. Мы имели подготовленные пропуска и на большую машину, и на маленькую. Отдельная площадка находилась у нас подальше от посторонних глаз. Погрузкой вертолета занималась группа ребят грузчиков, которая работала автоматически. Они загружали все в течение 15-20 минут. Нам нужно было быстро загрузить и исчезнуть, без лишних разговоров. Этот момент мы отработали до автоматизма. Журналисты бегали за нами. Катя Бебия упорно пыталась взять интервью, записать нас, но мы категорически отказывались. Между нами существовала договоренность не давать никакой информации, никому, потому, что это было очень опасно. Я сейчас вижу записи, где люди мирно гуляют по Гудауте, сидят в кафе, философствуют, а у нас не было времени этим заниматься. Сам Владислав Григорьевич говорил: «Не дай Бог, информация где-то просочится. Мы тем самым подведем командование этой базы». Эти гуманитарные передачи отправлялись без их официального разрешения, не говоря об оружии. А они просто закрывали глаза и шли на это.

Старший лейтенант, о котором я говорил выше, остался в

Абхазии после войны и внес большой вклад в становление Абхазской армии, обучил наших вертолетчиков. Чтобы летать на вертолете, нужны особые навыки. Вот он и остался, жил здесь, работал в аэропорту. В прошлом году умер.

В каком настроении был Владислав Григорьевич после того как вернулся из Москвы, после подписания соглашения? Рассказывал ли он что-нибудь о своей поездке?

После его приезда состоялось большое совещание, на котором присутствовали все депутаты. Он рассказывал, что и как было, но я точно помню его недовольство собой – он ведь хотел максимально все выжать из той поездки. Владислав Григорьевич считал, что это не совсем хороший документ, не знал, как он аукнется. Хотя люди, которые находились рядом, думали по-другому, особенно Юрий Николаевич Воронов. Он подробнее рассказывал нам обо всем, считая большой победой, что Владислав Григорьевич сумел на пресс-конференции досказать то, что не внесли в протокол. А сам Владислав Григорьевич воспринимал это скептически, не как большой успех. Если вы помните, в одном из пунктов говорилось о выводе военных формирований. Особенно это касалось северокавказских ребят. Данный пункт его очень беспокоил. По условиям договора, через пару дней они должны были сложить оружие, военное обмундирование и как гражданские уехать на автобусе из Абхазии после подписания соглашения. Эта часть присутствовала как неуспешная, и мы отходили от нее.⁹

Депутаты каким-то образом давали свою оценку этому соглашению? У вас была какая-то информация?

Да, конечно, у нас были и текст соглашения, и люди, которые рядом находились. Это не те, кто сидел на переговорах. Багапш там находился как наш представитель в Москве, также Костя Озган, Какуев Альфред – наш депутат, владевший большим количеством нужной информации.

⁹Однако, в самый последний момент Ардзинба настоял на том, чтобы этот пункт о добровольцах был исключен из текста соглашения, в противном случае он отказывался от его подписания.

Какая у вас была реакция на то соглашение?

Вначале некоторые даже стали паниковать и говорить, что мы проиграли. Однако в процессе обсуждения все быстро пришли к тому, что это огромный успех, серьезный шаг вперед в той ситуации, в которой мы находились. Тем более буквально 14 августа с нами вообще никто не разговаривал, и мы были брошены на растерзание, а тут через месяц дают обещание на таком уровне. Если вы помните, Владислав Григорьевич в своем выступлении говорил: «Борис Николаевич, мы на Вас рассчитываем, надеемся на Вас». Это было очень важно для нас. Руководитель такой огромной страны дал обещание, мы о таком не могли и мечтать. В первые дни войны для нас тогда было все закрыто. Люди, которые немного разбирались в политике, понимали, что это успех.

Когда он приехал, у вас не было никакого скандала, никаких ссор?

Нет, конечно, ничего такого и быть не могло. Мы с нетерпением ждали его приезда, ждали, когда он расскажет нам, о том, что там происходило. Станислав Лакоба писал, что Владислав Григорьевич несколько дней оставался в Москве, встретился с чиновниками самого высокого уровня, с членами правительства. Для него были открыты все двери. Ему не приходилось засиживаться в приемных, ничего такого. Все вопросы, касающиеся оказания помощи, гуманитарной или предоставления топлива, решались, а двери были открыты.

Скажите вашу версию, почему произошел такой разворот?

Об этом очень хорошо написано у Станислава Лакоба. И я согласен с ним. Станислав пишет о выступлении Шеварднадзе¹⁰, в котором он обвинял Россию, надеясь при этом, что в Москве его будут встречать с цветами. Общественное мнение по Югу России и на Северном Кавказе было идеально для нас, для того чтобы они пересмотрели свое решение.

¹⁰25 сентября 1992 г. на Генассамблее ООН в Нью-Йорке.

Понятно, почему так отреагировали Юг России, Северный Кавказ?

Я думаю, что тут не только Юг России. Резко отреагировали российские военные, которые никак не могли простить Шеварднадзе то, что происходило 9 сентября в Тбилиси по отношению к Советской армии. Дискредитация Советской армии изначально пошла из Грузии. Полученный по отношению к Закавказскому военному округу, к генералу Родионову удар, то, как терроризировали его в Верховном Совете, выступления депутатов – все это, наверно, накопилось. И, кроме того, сказалось варварское поведение не только по отношению к Абхазии, но и хамское отношение к России. Выступая здесь, Шеварднадзе говорил одно, а за пределами трибуны иное, поливал всех грязью. Все это не могло оставаться без последствий. А что касается Северного Кавказа, тут необходимо отдать должное тем, кто вел работу еще до начала всех этих событий. Еще в 1989 году организация, которую возглавлял Шанибов – Конфедерация горских народов, провела съезд в Сухуме. Шеварднадзе писал по этому поводу: «Бумажные тигры собираются, а мы их не боимся». Человеческий дух поддержки и то, что пошли сюда по зову сердца, когда никто не обязывает это делать, – все это не могло остаться незамеченным в России. Спецслужбы, которые этим занимались, видели, что ребята с Северного Кавказа идут на помощь к слабым. Естественно, потянулись и с Юга России. Еще нужно учитывать, что Абхазия являлась жемчужиной Советского Союза, сюда приезжало огромное количество людей на отдых. Они всегда прекрасно относились к этой земле, особенно к Гагре, Пицунде, Сухуму, Новому Афону. Эти места для них были связаны с солнцем, морем, с людьми, которые тут жили. Поэтому и для них стало трагедией то, что бомбят мирные города, что отдыхающие в августе бегут, спасаясь от бомбежки. От этого и пошло движение на Юге России. Ведь все происходило здесь рядом, по соседству. Люди почувствовали, что у соседа горе, и пошли на помощь.

Много людей пришло? Куда они приходили в первые дни? Они проходили через вашу комендатуру?

Нет, они не проходили через нашу комендатуру. Огромную роль в принятии этих людей играли Павел Ардзинба и Валерий Айба. Они занимались их организацией со своей группой, как и мы в свое время в Ткуарчале, по линии Народного форума. Такая же работа велась в Гудауте. Не могу сказать, что мы часто встречались, но по линии Народного форума в Сухуме имели контакт. Главная ударная сила была сосредоточена в Гудаутском районе и в Ткуарчале. Там находилось большое количество абхазского населения. То, что наработали еще в довоенное время по событиям 1989 года, я воочию увидел это, пригодилось тогда. Они были готовы к принятию и размещению людей, знали, где их накормить, куда отправить жить, как отсортировать: более способных отправить на передовую, а людей, чей возраст не позволял воевать с оружием в руках, придержать. Приехали журналисты, немало интеллигенции, которые тоже рвались сюда с желанием чем-то помочь.

Павел Ардзинба и Валерий Айба состояли в какой-то организации или действовали как добровольцы?

Это были люди, которые добровольно взвалили на себя работу. Существовал целый актив, который работал, а они им руководили. Такая же группа, как у нас в Ткуарчале по линии Народного форума. Кто-то из Народного форума Сухума руководил ими. К сожалению, сухумское руководство Народного форума хочет приписать себе все, что делалось в районах, особенно в Гудауте и в Ткуарчале. Мы, например, в Ткуарчале ни разу не видели, чтобы они к нам приезжали. Все мы делали от себя. Это была наша инициатива. Аналогичную ситуацию я видел в Гудауте. Много спорили о том, обеспечит ли Народный форум всех оружием, будут ли автоматы? К сожалению, этого не случилось. Но в Гудауте уже в первые дни, когда мы там оказались, освободили несколько санаториев, выставили наряд. Пускали туда не всех. Пошли записи, столы поставили. За ними сидели молодые ребята – добровольцы с Северного Кав-

каза, отдельно с Юга России. Вся эта работа началась с первых дней войны, и занимались ею я, гудаутский актив под управлением Павла Ардзинба и Валерия Айба.

Далее приезд Сосналиева, создание Министерства обороны. Все нужно было организовать, выделить помещение, обеспечить охрану по периметру, выставить людей на улице. Это все же человек, который тут не жил, приехал с Северного Кавказа. И руководили происходящим Ардзинба и Айба. Других структур у нас не существовало. Лишь советская милиция, во главе которой стоял министр. Если даже это был бы трижды великий человек, он подчинялся Тбилиси, его руководство находилось в МВД, откуда отправляли необходимые бумаги. У них происходил дележ по схеме «грузин, абхаз, иногда русский». Все контролировалось, никто ничего не мог сделать. Сегодня задним числом, к сожалению, многие люди, которые работали в этих структурах, пишут какие-то легенды. Кто-то говорит, что основался там для сбора информации, еще чем-то занимался. С 14 августа Верховный Совет – 28 человек, из них пара человек по определенным причинам, по обстоятельствам выпала, и тот актив, который оказался в Гудауте, решали все организационные вопросы. А главной базой, вокруг чего все создавалось, был внутренний полк, который мы имели до начала войны. Корни этого полка идут с 1989 года. Он был создан Верховным Советом. Первый отряд самообороны появился в Ткуарчале. Под предлогом, что на территории Абхазии грабят железнодорожные вагоны, Грузия всячески пыталась войти сюда. Они несколько раз совершали такую попытку, и мы это видели. Люди вынуждены были создавать отряды самообороны. Насколько я помню, в Сухуме отряды самообороны не появились. Там чуть позже создали полк внутренних войск решением Верховного совета Абхазии, чтобы внутри сохранился порядок и чтобы возникла какая-то сила в противовес грузинским структурам, появившимся здесь, в Сухуме.

По сколько человек было в этих полках?

Я знаю, что их численность в Ткуарчале составляла около

300 человек. Из них 200 обученных людей, которые могли при необходимости встать в строй. Думаю, что такое же количество было в Гудауте, а в Сухуме, наверно, еще больше, около 500-600 человек. Честно говоря, я не задумывался над тем, какое количество входило. Эту цифру никто не оглашал. Может, необходимость в этом отсутствовала тогда.

В Гудауте эта группа изначально принимала людей. Каждый доброволец являлся огромной моральной поддержкой и стимулом. Это подтягивало и других тоже. Представьте себе, что взрослые мужики сидят дома, когда другие люди приехали защищать твою родину. Между прочим, в первые дни приезжали не только с Юга России и с Северного Кавказа. Откуда только люди не приезжали! Среди них были те, кто когда-то здесь отдыхал, чьи-то друзья, знакомые, кто переписывался с кем-то, когда-то бывал здесь. Приезжали со всех концов бывшего Советского Союза. Не так уж много, но тем не менее прибывали ребята из Украины, из Питера, Москвы, из многих городов, и это распространялось очень быстро. Вокруг каждого парня собиралась огромная толпа, и люди начинали спрашивать, кто он, откуда и как приехал?

Как они сюда пробирались?

Пробирались кто как мог. Тогда такой границы, как сейчас, между Абхазией и Россией не было. Она являлась лишь административной границей. Естественно, грузины пытались на той стороне (у Станислава Лакоба про это есть) в порту Адлера высадить десант, надеясь, что депутаты во главе с Владиславом Григорьевичем побегут, а они будут по одному их там отлавливать.

Они как-то препятствовали проникновению сюда?

Они не могли препятствовать. И вот почему. Идет гражданский человек, в гражданской одежде, паспорт с собой. Как узнать, какие у него планы? Тогда, как я уже сказал, такой границы не было.

Не было ситуации, что людей сюда не пускали? Они достаточно свободно могли сюда въезжать?

Граница между Россией и Грузией была необустроенной, учитывая то, что мы находились посередине. Хотя Гагру они взяли и где-то до 20 августа, точно дату не помню, высадили десант¹¹.

Гагра была блокирована, но там люди ходили, проезжали. Откуда грузины могли знать, кто такой и куда едет? Они не в состоянии были контролировать весь город. Конечно, если ты будешь по трассе пешком проходить или на машине ехать, тебя остановят. При желании люди в основном находили возможность пройти дальше.

В первых числах октября после всех этих событий, после того как в Ткуарчале наладили связь, летали туда, повезли кое-что, с людьми более или менее стало все понятно. Уже была информация о том, что там творится. В это время Владиславу Григорьевичу позвонил председатель ЦК профсоюза угольщиков Лунев Владимир Георгиевич, тот самый Лунев, который нам помогал при выходе из состава «Грузугля» и вхождении в «Ростовуголь». У нас с ним были хорошие связи. Мы рассказывали Владиславу Григорьевичу о том, кто нам помогает, и он заочно слышал эту фамилию. А тут Лунев сам звонит в разгар войны, в первых числах октября. Спрашивает, чем помочь, что в Ткуарчале творится? Жив ли его коллега и наш депутат Джинджолия Климентий? Где он находится? Где его люди? Меня вызывает Владислав Григорьевич и говорит: «Наконец тебя нашел Лунев из Москвы». Я тоже обрадовался, конечно. На душе стало тепло. Они нас не забыли! Владислав Григорьевич говорит: «Садись и пиши, что мы можем у них попросить. Первое, смогут ли сделать заявление о том, что город закрыт со всех сторон, доступа нет, шахты загазованы, условия тяжелые, нет возможности доставки туда гуманитарной помощи, люди без еды, без медикаментов. Второе – гуманитарная помощь. Если смогут выделить что-то, мы готовы принять для

¹¹Морской десант был высажен 15 августа 1992 г. в Гантиади (Гечрипш) на границе с РФ.

отправки туда. И еще хотели бы сапоги шахтерские, чтобы можно было на Восточном фронте людей одеть».

Вот так мы набросали несколько вопросов. Я подготовил все и позвонил оттуда. Звонить в Москву можно было только от Владислава Григорьевича. Я набрал. Лунев поднял трубку, мы с ним общались. Сложился очень хороший разговор. Он спрашивал, как дела в Ткуарчале. Я ответил, что был там всего один раз, что нахожусь в Гудауте, объяснил ему ситуацию. Он в Абхазии не бывал, но заочно представление имел, где находится город, насколько далеко в горах, на каком расстоянии от российской границы и насколько близко к грузинской. Мы много раз выступали у них о выходе из состава «Грузугля», ставили вопрос о том, что груз провозят мимо нас, потом привозят назад, т. е. он знал хорошо всю ситуацию, был в курсе. Даже спрашивал, где моя семья. Я сказал, что она находится в Ткуарчале. Поинтересовался, хочу ли я ее вывезти. Как я мог вывезти семью, когда там находились дети шахтеров! Он сказал, что понимает, насколько тяжелая ситуация. Буквально через неделю по первому каналу было заявление Министерства угольной промышленности России, совместно с профсоюзом, о том, что они назидательно требуют допуска туда специалистов, чтобы убрать загазованность шахт; о том, что Москва готова прислать людей. Во-вторых, о выделении гуманитарной помощи и обеспечении ее провоза. Это было воспринято как огромный успех, с большой радостью. Абхазское телевидение заявление записало и в Гудауте много раз показывало. Кроме того, Ростовуголь по их просьбе одну смену отработал полностью в помощь ткуарчалским шахтерам. Сумму, которая была выделена, я не помню. Они перевели ее на расчетный счет в Карачаево-Черкесию. Открыли счет на имя общественной организации под присмотром правительства Карачаево-Черкесии. Владислав Григорьевич послал меня туда в командировку. Я выехал с закрытым письмом, которое должен был передать председателю правительства. К нему я не попал. Меня встретил его первый зам, познакомил с сотрудниками аппарата правительства, которые занимались этим делом. Они откры-

ли расчетный счет, взяли складские помещения, необходимые для принятия гуманитарной помощи. Были открыты линии в городах Хабез и Теберда в Карачаево-Черкесии. Из этих городов сообщение пошло в Ткуарчал. Оттуда летали вертолеты. От Хабеза и Теберды лету буквально 15-30 минут до Ткуарчала. И легче было долететь, чем из Гудауты. А дальше пошли рейсы из других городов Юга России. Эти два города открыли дорожку. Правда, чуть позже немало наших бездельников набралось в этих городах. И, как обычно бывает, один работает, пятьдесят человек стоят и смотрят, будто желают помочь. Владислав Григорьевич этим очень возмущался, отправил меня туда с командировкой. Попросил посмотреть, можно ли их там немного разогнать, но это было фактически невозможно. Людей там находилось много, среди них немало молодых ребят. Кстати, один из заместителей председателя правительства мне как-то сказал в очень аккуратной форме, когда я зашел к нему в кабинет: «Знаете, братья абхазы, мы все здесь сделаем сами, нам хватает тех, кто это будет грузить, поднимать. Слишком много людей приехало сюда».

Сколько примерно людей приехало?

Думаю, до ста человек точно было, если не больше. Это бросалось в глаза, когда здоровые ребята находились там. К сожалению, сегодня многие из них как участники войны проходят, таких фактов тоже немало. Рассказывают, будто находились там потому, что боеприпасов не хватало. Садились на самолет, прилетали туда. Там уже и семью пристраивали. Промаячился немного, потом полетел назад. Аналогичная ситуация была в Гудауте. Мы тогда много информации не давали, чтобы она не просочилась, чтобы не подняли шум и не подставили командование военной базы. Но появилось огромное количество людей, которые решили кататься на вертолете туда-сюда. Проводывали там своих и возвращались, что создавало нам большие проблемы и являлось страшной головной болью. Мы, чтобы не давать лишней информации, вынуждены были прятаться от них. Когда видели машину Эрика, белые «Жигули»,

готовы были под нее кинуться. Даже обиды пошли какие-то. Потом и они начали создавать штабы, говорили, что собирают материальную помощь, а мы будто монополизировали эту ситуацию. Все это происходило, к сожалению. Начинали задавать сумасшедшие вопросы. Кто-то спрашивал, можно ли покрышки послать в Ткуарчал, когда нужно было взвешивать и выбирать, что послать: патроны, какого калибра, муку или сахар, медикаменты или еще что-то. Ведь отправляли не на грузовых вагонах. Присутствовало дилетантское отношение, но приходилось работать в таких условиях.

Весь гуманитарный транспорт, который попадал в Ткуарчал, шел с этой военной базы?

Да, всю гуманитарную помощь в Ткуарчале перевозили эти вертолеты. Когда же в декабре случилась Латская трагедия, сбили вертолет с детьми, где-то полтора месяца вертолеты не летали. Тогда были задействованы кукурузники. Ребята, которые работали в аэропорту, очень быстро построили самодельный аэродром. Там трудилось еще очень много гражданских. В Аацы подготовили территорию для взлета. А кукурузники были те, что работали на Юге России и использовались для опрыскивания сельскохозяйственных угодий. Наши вертолетчики летали на этих кукурузниках во главе с Эшба¹². Он и сейчас работает в аэропорту. Его заслуга огромна.

Как эти кукурузники к нам прибыли?

После Латской трагедии военная база вынуждена была отказать нам. Они стали проводить расследование того, кто и как сбил вертолет. Кстати, официального разрешения тогда не существовало. Вертолеты летали по обоюдной негласной договоренности. На определенном уровне это обсуждалось, но маршрут никто не прокладывал и бумагу никто не подписывал.

Кукурузники летали также по негласной договоренности. Их было четыре, если я не ошибаюсь. Летали с выключенны-

¹²Вячеславом Ахметовичем.

ми навигацией и осветительными приборами, что было очень тяжело. Они в основном садились в селе Тхина, где сделали небольшой аэропорт, и в Акуарчапан. Разжигали костры с двух сторон, чтобы осветить полосу для посадки. Садилась наощупь. Вертолетчики были наши местные, с самолетов пересели на эту технику. Летали Самсония Нодар, который погиб после окончания войны, Эшба, Нодар Герзмава. Было около десяти хорошо подготовленных людей, управлявших гражданскими и военными самолетами, так что летать на этих кукурузниках для них большой проблемы не составляло. На эту старую технику груза могли загружать от 750 до 900 кг. Между нами существовала такая дилемма. Кто-то загружал максимальное количество груза и рисковал. Помню, Эшба всегда говорил: «Загружайте мне как можно больше, как-нибудь долечу». А тех, кто был помоложе и менее опытным, мы боялись подвергать опасности и загружать по максимуму. Хотя и очень хотелось. 600 кг – это очень мало. Помимо еды отправлялись медикаменты. Там появилось и много грязи, так как борьба шла вокруг обезболивающих. В Гудауте уже сформировалась мафия для их перехвата. Обезболивающие нужно было отправить через такого человека, которого они не заподозрят: либо какую-нибудь женщину, либо доверенное лицо. Стояла огромная толпа, и никто не знал, кто должен лететь с этими препаратами. Я выбирал человека в последний момент, быстро клал их в карман и отправлял.

А что случилось? Это были наркоманы?

Шла война, бывало по-разному, и грязи всплыло немало. Министром здравоохранения тогда был Отар Осия. Он сидел в ожидании в своей больнице в Гудауте, а мы посылали туда Эрика Берзения. Он заходил, чтобы его никто не видел. Садился в машину, прикрыв лицо капюшоном, и таким образом передавал лекарство. Операции проходили в ужасных условиях, но хотя бы обезболивающее нужно было сделать. Но тот, кто искал обезболивающее, плевать хотел на эту ситуацию. Он всего лишь хотел утолить свой животный инстинкт.

27.10.2018г.

Я в тот раз не мог вспомнить имя и отчество вертолетчика, старшего тех ребят, которые летали. Подпругин Сергей Михайлович, заместитель командира эскадрильи вертолетчиков.

Сейчас речь идет о кукурузниках?

Нет, сейчас речь идет о вертолетах. Подпругин Сергей. Михайлович, который впоследствии, после окончания войны, перешел служить в Абхазскую армию. Умер в прошлом году. Мне довелось с ним общаться в начале войны. Великолепный человек, я о нем рассказывал. 14 декабря, когда сбили вертолет, он был ведомым летчиком. Ведомым называется тот, кто в полете подчиняется ведущему, командиру. Он в итоге вернулся, а второй вертолет был сбит. Расскажу об этом событии чуть позже.

Я не мог вспомнить фамилию заместителя председателя Верховного Совета Абхазии. Это Надарейшвили Тамаз, депутат из города Гагры. Присутствовал на переговорах 3 сентября в Москве со вторым депутатом. Это были депутаты от грузинской фракции. Естественно, мы к ним никакого отношения не имели. После 14 августа они оставались в Сухуме. Отсюда полетели в Москву, но для Грузии и для России на переговорах, это преподносилось как одна общая делегация от Абхазии с двумя фракциями. То есть от абхазской фракции – Ардзинба Владислав Григорьевич, Воронов Юрий Николаевич, а грузинскую фракцию возглавлял Надарейшвили Тамаз.

Это тот Надарейшвили, который позже возглавлял правительство Республики Абхазия в изгнании?

Совершенно верно, это тот самый Надарейшвили Тамаз, бывший партийный, комсомольский функционер. Мы его хорошо знали. Он, кстати, уступал очень сильно во всех отношениях Владиславу Григорьевичу и как политик, и как практик. От этого и злился, часто бывал инициатором уходов с сессий, когда они просто убегали, хлопнув дверью. Многие люди это помнят. Тогда сессию показывали по телевидению в прямом эфире. Кстати, многие его коллеги, грузинские депутаты, об этом потом открыто рассказывали, как приходилось его по-

долгу уговаривать вернуться, потому что они не могли без него. Он буквально по каждому вопросу на сессии, если в повестку что-нибудь вносили (я сейчас передаю все не по порядку, это то, что происходило до войны), тут же находил повод уйти, причем не один, а всей грузинской фракцией. После звонил в Тбилиси, согласовывал, как себя вести дальше, и потом возвращался. Такая вот игра шла. Мы были свидетелями всего этого.

Кем он работал? Немного расскажите о нем?

По какой специальности он работал, я не знаю. Родился в Гагре, там и жил, работал в горкоме комсомола вторым или третьим секретарем, потом инструктором горкома партии Гагры. Оттуда и был избран депутатом Верховного Совета Абхазии. Я его помню еще по партийной, комсомольской работе в Сухуме, на Пленумах, на совещаниях, потом уже в одном парламенте. Он был избран заместителем Владислава Григорьевича от грузинской фракции. Хотя большого влияния на своих коллег не имел, потому что в эту фракцию входили очень серьезные, солидные люди. Например, если помните, Месхия Напо – врач-нейрохирург. Но Тбилиси нужен был именно такой управляемый человек, как Надарейшвили Тамаз. Поэтому и стал заместителем, возглавлял эту фракцию. Его коллеги вне сессии нам говорили: «Что делать, приходится с ним так работать».

Я еще не мог вспомнить имя Вячеслава Ахметовича Эшба. Он возглавлял группу наших летчиков, которые летали на кукурузниках. В этом его огромная заслуга. Он был очень уважаемым человеком, большим специалистом в своем деле. Фактически являлся членом правительства Абхазии во время войны.

В прошлый раз я пытался назвать всех депутатов Верховного Совета. Боюсь, может, не смогу каждого вспомнить. Это будет неправильно, поэтому хочу перечислить по порядку всех депутатов военного созыва, назвать всех – и тех, кто остался, и тех, кто уехал: Ардзинба Владислав Григорьевич, Ачба Зураб, Авидзба Эмма, Акаба Нателла, Аламиа Геннадий, Анкваб Алек-

сандр, Ашхацава Владимир, Барганджия Даур, Бганба Валерий, Багапш Сергей, Воронов Юрий, Гварамия Алеко, Гурджуа Валерий, Дамения Олег, Джинджолия Сократ, Джинджолия Климентий, Зантария Владимир, Какуев Альфред, Карчава Ренат, Кварчия Валерий, Лакербая Леонид, Лакоба Игорь, Лакоба Станислав, Логинов Виктор, Озган Константин, Пилия Давид Чичович, Пилия Давид Григорьевич, Капба Энвер, Тарба Даур, Таркил Саид, Тополян Альберт, Шамба Сергей – всего 32 человека, которые остались членами Верховного Совета после 14 августа. До этого всего было 65 человек. Из этих 32-х – 28 абхазов, двое армян и двое русских: Воронов и Логинов. Кто где находился, как я говорил в тот раз, не так важно.

Я рассказывал об открытии в октябре линии гуманитарной помощи из Черкесска, Теберды и Хабеза. В октябре мы, люди, имевшие непосредственно общение, Давид и я, должны были встречать и размещать людей, которые возвращались. Это делала не только наша группа, потихоньку появились и государственные структуры по размещению. Первоначальный контакт имели непосредственно мы. Ткуарчал – город небольшой, и там находились люди из других районов, многие приезжали с большими проблемами. У кого-то нет паспорта, у кого-то свидетельства о рождении, денег, кто-то хочет выехать в Россию, а у кого-то вообще никого нет и его нужно разместить в Пицунде, т.е. объем работы становился все больше и больше. Приходила информация, а рацией пользоваться было нельзя. Она принадлежала Министерству обороны. Мы могли, конечно, зайти туда и получить нужную информацию, но очень много проблем было связано с гражданскими. Мы стали получать информацию о том, что нужно провести какие-то переговоры с гамсахурдистами. Это касалось Галского района. Было важно немного потянуть время, чтобы из Гала с тыла не направили людей в Ткуарчал. Там есть дорога со стороны Очамчыры, центральная, к которой мы привыкли, но есть еще и проселочная. Таким образом, в Верховном Совете приняли решение отправить туда Давида Чичовича для организации переговорного процесса. Эту встречу возглавлял он.

Были еще Мераб Кишмария, ткуарчалские офицеры, всех сейчас вспомнить не могу. Это происходило в селе Бедиа, что в Галском районе. Встреча проходила в нашем отцовском доме, у моего старшего брата Амирана Джинджолия. Он был руководителем этого села еще до войны. На переговоры пришли представители Гамсахурдия¹³. Этих людей я не помню, потому что непосредственно там не присутствовал. Сам Гамсахурдия находился на Северном Кавказе, в Грозном. Это было после его изгнания, когда к власти пришли Китовани, Сигуа, чуть попозже и Шеварднадзе к ним присоединился. А Гамсахурдия оставался в Грозном у Дудаева, и оттуда через какие-то силы он реально имел влияние на своих сторонников – мингрелов из Зугдидского, Галского районов. Он мог через них немного повлиять на ситуацию, хотя большими возможностями и большим влиянием на них не располагал. Это были переговоры за спиной армии, с которой мы воевали, но, тем не менее, сыгравшие какую-то роль.

Было ли влияние у Гамсахурдия в Галском районе?

Да, конечно, у него было влияние, там находились его сторонники.

В Гудауту стали поступать какие-то сигналы от сторонников Гамсахурдия. Начали выходить через людей, которые находились там, и просили встречи с Владиславом Григорьевичем. Он, может, и сам хотел встретиться на каком-то этапе лично. В октябре месяце где-то в течение нескольких недель с интервалом в пару дней Вова Гурджуа, Валерий Кварчия и я вели переговоры с представителями Гамсахурдия и его сторонниками. Там присутствовал человек, который назвался начальником штаба армии Гамсахурдия. Он был так и записан в протоколах, которые мы пытались вести. С ним находилось еще несколько человек, всего, если я не ошибаюсь, пять человек. Это явилось продолжением переговоров, направленных на обеспечение нашей безопасности со стороны мингрельского населения. С нашей стороны жестом доброй воли стал коридор, открытый для грузин, которые уходили по деревням

¹³Лоти Кобалия, Юрий Бадзагуа.

через Бедийскую дорогу, через Чхортол, Окум, Гал. Они должны были ответить безопасностью с этой стороны, т.е. мы там могли держать меньше силы и обороняться в другом направлении со стороны сел Баслаху, Отап, Река. Бедийское направление на какое-то время оставалось спокойным, и появилась возможность собрать боеприпасы и силы.

Почему вы вели переговоры об этом коридоре со сторонниками Гамсахурдия? Грузинская власть, которая вела войну, не имела на них влияния?

Для власти это был расходный материал. Они не имели для нее никакого значения. Жители Ткуарчала, которые там находились и не взяли оружия, не воевали против абхазов, для них являлись сепаратистами. За них не были готовы вести переговоры. Если говорить в грубой форме, не были готовы за них что-то платить и брать какие-то обязательства. За этих людей заступились Гамсахурдия и его сторонники. Естественно, приходилось вести переговоры с ними.

А какое это было население? Это были грузины и мингрелы? Или был кто-то еще, может, армяне или русские?

Армян и русских там не было. Даже для некоторых грузин и мингрелов было не совсем безопасно туда идти. Их могли обвинить в том, что они находились в Ткуарчале, а теперь, когда стало плохо, пришли туда, поэтому они иногда могли просто раствориться среди своих родственников. Их содержать было тяжело, еда заканчивалась, медикаменты отсутствовали. Для их же безопасности лучшим вариантом явилась бы их отправка туда. Одним словом, существовала обоюдная выгода.

Вам удалось договориться? О чем именно вы договорились?

Во время переговоров в Сочи договаривались о том, что не будем воевать со своим населением, с людьми, которые живут в Гале, а они не поднимут оружие и не пойдут на нас. Они клятвенно обещали. Лично знаем людей, которых вооружили и поставили в строй, но таких было небольшое количество.

Если верить их словам, то это порядка 100 человек, может, даже меньше. Сколько всего на самом деле, никто не знает, никто паспорта не проверял, на лбу написано не было. Но, тем не менее, Галский район достаточно большой, там проживало порядка 60-70 тысяч человек. Если бы вооружили все мужское население и они пошли на нас, нам и на это пришлось бы тратить огромные силы. Таким образом, мы договорились о том, что открываем коридор, а они не поднимают оружие и не воюют с нами. Мы в свою очередь не воюем с ними, галцы остаются жителями нашего государства. Вперед заглядывать на тот момент не было возможности. Они пытались затянуть переговоры, но мы стояли на том, что вести их дальше не время и не место. На этом и обрубили эти переговоры. Они хотели пропиарить себя, чтобы сделать заявление на уровне Верховного Совета, называя Гамсахурдия «президентом в изгнании». Но нам невыгодно было продолжать эти переговоры. Наш договор работал почти до конца войны. Коридор открыли, а с их стороны каких-то резких выпадов и наступлений не возникло. Коридор мирно существовал, люди спокойно уходили со своими вещами, никто никого не убивал. И это явилось немалым достижением.

Опишите мне, пожалуйста, как этот коридор работал. Откуда он шел, куда и по каким дорогам или по тропам?

Идти по тропам необходимости не было. И из Ткуарчала шел спуск по селу Ацхыда, а дальше по обычной проселочной дороге, которая связывает город Ткуарчал с деревнями Бедиа, Агубедиа, Чхортол, Окум и дальше. По этой дороге они спускались в село Бедиа, туда, где проходила линия фронта и располагались наши ополченцы – защитники своей территории. Через них они спокойно проходили.

Как наши себя вели? В чем заключалась их миссия? Они просто пропускали людей или проверяли их документы?

Там стояли ткуарчалские ребята. Они знали их почти всех в лицо. Идет гражданский мирный человек со своей семьей, со

своими вещами, проверять их необходимости не было. Дальше они шли в Гал, а оттуда, наверно, кто-то в Грузию уезжал, кто-то там оставался.

Гал на тот момент был под контролем войск госсовета?

Конечно же, Гал был под контролем госсовета. С утра 14 августа мы связи с этим районом уже не имели. Администрация отключила связь. На тот момент главой администрации являлся Цатава¹⁴, который перед войной клялся и божился, что верно будет служить нашей стране. Но с 14 августа связь была прервана. Я явился свидетелем, когда Владислав Григорьевич и его помощники пытались дозвониться и выяснить, какая там ситуация, а он трубку не брал

Может быть, его блокировали или убили?

Никто его не убивал, он тихо, спокойно жил, работал и помогал войскам. Другое дело, что полностью население они не смогли поставить. Они не встали.

Почему? Можете объяснить?

Как я говорил, сторонники Гамсахурдия тоже влияли на этот район. Поэтому у жителей была боязнь, что потом придет возмездие. В-третьих, армия, которая пришла, начала грабить население Гала не меньше, чем абхазов. Они прямо оттуда начали грабежи. По менталитету и по обычаям это два разных народа. Мингрелы из Гала были полностью адаптированы под нас, с нами имели больше общего, чем с ними. Приехавшие оттуда грузины понятия не имели, где враги. Они думали, что перешли границу¹⁵ и там кругом одни враги.

Для войска, которое перешло границу, что из себя представляло население Гала?

Для них население Гала являлось тылом, где они будут спать, кушать, отнимать. Если дают добровольно, то хорошо,

¹⁴ Рудик.

¹⁵ По р. Ингур.

если не дадут, отбирать. Для них это была своего рода перевалочная база. Единственное, что никто из местных не стрелял, сопротивления не оказывал. У них с населением сложились негласные неприязненные отношения, ну а власть помогала, районная прокуратура, милиция, чиновники. У всех в голове был только карьерный рост, их власть находилась в Тбилиси, а Абхазия являлась местом жительства. Это долгий разговор, который, по-моему, продолжается и по сей день. Поэтому мы никак не можем определиться, как нам жить дальше. Они же не сказали им: «Ни в коем случае не идите сюда, это наша земля, наша территория или земля наших соседей!» К сожалению, такого не произошло. Но я бы не сказал, что в то же время они их встречали с цветами. Просто тихо, спокойно сидели дома, надеясь, что те пройдут и на этом все, а плохое их не коснется... Они всегда считали, что очамчырцев, ткуарчалцев, гудаутцев нужно побить, приструнить, и потом спокойно можно будет ездить по стране. Так им казалось. Когда в чей-то двор кто-то заходит, ты думаешь, что тебя это не затронет, просто пройдет мимо. Но если он кого-то побил, что-то отнял, то будет идти обратно – и у тебя отнимет.

В ноябре месяце, к сожалению, с каждым днем в Ткуарчале народу становилось все больше и больше. Люди начали приходить из деревень. Желающих уехать оттуда, особенно женщин, стариков и детей, становилось все больше, а возможности сделать это все меньше. Ситуация становилась напряженной. Нужно открыто признаться в том, что местным властям справляться с этим становилось все сложнее. Мы не любим об этом говорить, но администрация города управляла ситуацией, пока там находились только свои. Представьте себе, город небольшой, туда приехало огромное количество людей, в два раза больше того, что там жило. У главы администрации мало опыта управления в военное время. Тут еще находятся военные командиры, нужно их обеспечить питанием, принять раненых, а больница не справляется уже, медикаментов мало, обезболивающих нет, еды нет, света нет. И людей становится в городе все больше и больше. Мы это видели и слышали.

Люди жаловались, не зная, что делать. Главой города являлся Ласурия Рауль Степанович, очень хороший, авторитетный, хозяйственный руководитель, бывший директор завода «Заря», чуть старше меня. Мне было 38 лет перед началом войны, значит, ему где-то за 40, возможно, 45 лет. Человек оказался в тяжелейшей ситуации, когда нужно было угодить то одному, то другому. Фактически он превратился и в президента, и в премьер-министра, и в начальника милиции. Все ребята, которые работали в силовых структурах, пошли воевать. Человек не может, сидя в кабинете, призывать к порядку. Начали создавать военную комендатуру, как в Гудауте, но попозже, так как там ситуация была тяжелее. Мы находились в Гудауте, а в Ткуарчал с разовым поручением приезжали и уезжали. Скажу честно, что количество членов правительства, желающих поехать туда, являлось очень небольшим. Вернее, их почти не было. Зато сейчас, к сожалению, после окончания войны, много торжественных мероприятий, на них немало громких слов произносится с высоких трибун, и по телевидению любим говорить очень много.

Члены правительства находились в Гудауте. А больше половины территории оказалось на другой стороне. Но кто-то же должен был там быть, видеть, знать всю ситуацию. Эти функции выполняли вначале мы – те, кто туда летал, перевозил людей. Представьте себе, я туда прилетел, вокруг меня около 3-х тысяч человек на стадионе, и каждый хочет подойти и дать какое-то поручение. Я не имел возможности сидеть в кабинете и принимать этих людей. У каждого что-то срочное: у кого-то сын погиб, кто-то раненый в Гудауте находится и нужно что-то передать, кто-то хочет вылететь, просит помощи. У меня даже не было времени подойти к своим близким, к своим детям, я не знал, они стоят там среди всех или нет.

Сколько было вашим детям?

Старшей дочке Каме было 8 лет, младшей Асमत – 7. Жена с ними находилась там. Бывало, распространялись слухи, будто депутаты тайком ночью увезли свои семьи. Люди приходили,

стучались и спрашивали: «Вы здесь? Значит, неверная информация». Или стоишь среди огромного количества людей и тебя спрашивают: «Ты сегодня свою семью увозишь или нет?» И в этой ситуации держать мысли о том, чтобы увезти их, было немислимо. Или что-то им принести, даже буханку хлеба, не говоря о каких-то сладостях. Это не представлялось возможным в той ситуации. Город маленький, мы все друг друга знаем, я избран от имени всех шахтеров, депутат парламента. В аналогичном положении находился Давид. Также Сократ Рачевич прилетал туда, и повторялось то же самое. У него сын воевал на передовой. У Давида дочка Эсма 13 лет, осталась в городе.

Сколько примерно было человек в Ткуарчале, когда собрались люди?

Я уже говорил об этом. Примерно 40 тысяч человек, из них 22 тысячи местного населения, почти столько же пришло. Но эта цифра колеблется. Мы думаем, что было 40 тысяч, некоторые называют 50 тысяч. Кто-то уезжал, кто-то приходил из деревень. Или после бомбежки население собирало свои вещи и шло в сторону города. За ночь добавлялось несколько сотен человек, а на второй день они уезжали назад, так как не могли бросить дома и скот. Была такая неразбериха.

Дайте границы Восточного фронта.

Восточный фронт проходил вдоль трассы начиная от Бедии, дальше Пакуаш, Река, Баслаху, Кутол, Тамыш, вдоль трассы до Кодорского моста. Это фактически 80 км, если не больше, линии фронта. Прорыва могли ожидать с любой стороны, трассу держали они. Наши партизаны выходили, иногда брали Ануарху, потом отходили. Держать трассу полностью, отнять ее у грузин возможности не было. Бывали случаи, когда взрывали мосты, а те восстанавливали или делали обходную дорогу через речку. В основном они держали всю трассу.

В ноябре месяце у группы депутатов, не только ткуарчалских, но и очамчырских, появилось предложение. Мы на совещании озвучили нашу идею Владиславу Григорьевичу. Сказать

о ней было поручено мне. Я сказал от имени депутатов, что у нас есть желание отозвать Багапша Сергея Васильевича, который находился в Москве как представитель Верховного Совета. После 3 сентября (я об этом много говорил), когда Владислав Григорьевич обошел все кабинеты, был в правительстве у премьер-министра, у замов, самыми большими проблемами являлись топливо и медикаменты. А также возможность принимать в московских больницах раненых. Ведь мы отправляли отсюда очень много людей.

Я связывался по телефону, разговаривал с Сергеем Васильевичем. Он находился в абхазском представительстве, где, кстати, был и наш штаб. Кстати, до него там работал Игорь Ахба. Багапш С.В. возглавлял представительство Верховного Совета как очень опытный человек.

И всю войну он находился в Москве?

Да, он находился в Москве. И у нас возникло предложение отозвать Багапша С. В. на время, для того чтобы он с кем-то из членов Верховного Совета полетел в Ткуарчал. Вначале к этому отнеслись скептически, не соглашались. Кто-то считал, что этого делать не стоит, что это рискованно, может сложиться непонятная, непредсказуемая ситуация. Но мы тоже рисковали, летая туда. Тем не менее мне поручили позвонить ему. Я связался с ним по телефону, объяснил всю ситуацию.

Что вы ему сказали?

Я сказал: «Группа депутатов от Очамчырского и Ткуарчалского округов пришла с предложением к Владиславу Григорьевичу с тем, чтобы отозвать тебя. Он согласен. Если и ты не против, мы тебя встретим и организуем поездку». Он согласился, прилетел в Адлер. Это происходило в первых числах ноября. Мы встретили его на машине Эрика Берзения, единственной, которая у нас имелась. Служебных машин не было. Мы его встретили, привезли в Гудауту. Он изъявил желание прилететь туда, напарником взял Озгана Константина Константиновича. Это тоже имело значение, так как Озган всю жизнь работал в

Гудауте, возглавлял Гудаутский райком, администрацию, являлся членом Верховного Совета. Они вдвоем подготовили два вертолета, положили, все, что возможно было, оружие, боеприпасы, гуманитарную помощь, как обычно загружали мы. Эти исторические кадры есть, их часто показывают по телевизору, как они вдвоем туда прилетают. Это была чисто моральная поддержка, чтобы люди увидели их.

Зачем нужно было Сергея Васильевича вызывать из Москвы, чтобы он поехал в Ткуарчал?

Он, во-первых, бывший секретарь Очамчирского райкома партии, проработавший в этом районе очень долго, родом сам из Очамчыры¹⁶. И люди требовали показать бывших руководителей. К сожалению, других желающих, не членов парламента, а членов правительства, бывших работников, возглавлявших районы, не нашлось.

Они все покинули Абхазию?

Кто-то покинул, у кого-то не возникло желания туда лететь, так как это было тяжело. Люди боялись. Эти два человека потом рассказывали, что много обид им высказали, много критики, никто никого не встречал с цветами. Было тяжелое время, когда сложилась крайне непростая ситуация. У людей появилось много вопросов по поводу обещанного оружия, спрашивали о том, почему из руководства никого не видят, как быть дальше. В мирное время и то не просто стоять перед народом и отвечать на вопросы, не говоря про военное. Мы, люди, которые туда летали, через это проходили. Через тяжелейший экзамен, когда ответов было мало, а вопросов много. Иногда там оказывалось сложнее, чем если попасть к врагам. Притом настолько, что сегодня мы не можем себе этого представить. А тогда еще и временных каких-то рамок, то есть когда все это закончится, мы не имели. Можете представить ситуацию, когда стоит мать, которая потеряла сына, его похоронили где-то временно, и она задает вопрос о том, когда сможет перезахоронить сына,

¹⁶Джгерды.

предать земле на родовом кладбище... Вот в такой ситуации они полетели туда, находились там сутки. У них получилось успокоить людей, насколько это было тогда возможно. Это подтвердило правильность нашего решения. И Багапш С.В., и Озган К.К. имели авторитет, в советское время руководили двумя большими районами – Гудаутским и Очамчырским. Эти районы тогда считались главными, на них Абхазия держалась, поэтому их присутствие сыграло свою роль. Сегодня люди видят исторические кадры, когда эти два человека туда прилетели, собралось огромное количество людей, и они отвечают на вопросы. Понятно, насколько это было необходимо тогда.

После этого Багапш Сергей Васильевич вернулся в Москву?

Да, конечно, он поехал дальше выполнять свои функции. Там обязательно нужен был человек. И ему дали огромное количество поручений: у кого-то сын без ног, у кого-то кто-то в Краснодаре, Башкирии, на Северном Кавказе. Эти районы принимали наших раненых ребят.

А где был Озган Константин Константинович?

Он оставался в Гудауте все время. Верховный Совет должен был находиться там обязательно, являясь единственным органом, который работал и придавал легитимность всем нашим действиям. Мы не имели института президентства, Владислав Григорьевич являлся председателем Верховного Совета. А депутаты, которые имели какие-то поручения, уезжали и возвращались. Кто находился на Северном Кавказе, кто в Москве. С. Багапш, Ю. Воронов, З. Ачба на постоянной основе должны были находиться в Москве, выступать там. Некоторые, такие как С. Лакоба, Н. Акаба, С. Джинджолия, ездили на переговоры и возвращались в Гудауту. Каждый делал то, что мог, что умел и что было ему поручено.

В декабре месяце ситуация с едой стала еще хуже. Выпал большой снег. Теперь нужно было организовать так, чтобы вертолеты увозили людей почаще. Их явно не хватало, а желающих улететь становилось все больше и больше. Возникла

ситуация, когда родственники мне начали ставить условие, чтобы я вывез свою семью. Им стало уже сложно ее содержать, особенно моему старшему брату Амирану приходилось тяжело. Он не мог своих маленьких детей привезти в Ткуарчал, чтобы там в деревне не пошел разлад из-за того, что он спрятал детей в городе. А привезти мою семью в Гудауту тоже считалось предательством. Кто-то в этой ситуации и в Гудауте не остался, отправив семью в Москву, а мы не могли переправить детей из деревни в Ткуарчал, чтобы не повлиять на настроение людей и не вызвать страх.

14 декабря, в этот страшный день для всех, мы готовили как обычно два вертолета. Ночью перед отправкой не спали, должны были заехать на легковой машине на территорию аэропорта для уточнения некоторых моментов... Мы обговаривали, какое количество груза загружать и т.д., всю ночь этим занимались и рано утром начинали грузить прямо перед отправкой. Омар Кварчия и еще один парень, сейчас не помню имени, полетели от нашей группы. Мы им дали перечень заданий. Помимо того, что отправляли грузы, мы посылали старшего, который передавал все, что не могли передать по радиации: письмо, какое-то поручение для Министерства обороны, для администрации города, по линии Министерства здравоохранения, обезболивающие препараты. Вся эта процедура была у нас расписана, каждый знал, что делать. И в тот день мы все объяснили и передали Омару Кварчия. Бортовая машина обычно выезжала оттуда, а мы оставались на легковой, Эрик и я. Спали в машине.

В это время в здании диспетчерской был открыт переход. Видим, диспетчеры начали бегать туда-сюда, а время подошло к тому, что вертолетам нужно уже возвращаться. Мы смотрели на часы, зная, в какое время они вернутся. Эрик побежал туда, остановился на лестнице, встал как вкопанный и упал на одно колено, не смог подняться до конца. Мы уже были в ожидании того, что может что-то произойти в любой момент. Потом начали догадываться, что случилось страшное, неужели сбили. Эрик стал махать руками. Помню, я вышел, но не понял, как

поднялся. Диспетчер мне сказал, что вертолет сбили. Это была невыносимая ситуация. Во-первых, ты обязательно понимаешь, что там будет кто-то из твоих близких, более того, мне в тот день утром обещали, что в один из вертолетов посадят мою семью, хотя я этого категорически не хотел. Члены моей семьи, оказывается, собрали вещи, сидели и ждали целый день. Давид и Валерий Джинджолия не смогли посадить их в вертолет, они куда-то уехали. Но кто знал, сели они туда или нет? Там было огромное количество моих родственников, друзей, знакомых и соседей. Да и какая разница, кто чей. Военные офицеры сказали, что нужно об этом срочно доложить командованию. А второй вертолет должен был сесть. Мы на одной машине послали туда ребят на доклад. Вертолет садится, начинают люди выходить оттуда, не зная, что второй вертолет сбит, хотя слух уже прошел, но не все понимали. Подпругин вышел, взгляд у него был отрешенный, не знает, что сказать. На его глазах сгорели люди.

Списки тех, кто был в этом вертолете, есть?

Да, конечно, списки есть. В тот день погибли 87 человек. Они фактически были сожжены заживо. Из них 36 детей и 8 беременных женщин. Я не готовился и не хочу этот список оглашать. Об этом очень много написано и сказано. Это страшная трагедия. Я лучше расскажу о том, что потом происходило.

Мы знали, что вертолет сбили над территорией села Лата, которое контролировалось грузинскими войсками. Они прекрасно знали маршрут этих вертолетов, знали, что оттуда везут женщин и детей. В декабре в основном вывозили их. Пока было тепло, не летали, но в декабре, когда выпал снег, стало понятно, что необходимо перевозить женщин и детей. Им невозможно было там оставаться. Начались голод и холод, детское питание отсутствовало. Эрик Берзения в тот день принял решение сделать перепись и записать всех, чтобы потом сверить. Он понимал, что начнут оттуда звонить. Никто не знал, кто в каком вертолете сидел. Ребята быстро провели перепись всех, с этой информацией побежали к рации, начали переда-

вать эти списки туда, а список оттуда передали сюда. Но это был ужас. Огромное количество людей собралось около рации. Это происходило недалеко от Министерства обороны, подойти близко было невозможно, а каждый хотел узнать, находились в этом вертолете близкие или нет. Я не мог узнать, находилась моя семья в вертолете или нет. Я не знал об этом до 11 часов вечера, а трагедия произошла в час дня. К 11 часам по рации вышел Давид и сообщил, что у того, чей позывной «шахтер», семья в Ткуарчале. Я в тот момент нагнулся, сел на снег. Где было время радоваться, когда вокруг тебя катастрофа! Люди плачут, убиваются, кто-то падает в обморок. Там был ужас.

Я поднялся. Старший офицер, дежуривший в тот день, сообщил мне, что у них уже была информация о том, что начали грузить тела, что надо приготовить побольше простыней. Мы вначале не поняли, а они знали, что мы не сможем их разложить. Ребята пошли, стучались в дома, собирали простыни. Потом привели работников морга, медсестер, людей, которые могли подойти туда. Это была жуткая, страшная ситуация. Я, к сожалению, должен сказать, что мировое сообщество фактически не отреагировало на это событие. Из моих уст, может, это будет как соль на рану, но наши структуры, особенно прокуратура, должны были более подробно расспросить людей, собрать материала больше. Но этого тоже не сделали. Вызывать специалистов возможности не было, шла война, а то, что ты не соберешь по горячим следам, потом собрать не получится. Владислав Григорьевич не отпускал ни одну делегацию, не поднимая вопрос о нарушении всех возможных прав человека. А они всячески уклонялись от ответа. Журналисты, послы вели себя так же и после окончания войны, и в последующие годы. Просто проигнорировали этот факт. Я находился в Гудауте, отправлял эти вертолеты и явился свидетелем того, что один из них вернулся с людьми, а буквально через несколько часов привезли обугленные тела. Это была страшная картина, я врагу этого не желаю. Мы набрались сил, смелости и прошлись... Видишь, женщина беременная лежит, определяешь какой-то силуэт, детские игрушки, маленькие туфельки, какие-то вещи... Одним словом, ужас.

Люди предъявляли претензии руководству Абхазии?

Кому было предъявлять претензии? Похороны часто показывали по телевизору, плакали все люди, пытались поддержать друг друга, каждый перенес это как мог. Если на тот момент еще были сомневающиеся, которые думали, что все обойдется, то теперь наступил окончательный момент. Люди понимали, насколько это серьезно, понимали, что идет игра на выживание: или останемся в живых, или не будет ни одного человека. Это было истребление. Они знали, что летит вертолет с красным крестом, знали, что там женщины и дети.

С декабря российские вертолеты перестали летать. Это стандартная ситуация, пока проводилось расследование. Потом, как я уже рассказывал, летали на кукурузниках. Грузоподъемность была 600 кг, летали без навигации, без освещения, садились наощупь. Разжигали костры, и кукурузники по ним садились, не на асфальт, а на землю, на выровненный снег. Они летали только ночью, днем могли сбить. Пока летали российские вертолеты, на это еще закрывали глаза, считая, что везут гуманитарную помощь. А когда видели кукурузники, понимали, что летят наши, везут оружие. Хотя и в них возили женщин и детей. Я летал на таком кукурузнике. Это жуткая картина.

Эти кукурузники летают до сих пор?

Да, они летают. Когда они летят в мирное время со включенной навигацией и освещением, то все нормально.

Напомните, откуда взялись эти кукурузники.

Они были с Юга России, из Краснодарского края. Служили для обработки сельскохозяйственных угодий. Их доставили по одному. Сначала обучались на первом вертолете. Потом, обучив наших, российские вертолетчики уехали. Всего их привезли четыре: два в одном месте стояли, два в другом. В Ткуарчал они летали по возможности, это зависело от погоды, от ситуации на линии фронта. Летать могли только во время затишья.

Сколько человек они могли брать на борт?

Грузоподъемность 600 кг, могли брать до 10 человек, в зависимости от телосложения. Также была необходимость передавать туда что-то.

03.11.2018г.

После страшной трагедии 14 декабря, когда сбили вертолет, полеты из Гудауты прекратились где-то на полтора месяца. Но нас выручало то, что с Северного Кавказа, с Теберды можно было летать. Очередным рейсом, впервые за время войны, прилетел через Теберду Рауль Степанович Ласурия. Его принял Владислав Григорьевич. Находился у него очень долго. Естественно, рассказал обо всех проблемах, связанных с обеспечением линии фронта боеприпасами и всем остальным. После этого было принято решение командировать туда одного из заместителей правительства – Лабахуа Зураба Акакиевича, назначенного еще до войны, очень опытного хозяйственного работника. Он занимал самый высокий пост в правительстве Грузии, работал в свое время заместителем председателя правительства Грузинской ССР, курировал промышленность, являлся очень хорошо подготовленным хозяйственным руководителем. Одним словом, приняли такое решение. Это было желание из Ткуарчала, и глава администрации Рауль Степанович тоже настаивал на этом выборе. Они полетели туда через Теберду. Зураб Акакиевич находился там две недели, может, меньше, дней десять, может, я в числах чуть ошибаюсь, не буду конкретизировать, чтобы не ошибиться. В течение десяти дней, как рассказывали, он обошел линию фронта от Бедийского направления до р. Кодор насколько это было возможно. Посмотрел, как обеспечены люди, в каком состоянии тыл, как кормят людей: гражданское население, военных, раненых в больницы. Собрал всю необходимую информацию. Кстати, он являлся сам по себе очень скрупулезным человеком. Эта была поездка не ради поездки. Он собрал много материала о том, что необходимо сделать, что первостепенно, в каких частях, в каком направлении нужно помогать. Кстати, все очень высо-

ко оценили его труд. Это тот случай, когда и военные, и местные власти в лице администрации города, а районной власти не было, только представители, объединились благодаря ему, вплоть до того, что приходили к нему и докладывали лично. Он проводил совещания и с выездом на места, и с приглашением на место. Вот тогда у них наладилась дисциплина и появилось единство.

Через дней десять он вылетел из Теберды прямо в Москву. Владислав Григорьевич находился там в командировке. Видимо, существовали вопросы, с которыми можно было разобраться только в Москве и которые не получалось решить в Гудауте. Мы тут занимались отправкой, но дополнительно требовалось решение многих вопросов. Видимо, он еще рассчитывал использовать нахождение Владислава Григорьевича там и получить от него поддержку и одобрение, использовать свои старые связи. И это нормально. Глава администрации ждал его в Теберде, чтобы вместе вернуться в Ткуарчал.

Кто на то время был начальником фронта в Ткуарчале?

Командующим был Мераб Кишмария. Давид Чичович Пилия возглавлял Ткуарчалский гарнизон. Во время поездки Лабахуа в Москву и возвращения его в Ткуарчал Давид находился там.

Рауль Степанович ждал Лабахуа в Теберде. Он хотел полететь вместе с ним назад, но не дождался и полетел чуть раньше. Утром Ласурия полетел в Ткуарчал, а после обеда прилетел Лабахуа из Москвы. Посадили Лабахуа в вертолет и отправили. Вертолет был вынужден приземлиться¹⁷ в деревне Сакен. Вместе с Лабахуа¹⁸ в этом вертолете находились журналисты абхазского телевидения Амиран Гамгия, Слава Сакания, Ахра Акаба, а также фотокорреспондент из Украины Владимир Персианов.

¹⁷ 18 января 1993 г.

¹⁸ З.А.

Как они их вынудили сесть?

Вертолет был обстрелян. Если бы не сели, разбились бы. Нашли поляну и посадили вертолет.

Фотокорреспондента Персианова грузины отпустили сразу, а Лабахуа и наши журналисты остались у них. По рассказам мы знаем, что их разделили. Лабахуа держали отдельно от журналистов. Они там находились в тяжелейших условиях, были и угрозы, и побои. Многие из них, особенно Амиран Гамгия, подорвали там здоровье. Мы знаем, что, к сожалению, он очень долго болел. На сегодняшний день его нет в живых. Потом с трудом, с большими проблемами подключили международные организации и их обменяли.

Кто помогал, как это происходило?

В Гудауте находились представители Международного Красного Креста, СБСЕ. Вышли на них и обменяли на грузинских пленных. Они находились там, если мне память не изменяет, почти три недели. Их обменивали один к одному. Это был очень долгий процесс. Он длился три недели, которые казались бесконечными, особенно для близких людей, для семей. А ситуация с Лабахуа была посложнее. Его держали в Сухуме недолго, потом отправили в Тбилиси, учитывая его статус и важность. Видимо, хотели на этом сыграть, выдвигая какие-то свои требования. Он находился в плену с января по апрель месяца. Но и там потом вмешались. Это решалось на уровне Шеварднадзе. Лично он потом принимал решение и выпустил его без всяких условий. Там не было никакого обмена. Лабахуа оттуда полетел в Москву лечиться, там потом и остался.

Кто ставил вопрос о том, чтобы его отпустили?

Опять это решалось через международные организации. Напрямую у нас контактов с ними не было. И у них отсутствовало желание общаться, да и невозможно это было.

Он что-нибудь рассказывал о том, как прошли эти месяцы?

У него даже книга есть, где он об этом рассказывает. У че-

ловека накопилось очень много обид, было свое суждение. Он по-своему видел окончание войны, считая, что надо идти на какие-то компромиссы, на какие-то уступки. То есть все это видел по-своему. Он находился долгое время в тяжелейших условиях, потерял много сил, подорвал здоровье. Это ведь не так легко, когда 3-4 месяца, в разгар войны, находишься в плену.

От этих событий хочу перейти к очень масштабной операции по отправке большого груза и вывозу людей. Это всем известная операция МЧС. Было принято постановление на уровне правительства России, председателем которого тогда являлся Черномырдин. Уже накопилось очень много проблем. После Нового года опять возобновилось какое-то движение, опять из Гудауты, но этого было очень мало. Больных, раненых, пожилых людей становилось все больше и больше. И международные организации видели эту ситуацию. Было принято постановление и поручено министру МЧС Шойгу Сергею Кужугетовичу организовать воздушным путем доставку большого груза и вывоз людей, насколько это возможно. Специально прилетели из России уже не МИ-8, а МИ-26. Это вертолеты с большей грузоподъемностью. Они поднимали грузы порядка десяти тонн. Этот процесс начался в первых числах июня. Являясь руководителем группы, которая занималась отправкой грузов из Гудауты, я получил поручение от Владислава Григорьевича подобрать еще пять человек. В итоге со мной был Берзения Эрик, а в Гудауте эту работу продолжили Беслан Кварчия и остальные ребята, которые там находились. В Адлер выехали я, Берзения Эрик, Тарба Даур – депутат Верховного Совета, Ануа Андрей, который работал в АГУ, Лакоба Джульетта и сотрудница аппарата Владислава Григорьевича Козаева Галина. Вот в таком составе мы выехали. Нас было не пять, а шесть человек. Я получил инструктаж, чем мы должны заниматься. Там нас должны были встретить сотрудники МЧС. В Адлере находились первый заместитель МЧС Юрий Леонидович Воробьев и генерал Сергей Михайлович Кудинов, непосредственно руководивший этой операцией. Тот самый Кудинов, который потом возглавлял колонну (об этом буду говорить

позже). В таком составе мы выехали в Адлер. Нас разместили в гостинице аэропорта. Она и сейчас функционирует. Там находились представители МЧС, абхазская делегация и грузинская. От грузинской делегации присутствовали не депутаты, а только члены правительства – автономного правительства. Я с ними не был знаком. Эти шесть человек жили отдельно, в другом отсеке. Общее руководство над нами осуществлял Кудинов. Задача стояла такая. Трехсторонняя комиссия принимает решение, какой груз везти, утверждается перечень. На второй день грузим в присутствии всех. Грузинская сторона должна была обязательно смотреть, что мы туда кладем, чтобы не оказалось там боеприпасов. На перечне ставим печати, абхазская, российская и грузинская стороны, и сопровождаем груз. Садимся в Сухумском аэропорту, где производят досмотр, и далее вертолеты летят в сторону Ткуарчала.

Весь этот караван был именно для Ткуарчала?

Да, все это предназначалось для Ткуарчала. Четыре вертолета находились в Адлере. Два из них летели, два грузились на месте. Я должен был как старший сопровождать их. Я вылетел, а другие ребята занимались остальным грузом. Но без разрешения и без досмотра грузинской стороны мы не могли грузить. Потом нужно было опечатать, составить протокол и всем членам комиссии расписаться.

Мы приступили к работе в первый день. Полетели, посадили нас в аэропорту в Сухуме. Я сразу понял, что грузинская делегация с нами не села в эти вертолеты. Были от МЧС сам Кудинов, его офицеры и я от абхазской стороны. Начали досмотр. Я почувствовал, что готовится какая-то провокация. Они не соглашались с тем, что у нас там собралось очень много писем. Я сейчас рассказываю быстро, но мы находились в Сочи четыре дня. Люди, которые выехали из Ткуарчала, из Очамчыры и оставались в Сочи, написали кому-то письма, хотели передать лекарства, у кого-то бандероль, у кого-то сверток, кто-то принес сумочку. Естественно, мы пытались показать это все грузинской стороне. Отказывать в этом мы тоже не могли. Но

от чего-то все же отказывались. Вещи первой необходимости, такие как теплые одеяла, вещи, лекарства очки, мы собрали и положили в мешки. Они стали придирааться к этому грузу в Сухумском аэропорту, поднялся шум. Вытащили меня из вертолета, сказали: «Ты депутат-экстремист, летишь от Ардзинба, ты разведчик». В общем через все это пришлось пройти. Они знали, что я сопровождаю эти грузы, что я ткуарчалский депутат. Имя, фамилия – все это было у них записано.

В вертолете представителей международной организации не было? Вы были один?

Представителей международной организации не было. Я один, офицеры МЧС и генерал Кудинов. Они не в состоянии были все это проверить, хотя и создавали видимость, будто проверяют все. Говорили, что в письмах какие-то секретные материалы, что посмотрят все. Мы с офицерами сказали, что это уже проверяли, что их делегация, которая находится в Адлере, прощупала каждый сверток. Но они создавали напряженную обстановку с автоматами в руках, стараясь навести страх на нас. Все это продолжалось в пределах двух-трех часов. Наконец мы получили добро на вылет в Ткуарчал. К нам подсел бывший ткуарчалский работник, второй секретарь горкома партии Гергедава Реваз. Он сам был сухумский, и его отправили в Ткуарчал для выяснения того, в каком состоянии живет грузинская часть населения, живы ли они там или нет. Мы на это согласились. Была небезызвестная Астемирова¹⁹, депутат грузинской фракции Верховного Совета. Я ее увидел, мы кивнули друг другу. Она была вынуждена общаться со мной, потому что ей тоже предстояло лететь в Ткуарчал. Присутствовал еще один гражданский, которого я не очень запомнил. Его лицо было мне не знакомо. Так мы и прилетели в Ткуарчал. Эти большие вертолеты не могли сесть на верхней площадке на стадионе. Поэтому их нужно было посадить в селе Акуарчапан. Кстати, там сейчас стоит памятник. Отсюда 14 декабря вылетел вертолет, который был сбит. Вообще это место административно

¹⁹Этери.

находится на территории Очамчырского района. Там буквально в 500 метрах родник, стоит памятник шахтеру, а дальше начинается город Ткуарчал. Если очень скрупулезно отнестись, то оно находится на территории Очамчырского района, к чему они по возвращении и начали придирааться. Прилетели, посадили вертолет. Нас ждало огромное количество людей. Когда они заметили Астемирову, а ее видели только по телевизору, каждый захотел подойти и что-то сказать, нагрубить. На Гергедава была такая же реакция, но я объяснил им, что летел через Сухум, и, если сейчас что-то им сказать, отдуваться придется в трехкратном размере в Сухумском аэропорту. Я знал, что обратно нас опять через этот аэропорт отправят.

Там реально была угроза расправы?

Нет, этого никто и не допустил бы. Нас нормально встретили. Там находились Давид Чичович Пилия, Мераб Кишмария со своей группой. Безопасность обеспечивалась. Посадили их в машину, провезли по городу, показали гуманитарную столовую, где людей кормят, показали лиц грузинской национальности. Они с ними пообщались, вроде убедили. Привели их в здание администрации города. Астемирова присутствовала, задавала вопросы. Было сделано все для того, чтобы они беспрепятственно собрали необходимую информацию и дальше не мешали процессу. Распределили людей в вертолеты. Посадили представителей грузинской комиссии. Генерал Кудинов сел в один вертолет, я в другой. В Ткуарчале оказался Сократ Рачевич Джинджолия. Он был командирован из Гудауты и несколько дней находился там. Обратно вылетел с нами. Поговорить с ним возможности не было. Я находился в Адлере, он в Ткуарчале.

Какого числа это было? Сколько людей вас встречало в селе Акуарчапан?

Это было 14 июня. Мы прилетели, разгрузились и должны были улететь в тот же день. Думаю, людей было до трех тысяч человек. Там собрались жители этого села, жители города, жи-

тели близлежащих деревень. Также люди, которые слышали, что прилетели большие вертолеты и можно вылететь с ними. Они понимали, что это все не решится одним днем и может продолжаться несколько дней. Но у всех было желание записаться в списки.

Сколько человек вы с собой забрали, когда улетали?

Я думаю, что с нами вылетело человек пятьсот, может, меньше, человек 300.

На обратном пути нас посадили в Сухуме. Опять начался такой же досмотр. Выходит оттуда Кудинов. Потребовали, чтобы люди вышли. Оказывается, в тот день какая-то группа из Душети или из какого-то другого района пришла на пополнение и сразу оказалась в окружении. Из этой группы было убито 7-8 человек, и покойников отправляли в Грузию. В аэропорту выставили гробы прямо на взлетной полосе, чтобы их продемонстрировать, показать журналистам. Там помимо грузинских и сухумских журналистов находились еще и международные. Хотели показать также российским генералам – «мы проявляем жест доброй воли, пропускаем гуманитарную помощь, оттуда везут беженцев, а их партизаны выходят на линию фронта и убивают наших людей». Этот спектакль они обязательно хотели показать. У них была информация о том, что летит Сократ Рачевич. Его вытащили сразу. В аэропорту устроили настоящий митинг. Начали выводить меня из вертолета. А ткуарчалские жители решили, что повели на расстрел, так как они были очень грубы и кричали: «Депутат где, ткуарчельский депутат, его на расстрел!» Учительница Людмила Корсая стала мешать солдату. Он начал стрелять в воздух. Я кое-как их успокоил, вышел из вертолета. Стоим, Кудинов, я и Сократ Рачевич, слушаем их. Они пытались произнести речь на русском языке, привели каких-то женщин, говорили, будто все это специально было подстроено по приказу из Гудауты сепаратистами, что убили их людей, вот трупы семи человек, вот их матери. Какие-то женщины плакали, но не могло быть, чтобы матери так быстро из Грузии приехали сюда. Скорее всего, это была инсценировка.

Была какая-то разбалансированность? Вы же провозите гуманитарную помощь, зачем такое окружение нужно было? Это было не контролируемо?

Нет, это все контролировалось, но, как говорится, «обед обедом, война войной». На линии фронта шла война. Договоренностей о том, чтобы прекратить военные действия на время проведения гуманитарной операции, не было. Более того, они могли это спровоцировать, могли атаковать, зная, что наши будут защищаться, и, естественно, погибли люди. Как происходило на самом деле, мы не знаем, но наверняка это есть в сводках у тех, кто организовал такую ситуацию. Там, в аэропорту, мы вынуждены были все это пропустить через себя. Наконец дали добро, летим дальше.

Как в итоге все это разрешилось? Кто-то вмешался или они сами успокоились?

Никто не вмешивался. Им нужно было все зафиксировать, заснять, речь записать, сфотографировать нас. Депутат – заместитель председателя Верховного Совета, ткуарчалский депутат, летел с гуманитарной помощью туда, мы ему разрешили вылететь, вывезти людей, а они такое сделали. Именно так хотели развернуть ситуацию. Им это нужно было иметь для себя. Они настаивали, чтобы мы обо всем доложили в Гудауту нашему главнокомандующему. Обращаясь к Кудинову, говорили, чтобы он передал министру Шойгу, что они прерывают эту операцию. Тогда мы были уверены, что они сейчас выговорятся и все закончится.

Мы вернулись, нас посадили в Гудауте. Те из беженцев, кто имел такое желание, остались. Сократ Рачевич тоже остался, пошел с докладом к Владиславу Григорьевичу. А мне нужно было лететь с генералом Кудиновым в Адлер и продолжить подготовку к полету на следующий день. Прилетели вечером. Нам дали немного отдышаться, прийти в себя. У нас совсем не было возможности передохнуть, с раннего утра мы занимались перелетом.

Вам страшно было, когда все это происходило?

Нет, не было мне страшно. Я понимал, что в присутствии всех в аэропорту меня расстреливать не будут. Понимал, что нужно делать, и делал. Там, кстати, в вертолете оказался мой однофамилец, инвалид с ДЦП, со скованными руками и ногами, с нарушенной речью, в тяжелейшем состоянии. Кстати, жив до сих пор. Он очень нуждался в помощи. Находясь на разных должностях, я помогал ему то путевкой, то еще чем-то. Он тоже, оказывается, заступился за меня. Подумав, что меня повели на расстрел, начал плакать, упал, ему стало плохо, и это все происходило в вертолете. Но выйти не разрешали, с автоматами стояли. Нас вывели, а они даже не знали куда. Люди сидели в набитых вертолетах 3-4 часа, не понимая, что происходит. Сели в Гудауте, все радостные. Многие русскоязычные люди полетели в Адлер. У кого с документами было не все в порядке, остались в Гудауте.

Там были люди разных национальностей? Как их отбирали?

Там были все национальности. Списки готовила администрация, но во время посадки работали гарнизон и военные. Преимущество давали больным, пожилым людям и женщинам с детьми. Взрослым мужчинам, способным воевать, дорога была закрыта.

Вечером нам объявляют, что грузины протестуют и останавливают операцию МЧС. Кудинов собрал нас всех в гостинице «Интурист», где мы находились, и объявил об этом. Сказал, что придет другая команда и тогда могут произойти изменения. Ближе к вечеру я получаю информацию от российского МЧС. Дежурный офицер все время нас ставил в известность. Если нужно, звали меня старшим и старшего с грузинской стороны, садились вместе и обговаривали все моменты.

Вы были руководителем нашей делегации?

Да, я был руководителем нашей делегации.

На второй день нам говорят, что к обеду из Москвы вылетел Пастухов Борис Николаевич, заместитель министра ино-

странных дел, осуществлявший руководство этой операцией по линии Министерства. А из Тбилиси Кавсадзе Сандро, госсекретарь, курировал эту ситуацию. Эта трехсторонняя встреча должна была проходить в административном здании аэропорта. Я вначале думал, что из Гудауты должен кто-то прилететь туда. Позже Кудинов мне объявил, что будет Сократ Рачевич Джинджолия. Он примет участие в переговорах. Если не появится, буду присутствовать я.²⁰

К часу дня мы подъехали туда на машине с пропусками, все как положено. Со мной была пара человек из нашей группы. Зашли, нас попросили подождать. Появился Борис Николаевич Пастухов. Кудинов меня ему представил как депутата, который руководит абхазской делегацией, пожал ему руку. Потом спросил: «Сократ Рачевич едет?» Пошутил, сколько вас там, Джинджолиевцев. Через какое-то время появился Кавсадзе, «его величество», и сразу поставил вопрос о том, что будет вести переговоры только на уровне Ардзинба или с одним из его заместителей. Заявил, что пусть приедет Сократ Рачевич, иначе он не будет говорить с каким-то депутатом. Пошли споры. В это время Кудинов меня подзывает, заводит в другой кабинет и говорит, что на линии Владислав Григорьевич, хочет поговорить со мной. Владислав Григорьевич на абхазском мне говорит: «Ты принимаешь участие. Сократа Рачевича не будет, хотя они думали, что он летит. Уже согласовано, что операция будет не воздушная, а наземная, о подробностях узнаешь позже, не возмущайся, не сопротивляйся и соглашайся». Я понял, что операция будет наземная, но не мог сориентироваться, где, что и как будет. Потом стал догадываться. Она так и называлась: «наземная гуманитарная операция Адлер – Сухум – Ткуарчал».

Начались переговоры. Встреча хоть и носила формальный

²⁰В протоколе рабочей встречи российской, грузинской и абхазской сторон по условиям проведения гуманитарной операции в Ткварчели, подписанном в г. Адлере 27 мая 1993 г., уполномоченную группу по координации от Абхазии возглавил зам. председателя Верховного Совета С.Р. Джинджолия, от России - генерал С.М. Кудинов, от Грузии - А.И. Гасвиани, а непосредственную рабочую группу - К.К. Джинджолия.

характер, тем не менее нужно было выпустить пар. Кавсадзе очень долго выступал. Говорил, что вертолеты посадили в Очамчырском районе и Акуарчапан находится в Очамчырском районе. Хотя через 100 метров начинается Ткуарчал. Но он настаивал на том, чтобы они сели на расстоянии 50 км от города. Я начал возражать, что между Очамчырой и Ткуарчалом всего 20 км и на расстоянии 50 км вертолеты могут сесть где-то в море между Очамчырой и Турцией. Они были категорически против воздушной операции, и, видимо, в противовес этому российская сторона предложила: не хотите воздушную операцию – проведем наземную. Они не могли предположить, что Россия готова на наземную операцию и что ее возможно провести. Наверняка этот вариант и был в заглавнике у России. Вначале Кавсадзе заявил: «Мы не можем обеспечить вам безопасность, не знаем, что будет на линии фронта, вчера там произошла стычка». Поэтому они и провели спектакль в Сухумском аэропорту. Но у российской стороны все было заготовлено. Она тут же предложила: «Наземную операцию осуществим. Подгоняем и грузим десятитонные КАМАЗы. Выезжают они из Ногинска, что в Подмосковье. Буквально через пару дней будут здесь с грузом. Если что-то нужно будет еще, тут доложим. Большие десантные корабли Черноморского флота подплывают к Сочинскому порту, груженные машины заходят своим ходом в них. Потом корабли подплывают к Сухумскому порту, высаживают машины, и колонна машин едет в сторону Ткуарчала». Дальше нужно было определить линию фронта. Это уже Владислав Григорьевич с командованием Восточного фронта должны были решить, как разминировать дорогу и потом пустить колонну через Баслаху или через Бедию. На этом трехсторонние переговоры закончились.

Кто с грузинской стороны участвовал в переговорах?

Участвовал Кавсадзе и просто рядовые люди. Они были из Сухума. А членов делегации, которая находилась в Адлере, я по фамилиям уже не помню.

Кудинов говорит мне: «Берешь свой транспорт и едешь в

Гудауту к Владиславу Григорьевичу. Мы с Воробьевым тоже едем туда и прокладываем этот путь».

А как грузины согласились на наземную операцию, легко?

Нет, это для них было нелегко. Кавсадзе выходил, созванивался. Я в споре участия не принимал, потому что получил задание от Владислава Григорьевича не возражать. Он мне сказал, что говорить будет Пастухов. Я на тот момент вообще не знал ничего про наземную операцию. Дорога закрыта, идет война, и как машины поедут из Адлера в Ткуарчал, мне на тот момент представить было сложно.

Вот мы вернулись в Гудауту. Владислав Григорьевич вначале очень раздраженно встретил генералов Воробьева и Кудинова. Он считал, что наземная операция несет какую-то опасность для нас. До нашего приезда Владислав Григорьевич обговаривал с Мерабом Кишмария, как все лучше провести, в каком месте лучше разминировать дорогу. Нужно было разминировать ее и удерживать, так как в это время грузины могли пойти в наступление. Во-вторых, дорога в Бедийском направлении. После храма подъем, там дорога 1.5-2 км в ужасном состоянии, серпантин между двумя горами, наподобие дороги на «тещином языке». Колонна отсюда должна была проехать Очамчирский район, доехать до Галского района, в село Санаардо. Эту часть мы не контролировали. Дальше в Агубедии линию фронта нужно было разминировать. Там небольшой мостик. Я эту дорогу хорошо знал, родился и вырос там. Дальше с левой стороны стоит Бедийский храм, справа речка, дорога огибается, дальше центр Бедии. Потом начинается ужасная дорога. Подъем в Ацхыду, после подъема как на ладони виден город Ткуарчал. Это маршрут являлся очень опасным. Грузишь людей в десятитонные машины, потом они должны спуститься с подъема, выехать по равнине, добраться до Сухума, завезти все в десантные корабли. Машины были закрыты белыми брезентовыми тентами, красочно оформленными, с надписью «МЧС России». Было 30 автобусов, 2 автобуса ПАЗа и одна скорая помощь, итого 33 машины. Осуществлялась уникальная

операция в условиях Абхазии, тем более во время войны, поэтому, естественно, Владислав Григорьевич принимал решение нелегко. Конечно, он был раздражен, спорил, говорил: «Вы не смогли их убедить». Дальше пошла рабочая обстановка, начали прокладывать путь. И я подсказывал, зная дорогу очень хорошо. Говорил, где проходит линия фронта, по рации не объяснишь, не подскажешь.

Решили все организационные вопросы. Теперь встал другой вопрос. Гуманитарной помощью туда посылали теплые одеяла, муку, сахар, спички, соль – их набор. Таким грузом заполняли машины наполовину. Чтобы догрузить, нужны были деньги для покупки необходимого в Сочи. Грузить все машины разом было невозможно, только по 3-4 машины. Во главе стояло ГАИ, присутствовала грузинская делегация, чтобы мы туда не загрузили, как они думали, атомную бомбу. Их необходимо было немного торопить. Стояла задача посчитать, какое количество груза можно еще положить. Эрик Берзения являлся незаменимым человеком. Он мог договориться, на какой склад заехать, ведь в магазине такое количество груза не купишь. Загрузили машины, опечатали все. Должно было стоять три печати. Потом возвращали машину и ставили на автостоянку в Адлере.

Машины приходили пустые?

Они приходили груженные грузом МЧС. Мы их догружали. В наших интересах было отправить туда больше груза.

Правительство нам выделило деньги. Мы с этими деньгами поехали туда, получили бумаги с печатью, чтобы потом отчитаться перед правительством. Провели огромную работу, занимаясь этим почти две недели. Догружали машины продуктами, имея перечень необходимого. Эрик, бухгалтер по профессии, хорошо считал. Офицеры нам говорили, в какой машине что и сколько лежит. По списку необходимого докладывали. Что-то брали в Адлере, что-то везли из Сочи. Это сейчас в Адлере можно все найти, а тогда он был совсем другим. Все оптовые базы находились в Сочи. Вставали утром и с ко-

лонной машин во главе с ГАИ, этим занимались, российская сторона, с 3–4 машинами, иногда меньше, со всеми членами комиссии, выезжали, максимально укомплектовывали машины. Кстати, водители активно помогали, они были очень в этом заинтересованы. Говорили: «Укладывайте сколько хотите, машины огромные, новые, мы проедем». Также офицеры очень доброжелательно к нам относились. Иногда складывалась такая ситуация, когда командование говорило, что хватит грузить, а у грузинской стороны отсутствовало желание вообще что-либо докладывать, лишь мы были заинтересованы положить как можно больше.

16 июня закончили этот процесс, укомплектовали машины. Они были опечатаны. Стоят в ряд 30 машин, автобусы, скорая помощь. Мы получили команду двигаться в сторону Сочи к морскому порту.

Сколько времени заняла вся эта подготовка?

Все это заняло больше двух недель. Мы начали в первых числах, выдвинулись 16 июня.

Вечером медленно и аккуратно машины доехали до порта. Уже темнело, нас снимали, журналисты брали интервью. Я получаю информацию от Кудинова о том, что должен вернуться в Гудауту, на доклад к Владиславу Григорьевичу, с рацией и с офицером. Они нужны были для того, чтобы он имел ночью информацию о том, как колонна движется. Старшими с абхазской стороны поехали Даур Воуба и Омар Кварчия. У них с документами все было в порядке – это на случай, если возникнут какие-то вопросы. Мы с Эриком на его машине поехали в Гудауту, взяв с собой российского офицера с рацией. Я зашел к Владиславу Григорьевичу, доложил обстановку, сколько груза лежит, как укомплектовали, сколько закупили. Это я потом в правительстве отчитывался, но в общем доложил и ему.

А машины были с вами?

Нет, машины в Сочи загрузили на два больших десантных корабля и отправили в Сухумский порт. В Сочи машины

своим ходом заехали на корабли, и они двинулись в сторону Сухума. Там корабли причалили, и машины опять своим ходом выехали, отправившись сначала по улице Лакоба, потом на очамчырскую трассу и дальше в сторону Ачгуары, на Ачгуарском повороте по левой стороне и дальше до Ткуарчала. Мы все это слышали. Радист сидел и переводил всю ночь, а я всю ночь просидел в кабинете Владислава Григорьевича. Он у меня спрашивал, где мост, где спуск, где подъем – и я ему отвечал. Интересная ситуация возникла в процессе такого общения. Он, конечно, переживал, ведь это была огромная ответственность. Туда машины шли груженные только грузом, но больше переживаний было, когда эти машины выехали сюда с людьми. Кстати, погода стояла нехорошая, дождливая. Если помните, есть исторические кадры, когда в Ткуарчале сажают людей в машины, все в плащах, укутанные. По телевизору часто показывают их. Когда машины поднимались, тоже были проблемы. Одна машина слетела в кювет, рация стала плохо работать. Я сказал, что пока они не поднимутся, рация не будет ловить. Там 1.5-2 км лощина, серпантин между двумя горами. Пока не преодолеешь подъем, рация не будет работать. У нас связь отсутствовала минут 30-40. Рация иногда ловила, но стоял какой-то шум, слышимости не было. Потом, когда они уже поднялись наверх, Кудинов сказал: «Город у меня как на ладони». Он произнес это очень громко, чтобы Владислав Григорьевич слышал.

Что было с машиной, которая съехала в кювет?

Ее подняли на дорогу. Ничего страшного не случилось. Проблемы, конечно, возникали. Ехали ночью, дорога незнакомая. Люди приехали из России, приходилось передвигаться по нашему серпантину, по узенькой дороге. Конечно, было не так легко. Потом мы слышали голоса людей. Мераб Кишмария со своей командой где-то там находился. Слышал голос своего старшего брата Амирана тоже присутствовал там, он же в этой деревне живет. Караван шел фактически через мою деревню.

Что за переговоры там шли?

Они встретили и начали считать, сколько всего машин, сколько машин скорой помощи, сколько автобусов. Линию фронта нужно было пересечь так, чтобы избежать провокаций со стороны грузин. Естественно, были взяты обязательства, как положено, но все равно не исключалась подстраховка. Машины начали подниматься к центру Агубедии, с левой стороны дорога идет в Бедийский храм наверх, а дальше в сторону Ткуарчала нужно через речку проехать до Первой Бедии. Было 3 км, потом еще 5 км до Ткуарчала вместе с этим подъемом. Когда колонна начала подниматься, Владислав Григорьевич сказал, что здесь он впервые в жизни получил ранение. Я удивился, какое ранение, у нас у всех в голове война. Он ответил: «Это не сейчас, это когда я учился еще в институте в Сухуме». Их курс, оказывается, тогда ездил в Бедийский храм на раскопки. Это происходило летом. Председатель Агубедийского колхоза Ткебучава Карбе пригласил всех к себе. Их было два брата. Один – председатель колхоза, а второй – директор школы. Два брата Ткебучава жили в одном дворе. Оказывается, пригласили весь их курс, с ними были также лектора исторического факультета. Они находились на раскопках, после чего им накрыли стол. Сидели под крытой железной беседкой. В это время прибыли из Очамчыры какие-то молодые работники райкома комсомола. Они приехали, чтобы познакомиться и принять участие в застолье. Естественно, хозяин их встретил, посадил за стол. Один из них, после того как немного выпил, вытащил пистолет, выстрелил в воздух. Пуля попала в железную беседку, от ricoшетила от железки, попала в камень и оттуда задела ногу Владислава Григорьевича. Он мне рассказал эту историю той ночью. Потом там поднялся переполох, всю деревню подняли на ноги, быстро нашли машину, повезли его во вторую Сухумскую больницу, сделали перевязку, все как положено.

Я, кстати, об этом рассказываю только второй раз. Впервые поведal об этом в интервью журналисту «Республики Абхазия» Юре Кураскуа, если не ошибаюсь²¹.

²¹Видео-интервью Иналу Хашиг и Ибрагиму Чкадуа.

Колонна доехала удачно. Ночью машины остались там, а на второй день загрузили людей, и колонна, как положено, выехала и вновь проделала весь этот путь. Загрузили машины здесь, а высадка происходила в Пицунде. Когда корабли отплыли от Сухума, мы с Эриком сели в машину и поехали в Пицунду.

Людей вывозили таким же путем – до Сухума на машине, а от Сухума до Пицунды на корабле?

Да, конечно, все происходило так же, по тому же маршруту. До Сухума машины приехали своим ходом. Там загрузили их на большие десантные корабли, которые направились в Пицунду. Корабли очень близко подошли к берегу. Машины выехали своим ходом, и люди начали выходить. Картина выглядела ужасно. Напомнила высадку махаджиров, о чем мы знаем по рассказам. Это происходило вечером. Встречали очень организованно, задействовали все службы. Было проще тем, кого встречали родственники. Уезжали к ним. Кстати, в основном людей высадили там, в Пицунде. Наш штаб уже не находился в Адлере. Мы 16 числа, как закончили, составили необходимые документы и уехали оттуда. Заранее знали, что людей будут высаживать в Пицунде. Оттуда пустые машины погрузили на корабли, и они уплыли.

Сколько человек в итоге караван вывез из Ткуарчала?

Людей вывезли более двух тысяч. По официальным источникам – 2965. Но в этот раз было 2 тысячи человек, а 965 – это те, кого вывезли до этого. На тридцати машинах вывезти почти 3000 человек было невозможно. А груза было 438 тонн. Но в этот раз мы отправили около 300 тонн. В итоге вывезли около 3 тысяч человек и около 450 тонн груза. Это явилось существенной поддержкой. Передали большое количество груза и многих вывезли, что принесло облегчение городу. Ведь это были люди, которые не воевали, не приносили фронту никакой пользы. То, что пошло бы на их содержание, могло быть направлено воюющим людям.

Сколько людей осталось в Ткуарчале после того как выехали эти три тысячи?

Я думаю, что это существенно не влияло на количество людей, которое там находилось. Вывезли тех, кто нуждался в дополнительных силах. Остальные способны были себя содержать. Они могли днем находиться в городе, а вечером поехать в деревню к родственникам или вернуться к своему заброшенному дому. А так количество от этого не менялось. Я, кстати, на днях разговаривал с Давидом Чичовичем, который находился там, руководил гарнизоном. Он мне сказал, что иногда количество людей в городе доходило до 70 тысяч человек. Это происходило во время наступлений, когда в селах велись бои. Потом люди уходили опять. Поэтому эти 3 тысячи человек на общую ситуацию не влияли. Так мы завершили эту гуманитарную миссию.

Я здесь пропустил трагические события 15–16 марта, что делаю осознанно, так как об этом очень много написано и сказано. Я не являлся их непосредственным участником, но могу сказать, что это были страшные события. Погибло очень много людей. Наверняка вы слышали, что они не отдавали тела, пытаясь таким путем повлиять на обстановку, усилить недовольство и тем самым надавить на Верховного главнокомандующего. Очень смело, мужественно повели себя здесь матери, которые сказали, что их погибшие дети находятся на своей земле и рано или поздно мы освободим Сухум и перезахороним своих сыновей. 14 декабря, когда сбили вертолет, и 15–16 марта произошли события, ставшие испытанием на прочность. Говорить легко, но это нужно было выстоять. Люди повели себя очень мужественно. А что произошло дальше, мы знаем.

До 16 сентября мы работали в более спокойном режиме, потому что этот большой груз, который был отправлен, облегчил ситуацию. Потом уже вертолеты начали летать, стало намного проще.

Что вы делали эти три месяца, до 16 сентября?

Я продолжал работать со своей группой, отправка людей не прекращалась ни на секунду. Возникало много проблем. Я посылал людей в Россию, дополнительно находили и привозили топливо для кукурузников. Нужно было помогать раненым, которых отправляли в Москву и на Северный Кавказ. Работы было полно. Мы ни на секунду не останавливались.

Кстати, я должен назвать весь состав нашей группы, помимо Давида Чичовича и меня, все время находившихся в разъездах, и Эрика Берзения, который с нами был постоянно. Это Беслан Кварчия – являлся старшим, закрепленным за Министерством обороны, лишь он имел право получать боеприпасы и оружие, стояла только его подпись, и кроме него никто не имел право их получать, каждый ствол, каждый автомат и патрон были на счету; Омар Кварчия, Даур Воуба, Нодар Салакая – водитель, работавший с нами, Аршба Беслан, Астамур Аргун – его нет в живых, Валерий Квициния. Это главная группа, но некоторых мы еще дополнительно брали, когда не хватало людей. Я перечислил выше тех, кто постоянно работал с нами, имея каждый свои обязанности. Это была правительственная министртура, в которой трудились очень ответственные люди. Я мог дать им задание, точно зная, что они его выполнят. Проспал, ошибся, потерял, не дошел – все это исключалось, таких случаев не было никогда, потому что мы имели дело с людьми, с оружием, с боеприпасами. Когда привозили раненых, мы знали, кто кого должен сопровождать. Более того, те, кого не могли отправить, лежали в Гудаутском госпитале. Кому-то из группы поручали приносить им еду. Они же не местные, кто бы их проведаль там. Покупали или находили где-то гуманитарную помощь. Однако покупать не было возможности. Обходили всех, чтобы принести им поесть. Правда, там и местные активисты работали. Несколько человек из нашей группы обходили всех. Кто-то хотел сообщить своим, что живой, ранен, воевал на Гумистинском фронте, родители же ждут. Если кто-то прилетал оттуда, нужно было его довести до госпиталя, свести с человеком чтобы они друг другу могли помочь.

Географически, где работала ваша группа?

Наша группа работала в Гудауте. Если можете, перечислите функции вашей группы.

Все необходимое, что шло отсюда, нужно было подготовить и отправить: оружие, боеприпасы, медикаменты, еду, теплые вещи, письма, бандероли, документы. Вертолет прилетал с людьми. Бывало, из одного вертолета выходило до 100 человек. Вышедшие оттуда были в состоянии, будто прилетели на необитаемый остров, а не на российскую военную базу. Внутри поле огромное, с одной стороны море, с другой закрытая база. Человек вышел ночью и не знает, куда ему идти. Нужно всех встретить, спросить, куда они собираются, обеспечить ночлегом, потом обустроить. За ночь им не поможешь, встречу назначали на второй день. Кому-то нужен паспорт, кому-то деньги от правительства – какие-то копейки, но их нужно было выбить, Лакербая Леонид Иванович этим занимался. Я один этим заниматься не мог, меня тогда послали в Сочи на две недели.

Вашей задачей были все аспекты коммуникации с Ткуарчалом?

Там еще находились люди и с Восточного фронта. Были те, кто жил в Гулрыпшском районе, даже в Сухуме, в центре. Они пешком, тихо-тихо добирались туда. Там находилось огромное количество сухумцев. У меня на квартире собрались все родственники, знакомые мои, моей жены, все, кто жил в Сухуме. Моя квартира являлась своего рода перевалочным пунктом. Они оставались там, пока не появится возможность уйти, что могло произойти через неделю, через месяц. Было непонятно, смогут ли сесть в вертолет. Вот почему там находилось 1.5-2 тысячи человек в ожидании. Сели два вертолета, полетело 150 человек, а ждать остались 1000 человек. До следующего раза они расходились по квартирам, по знакомым. У меня дома, помимо моей семьи, постоянно находилось до 15 человек. У кого-то были свои вещи, а кто-то без куртки, еще что-то. Всего не вспомнишь и не расскажешь.

На российской базе нам нужно было встретить людей и принять, а дальше работали структуры. Отправляли их, расселяли. Осуществляли первый контакт и прием.

Вы говорили, что во время операции МЧС Давид Чичович был начальником гарнизона. Как он оказался в Гудауте?

Он являлся начальником гарнизона, а потом его отправили в Гудауту, чтобы он помог там. Когда возникала необходимость, его отзывали назад. Мы все время находились в движении. Не было такого, чтобы ты пришел и сидел на одном месте. Чтобы поручили тебе одно дело и ты только этим занимался.

То же самое происходило и у Сократа Рачевича. Он выезжал на переговоры, а ему говорили, что необходимо сразу лететь в Ткуарчал. Там возникла ситуация, когда нужен был именно он. Тебе дали один участок работы, ты все сделал – и не нужно там больше оставаться. Давид Чичович в начале войны был военным комендантом, потом его послали в Сухум на переговоры по вывозу людей, которые остались, нашей интеллигенции. Дальше его отправили в Ткуарчал, он вернулся, опять отозвали. И так постоянно. То же самое происходило с теми, кто работал на Северном Кавказе. Это Гена Аламия со своей командой. И в Москве люди, которые туда поехали, являлись участниками круглых столов, выступали, давали интервью. У Багапша С.В. была своя группа, которая работала с членами правительства.

Я пропустил следующее. В операции МЧС в Адлере, в Сочи огромную помощь оказала нам председатель Сочинского отделения МЧС Российского Красного Креста Ольга Моисеева. Она до сих пор там работает. Эрик Берзения живет в Сочи, поддерживает с ней контакт. Она помогала нам и после войны, привозила много груза. В тот момент, когда в считанные дни нужно было максимально загрузить машины и средств у нас не хватало, мы пытались использовать гуманитарные возможности, найти нашу диаспору. Бывало такое, что люди приезжали и спрашивали, чем помочь, а порой отворачивались и уезжали. Там, к примеру, наш абхаз работал на одной из баз.

Имея такую информацию, мы приходили, а он испарялся. Но помогали другие люди, другой национальности. На этом ничего не заработаешь, каждая копейка была на счету. Мы посылали груз в места, где шла война. Не всех это волновало. А мы постоянно находились в поисках тех, кто нам поможет, и эта женщина сделала невозможное. Она загрузила огромное количество груза, в основном медикаменты. Несколько раз выступив по Сочинскому телевидению, Ольга Моисеева обратилась к людям, которые были готовы помочь. Это те, кто когда-то имел связи с ткуарчалцами. Все эти дни 24 часа в сутки она находилась с нами. Имея номера наших телефонов, звонила и говорила: там-то груз, подъезжайте в такое-то время и получите такое-то количество груза. Девочки записывали и передавали нам. Работали мы все как положено, не было возможности делать что-то не так. Спали несколько часов, с шести часов утра вставали и начинали работать. Успеть старались везде. Содержать такое количество машин, работников МЧС было тяжело. Поэтому и они нас немного торопили, другого выхода у них не было.

16 сентября и 30 сентября – это последние наступательные операции Абхазской армии. Наступление началось 16 сентября на Восточном фронте, дальше вышли на трассу. Во главе командования стоял Мераб Кишмария. Это было организованное мероприятие. 17 сентября их поддержал Гумистинский фронт, и наступление пошло отсюда. Мы знаем, что 21–26 сентября уже уличные бои шли в городе Сухум. 27 сентября освободили столицу. Первый флаг водрузили в Сухуме на площади Свободы. Главой администрации Сухума тогда являлся Нодар Хашба. Он вернулся со своей небольшой группой охраны. 28 сентября Шеварднадзе бежал отсюда. А 30 сентября абхазские войска вышли к границе у реки Ингур. Вся территория была освобождена.

Где были вы?

С утра 28 сентября мы были в Сухуме.

Где вы были с 16 сентября?

С 16 числа находился в Гудауте. Я не принимал участия в боевых действиях. После того как взяли столицу, на следующий день мы находились в Сухуме. Кто пешком, кто на чем. Помню, город был в жутком состоянии, усеян трупами, особенно от Гумистинского моста до вокзала. Деревья, провода – все валялось на дороге. Военная техника стояла подорванная, и очень много трупов лежало на площади.

Это были грузинские солдаты или наши тоже были?

Нет, наших там не было. Это были грузины. Здесь, кстати, охраняли правительственное здание украинские добровольцы, по форме их узнавали. Тоже немало было их среди погибших.

Кто первое время убирал трупы? Как это происходило?

Военные убирали. Город приводили в порядок очень долго. Меньше чем через неделю моя семья была уже здесь. Мы заехали в город, оставались у родственников. Вода шла только на улице Чанба. Ходили туда за ней. Транспорт практически отсутствовал. Мы шли, набирали воду в бутылки, кто во что, чуть позже начали стирать вещи. Самая серьезная проблема заключалась в том, как раздобыть хлеб. Работала одна пекарня чуть дальше рынка. Приходилось идти туда рано утром, выставлять очередь из-за одной булки хлеба. Картина такой очереди производила жуткое впечатление. Потом оставались какие-то запасы, друг другу помогали. Помню, я шел в правительственное здание, там находились депутаты, но в голове крутилась мысль, как прокормить семью. Встретил Толика Джопуа, его уже нет в живых, что-то с сердцем было. Мы хорошо знали друг друга. Он находился в Москве, видимо, вернулся. Я его не сразу узнал, но он меня узнал. Поздоровались. Он вытащил деньги, дал мне. Это были первые деньги после войны, которые я держал в руках. Мы тогда не думали о деньгах, о том, что они нам нужны.

31.11.2018 г.

Где-то через месяц я понял, что в дом может залететь шальная пуля. Ходили сумасшедшие люди с оружием в руках, праздновали победу. Вот тогда пришло осознание. Страха не было – убьют так убьют, что теперь делать. Ты делал то, что нужно. Когда чуть успокоился, расслабился, начал беспокоиться и даже бояться. Уже вроде победили, но теперь необходимо все восстанавливать. Нужно жить дальше.

14 декабря, когда сбили вертолет, парень Пачулия, его уже нет в живых, встречал племянников – двоих детей, невестку – мать этих детей, и свою мать. Он попросил ребят разрешить ему туда заехать. Купил, оказывается, конфеты и хлеб, завернул в пакет и спрятал подмышку. Сказал, что будет грузить вертолет, лишь бы дождаться прямо там. Когда ему сказали, что вертолет сбит, он упал с конфетами на руках и рыдал. Ему еще нужно было опознать племянников, невестку и мать. Женский силуэт можно отличить от мужского, но это осознание приходит потом. Он молодой парень, еще не женатый, и это была семья его старшего брата. Он ходил, плакал, нашел детей и с конфетами к ним полез. Я живу с этими воспоминаниями. Время от времени, когда вижу много несправедливых вещей, вижу, как люди с ума начали сходить от денег, вспоминаю, что тогда было, сколько голодных, холодных людей погибло. Когда я прилетал в Ткуарчал, очень хотелось взять что-то с собой, но что я мог взять, сколько буханок хлеба, чтобы раздать там. В Гудауте все это было, летишь в Ткуарчал, там обстановка ужасная. Вернувшись назад, я не хотел есть, еда вызывала у меня отвращение. Вспоминаешь не только своих детей, но и всех остальных, и совесть начинает грызть. Я очень долго не мог сидеть и есть. Мы с Эриком брали кипяток, было гуманитарное повидло – привезли из какой-то республики в больших объемах, клали ложку повидла вместо сахара, отламывали кусок хлеба, забивались в угол, и это самое большее, что мы себе позволяли. Этого хватало на целый день. Если душа позволяла, могли прийти, сесть, поесть и кофе выпить.

31 декабря я встречал Новый год в Гудауте. Сидя за накрытым столом, жизнь берет свое, я не мог глотать, просто делал

вид, что ем. Мои дети находятся в Ткуарчале. И не только мои. Все племянники, двоюродные, троюродные, и вообще столько маленьких детей. Я посидел немного, сказал, что плохо себя чувствую и ушел. Шел снег, холод стоял невыносимый. Я вышел, а там кинотеатр «Киараз» с левой стороны и прямо дорога в военный санаторий, в котором мы находились. Эрик меня ждал там. Я вышел, достал сигареты, иду, курю. До войны никогда не курил, настроение ужасное. Дошел до ворот. Солдаты, которые стояли в воротах, знали меня в лицо. Открыли дверь и пропустили меня. Я думал, что Эрик уже спит, зайду тихо, молча, не буду будить, ведь человек целый день за рулем. Зашел. Аккуратно открываю дверь. Он положил руку под голову, лежит и смотрит на меня, не спал, тоже мучился. Говорит: «Не сплю, заходи. Что, не смог? Я знал, что ты придешь, что не будешь сидеть». Сделали вид, будто отдыхаем, но так и пролежали.

Семья в Ткуарчале поставила елку. Она упала, разбились все игрушки. Достали аккумулятор из моей машины, включили «Щелкунчика». Ели мамалыгу и копченое мясо, которые мой брат привез из деревни. Им, в отличие от многих, еще было что поесть. Поели и слушали всю ночь «Щелкунчика». С едой моей семье было проще потому, что Амиран носил им еду, пройдя пешком 7-8 км, отрывая ее от своих детей. Он ходил по той дороге, по которой позже привезли гуманитарный груз, о котором я рассказывал. Поэтому он все время настаивал: «Забери своих детей, мне потом будет легче». Амиран своих детей из деревни в город не мог привезти. Это явилось бы предательством по отношению к деревне. Он руководил всю жизнь, работал директором колхоза, потом возглавлял сельхозуправление, на него смотрели как на бога, можно сказать, молились. Он был как ориентир для всех. Его уход означал бы, что деревню сдают. Да и географическое положение Бедии особенное. Деревня расположена после горы, будто в яме. Достаточно было мост взорвать, чтобы оторвать ее, и она стала бы территорией врага. За Бедию шла борьба. Она имела огромное стратегическое значение. Если бы грузины захватили эту деревню,

то видели бы город оттуда как на ладони. Могли бы обстреливать город сверху, атаковать его стало бы легче. А в нашей ситуации до линии фронта оставалось километров шесть, и вся эта дорога в гору, и еще оказывалось сопротивление. Пытаться атаковать деревню не имело смысла. Нам ее нужно было удерживать во что бы то ни стало. А брат был привязан к деревне. В это село стреляли целенаправленно, чтобы попасть в дом моего брата, который являлся руководителем этого села. Но, на наше счастье, дом стоял во впадине, с обеих сторон горы, и снаряды не попадали. Они перелетали и попадали на кладбище, которое было выше. Весь переговорный процесс шел у него дома, когда приезжали гамсахурдисты, когда обменивали пленных, раненых и убитых. Ему приходилось решать много проблем: оборонять село, кормить людей.

За Бедией гора, там поселение Ешкыт, в котором располагались грузины. А напротив этой горы жила моя старшая сестра Анелла. Ее дом был в окружении. Муж воевал, старшему сыну лет 13, и он находился с отцом. Дочь старше. Они построили окоп к дому и, как только начинали бомбить, забегали в землянку. Дальше их дома со стороны склона было безопасно. Моя сестра почти всю войну провела там. Она говорит, что, когда шла просто минометная стрельба, они и внимания не обращали, могли загонять скотину в этот момент. Их дом весь обстреляли. Амбар, в котором держали скот, стал дырявым, крыша была как сито. Когда приезжали ткуарчалские ребята на подмогу, часть находилась у брата, часть у сестры. Они принимала всех. Там бывали Давид Пилия, Валерий Джинджолия, Лаврик Миквабия и другие мои друзья. От них узнавали, что я прилетел в Ткуарчал, привез гуманитарную помощь и полетел назад. Моя семья находилась в Ткуарчале. Сестра, естественно, не могла добраться до них, а они до нее. Никакого сообщения между ними не было. Единственное, старший брат с большим риском ходил в Ткуарчал. Грузины, если видели идущего по дороге человека, начинали стрелять. На одного человека могли выпустить 100 снарядов, лишь бы его убить. Он должен был идти по речке, прикрываясь. Ему приходилось передвигаться

так 7 км и еще нести на себе еду моей семье, чтобы они не умерли от голода. Он настаивал по рации, чтобы я забрал детей, а я этого не мог сделать. С моей стороны это явилось бы бегством. В городе, в котором я проработал столько лет, являлся депутатом, забрать детей и уехать было бы концом для меня.

А как деревни обороняли? Кто их оборонял?

Деревни обороняли местные жители. На помощь, конечно же, приходили ткуарчалские ребята. Вообще ткуарчалский полк был как скорая помощь. Они бежали то в Бедию, то в Баслаху, все время подстраховывая. Когда обстреливали Бедийский храм, они поставили ведра в слуховые окна, чтобы создавалась видимость того, что здесь много хорошо вооруженных людей. Могли воспроизвести звуковой эффект больших залпов.

Сколько человек было в ткуарчалском полку?

Я думаю, что человек двести, может, даже и больше. Они, помимо того, что были в резерве, еще и находились на передовой. Это не то что пошли и вернулись. Занимали разные позиции. В самой Бедии тоже одна смена присутствовала постоянно тут, а вторая находилась там, где моя сестра. И буквально через пару километров проходила линия фронта. Когда мы везли гуманитарный груз, они эту линию разобрали, и колонна прошла через мою деревню. Я хорошо знал эти места. Поэтому Владислав Гргорьевич вызвал меня в тот вечер, чтобы я ему объяснял рельеф и местность, где подъемы, где спуски. Этот участок можно характеризовать как сложный. Куда проще было бы через Баслаху поехать. Это через поворот, как сейчас идет трасса в Ткуарчал. Правда, без асфальта тогда – обычная дорога, по которой ездил общественный транспорт.

Почему выбрали такую неудобную дорогу?

Потому, что через Баслаху равнина, и разобрать линию фронта, разминировать означало оголить себя. А как себя по-

ведут грузины, никто не знал. Там доверия не было. Люди, которые охраняли линию фронта, никогда на это не согласились бы. Они через огромные человеческие потери обозначили линию фронта, вырыли окопы, заминировали трассу. Она была закрыта.

Эта заминированная линия реально сдерживала?

Конечно, она сдерживала. А так представьте: разминировать, а дальше равнина, и линию фронта так быстро не обозначишь. А там через Агубедию. Если даже они предприняли бы попытку, потом им пришлось бы подниматься в Ацхыду. У них там вторая линия фронта была. А рельеф здесь такой: узкая лощина, горы с двух сторон, так не полезешь.

Сегодня уже разобрать, расчленить, где правда, где неправда, что было и чего не было, иногда невозможно. Приведу один пример. В село, где живет моя старшая сестра, видевшая все, что происходило, приехал один человек. Он никогда не имел отношения к этой деревне, но начал раздавать награды. Сестра моя говорит: «Я здесь находилась, все видела, вы награждаете совсем не тех людей». Там еще и люди начали возмущаться, но на их голос никто не обратил внимания.

Многие люди вернулись и стали рассказывать, как выступали на митинге в Москве с трафаретами напротив посольства Грузии, считая, что совершили героический поступок. Я понимаю, что напротив посольства Грузии кто-то должен был стоять, но это могли быть женщины с детьми, также люди, жившие там. Но когда это делает здоровый человек, который бросил свою родину и побежал куда-то...

Недавно один человек рассказывал, как он находился на Западе в расцвете сил. А он младше меня на 5-6 лет. Мне было 39 лет, когда война началась. Значит, ему тогда было чуть больше 30-ти. Он рассказывал, как находился в Германии, если не ошибаюсь, где несколько человек провели пикет, очень мужественно защищая родину. Он считает, что совершил героический поступок.

Может, мы географически находились в трех шагах от гра-

ницы, но мой отчий дом, где я родился и вырос, где похоронены мои предки, дом, в котором живет мой старший брат, располагался рядом с линией фронта. Да и депутат Верховного Совета в годы войны был не только для Гудауты или Гагры, но для всей Абхазии, от Псоу до Ингура. Они там целились в дом моего брата, зная, что я экстремист, нахожусь в Гудауте с Ардзинба, на вертолете привожу оружие, северокавказцев. Поэтому целенаправленно стреляли в его дом. Чуть ли не вытащили мою семью из вертолета, когда они летели из Ткуарчала в Гудауту. Их посадили в Сухумском аэропорту. Они долго выясняли, моя это семья или нет, расспрашивали. Минут тридцать держали всех в аэропорту, только потом полетели в Гудауту. Это произошло уже после снятия блокады. Прилетели в Гудауту, дальше находились в Пицунде. Сейчас не это главное, что происходило с моей семьей, а то, к чему нас все это привело.

Депутатам Ткуарчала было сложно. Мы фактически являлись чиновниками, которые руководили городом. Для того чтобы прилететь тогда в Ткуарчал, нужно было иметь чистую спину и чистую биографию. Там жили и люди, которых ты когда-то наказывал или снимал с работы. Но это делалось справедливо и честно. У меня перед ними не было ни страха, ни вины. Я мог смело говорить перед ними, мог сказать, что в состоянии сделать для них, а что нет. Тот, кто на себя не рассчитывал, туда не летал. К сожалению, об этом сегодня никто не помнит, никто не скажет. А вопросов тогда у людей возникало очень много. Вообще это очень тяжело видеть, когда они оказались запертыми там, как скорпионы в одной банке. Нужно было не только прилететь туда, но и смотреть им в глаза, чувствовать, что ты в этом городе жил такой же жизнью, твои дети ходили в ту же школу, что и их, не имея никаких привилегий. Раньше кого-то квартиру ты не получил, жил в таких же условиях, ездил на таком же транспорте, приезжал на сессию не на государственном бензине, а на своем собственном. Мы жили скромно, в обычных условиях, как у всех остальных. Поэтому, наверно, у людей было такое отношение.

К сожалению, в копилку грязи каждый из нас внес свою

лепту. Наверно, никто не может сказать, что сделал все. Я тоже себя виню за то, что многое не смог сказать в лицо своим близким и друзьям, с кем был рядом во время войны.

В этом году²² мы, несколько депутатов первого парламента, как всегда, пришли после 11 часов к памятнику. Потом молча идем на берег и в какой-нибудь кофейне поминаем тех, кто погиб. Вот и весь День Победы для нас.

А что будет дальше?

Дальше наверняка появятся какие-то молодые ребята. Нам тоже тогда было лет по сорок. Несколько человек среди нас были постарше. Это Владислав Григорьевич, Константин Озган, Юрий Воронов, Сократ Рачевич. Остальным было кому под сорок или за сорок, кому за пятьдесят. Наверно, должны появиться какие-то ребята, которые захотят и смогут жить по справедливости, по правилам. Нужно выработать правила, по которым дальше жить. Я очень надеюсь, что это произойдет.

2018 г.

²²2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пассионарий. С.З. Лакоба	3
К.К. Джинджолия. Воспоминания	5

К.К. Джинджолия

Воспоминания

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л.

Тираж .